

№ 3 (1363) МАРТ 1984

СМЕНА

ISSN 0131-6656

Константин Устинович ЧЕРНЕНКО

Константин Устинович Черненко родился 24 сентября 1911 года в деревне Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края, русский.

Член КПСС с 1931 года. Образование высшее—окончил педагогический институт и Высшую школу парторганизаторов при ЦК ВКП(б).

Трудовую жизнь К. У. Черненко начал с ранних лет, работая по найму у кулаков. Вся его дальнейшая трудовая деятельность связана с руководящей работой в комсомольских, а затем в партийных органах. В 1929—1930 годах К. У. Черненко заведовал отделом пропаганды и агитации Новоселовского райкома ВЛКСМ Красноярского края. В 1930 году он пошел добровольцем в Красную Армию. До 1933 года служил в пограничных войсках, был секретарем партийной организации пограничной заставы.

После окончания службы в армии К. У. Черненко работал в Красноярском крае: заведующим отделом пропаганды и агитации Новоселовского и Уярского

райкомов партии, директором Красноярского краевого дома партийного просвещения, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, секретарем Красноярского крайкома партии.

С 1943 года К. У. Черненко учится в Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б). По окончании учебы с 1945 года работает секретарем Пензенского обкома партии. В 1948 году был направлен в Молдавскую ССР и утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии. Работая в этой должности, он много сил и знаний отдал экономическому и культурному строительству в республике, коммунистическому воспитанию трудящихся.

В 1956 году К. У. Черненко выдвигается на работу в аппарат ЦК КПСС, где он возглавил сектор в Отделе пропаганды, и одновременно был утвержден членом редакционной коллегии журнала «Агитатор». С 1960 года он работает начальником Секретариата Президиума Верховного Совета СССР. В 1965 году

К. У. Черненко утверждается заведующим Общим отделом ЦК КПСС. В 1966—1971 годах он—кандидат в члены ЦК КПСС. На XXIV съезде партии (март 1971 г.) избирается членом Центрального Комитета КПСС, а в марте 1976 года на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся после XXV съезда партии,—секретарем ЦК КПСС.

С 1977 года он—кандидат в члены Политбюро, а с 1978 года—член Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 7—10-го созывов. Депутат Верховного Совета РСФСР 10-го созыва. К. У. Черненко был членом советской делегации на международном Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 год), участвовал в переговорах в Вене по вопросам разоружения (1979 год).

Константин Устинович Черненко—видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. На всех постах, которые поручала ему партия, он проявил высокие организатор-

ские способности, партийную принципиальность, преданность великому делу Ленина, идеалам коммунизма. К. У. Черненко—автор ряда научных трудов по актуальным вопросам повышения руководящей роли партии в жизни советского общества, совершенствования стиля и методов партийной и государственной работы, развития социалистической демократии. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС К. У. Черненко выступил с докладом, в котором определены главные направления улучшения идеологической деятельности КПСС в современных условиях.

За большие заслуги перед Родиной Константин Устинович Черненко дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда и награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями Советского Союза. Он является лауреатом Ленинской премии.

К. У. Черненко награжден высшими наградами социалистических стран.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

13 февраля 1984 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова участники Пленума ЦК почтили память Юрия Владимировича Андропова минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, пламенный патриот, ленинец, неутомимый борец за мир и коммунизм.

Находясь по воле партии на важнейших постах партийной и государственной работы, Юрий Владимирович Андропов отдавал все свои силы, знания и огромный жизненный опыт осуществлению политики партии, упрочению ее связей с массами, укреплению экономического и оборонного могущества Советского Союза.

Много внимания уделял Ю. В. Андропов проведению в жизнь выработанной XXVI съездом КПСС и последующими Пленумами ЦК КПСС линии на всемерную интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, совершенствование управления народным хозяйством, усиление ответственности кадров, организованности и дисциплины, на неуклонный рост материального и духовного уровня жизни народа.

Большой вклад внес Ю. В. Андропов в развитие всестороннего сотрудничества стран социалистического содружества, в укрепление единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения, в поддержку справедливой борьбы народов за свою свободу и независимость. Под его руководством последовательно и настойчиво осуществлялся на международной арене ленин-

ский внешнеполитический курс нашей партии и государства — курс на устранение угрозы термоядерной войны, на твердый отпор агрессивным проискам империализма, на упрочение мира и безопасности народов.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплачивают свои ряды вокруг ленинского Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС, полны решимости беззаветно бороться за претворение в жизнь ленинской внутренней и внешней политики партии.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК с речью по этому вопросу выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР тов. Н. А. Тихонов. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Черненко Константина Устиновича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко. Он выразил сердечную благодарность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом партии.

Тов. К. У. Черненко заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения задач коммунистического строительства в нашей стране, обеспечения преемственности в решении поставленных XXVI съездом КПСС задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении ленинской внутренней и внешней политики, которую проводят Коммунистическая партия и Советское государство.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

Речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища К. У. ЧЕРНЕНКО

Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю членов Центрального Комитета за оказанную мне высокую честь — избрание Генеральным секретарем ЦК. Я полностью сознаю громадную ответственность, которая ложится на меня. Понимаю, какая важная, какая исключительно сложная предстоит работа. Заверяю Центральный Комитет, партию, что приложу все свои силы, знания, весь свой опыт, чтобы оправдать доверие, чтобы вместе с вами продолжить ту принципиальную линию нашей партии, которую последовательно и настойчиво проводил в жизнь Юрий Владимирович Андропов.

Организаторский талант, ясный творческий ум, верность ленинизму в теории и политике, острое чувство нового и способность аккумулировать живой опыт масс, непримиримость ко всему, что чуждо нашему мировоззрению и образу жизни, нашей морали, личное обаяние и скромность — все это снискало Юрию Владимировичу огромный авторитет и уважение в партии и народе.

Партия поручала ему сложные и ответственные участки работы. Особенно ярко раскрылись лучшие политические

и человеческие качества Юрия Владимировича Андропова на постах Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он не щадил себя, стремясь всегда быть на высоте стоящих перед ним задач.

Юрий Владимирович внес весомый личный вклад в коллективную деятельность Центрального Комитета, Политбюро ЦК по разработке всесторонне взвешенного и реалистичного курса партии на современном этапе — курса на совершенствование развитого социализма. Под его руководством прошли ноябрьский (1982 года), июньский и декабрьский (1983 года) Пленумы ЦК КПСС, которые стали важными вехами в жизни партии и народа. В решениях Пленумов получила дальнейшее творческое развитие и конкретизацию политическая линия XXVI съезда КПСС.

Много сил и энергии отдавал Ю. В. Андропов в борьбе за обеспечение мирных условий созидательного труда советских людей, за упрочение позиций социализма на международной арене.

Юрий Владимирович хорошо понимал: источник авторитета партии в том, что

свое руководящее положение, свою почетную авангардную роль она завоевала и подкрепляет самоотверженным служением народу, умением точно выразить интересы трудящихся, вооружить их верной марксистско-ленинской программой действий.

Убедительным свидетельством правдивости внутренней и внешней политики КПСС, ее соответствия требованиям и духу времени является горячая всенародная поддержка этой политики. Партия твердо идет избранным путем — путем коммунистического созидания и мира.

Так было раньше. Так будет всегда! Но все мы понимаем, товарищи, что одного желания идти этим путем мало. Нужно уметь не только поставить правительные цели, но и упорно добиваться их, преодолевая любые трудности. Нужно реалистически оценивать достигнутое, не преувеличивая, но и не преуменьшая его. Только такой подход предохраняет от ошибок в политике, от соблазна принять желаемое за действительное, позволяет отчетливо видеть, как говорил Ленин, «что именно мы «доделали» и чего не доделали...».

Недолгий, до обидного недолгий, товарищи, срок суждено было Юрию Владимировичу Андропову трудиться во главе нашей партии и государства. Всем нам будет не хватать его. Он ушел из жизни в самый разгар большой и напряженной работы, направленной на то, чтобы придать мощное ускорение развитию народного хозяйства, преодолеть трудности, с которыми столкнулась страна на рубеже 70—80-х годов. Но все мы знаем, как много удалось сделать партии за это короткое время, как много нового, плодотворного получило права гражданства и утвердилось на практике. Продолжать и коллективными усилиями двигать дальше начатую под руководством Юрия Владимировича работу — лучший способ воздать должное его памяти, обеспечить преемственность в политике.

Преемственность — не отвлеченное понятие, а живое, реальное дело. И суть ее прежде всего в том, чтобы, не останавливаясь, идти вперед. Идти, опираясь на все достигнутое раньше, творчески обогащая его, концентрируя коллективную мысль, энергию коммунистов, рабочего класса, всего народа на нер-

шенных задачах, на ключевых проблемах настоящего и будущего. И это всех нас ко многому обязывает.

Сила нашей партии — в ее единстве, верности марксизму-ленинизму, в способности развивать и направлять творческую активность масс, сплачивать их идейно и организационно, руководствуясь испытанными ленинскими принципами и методами. Вы знаете, товарищи, какое огромное внимание уделяли в последнее время наш Центральный Комитет, Политбюро ЦК, Юрий Владимирович Андропов вопросам совершенствования работы государственного аппарата, улучшения стиля партийного руководства. Один из них — четкое разграничение функций партийных комитетов с задачами государственных и хозяйственных органов, устранение дублирования в их работе. Это крупный вопрос политического значения. И не все, говоря откровенно, отложено тут как следует. Бывает, что работники Советов, министерств, предприятий не проявляют необходимой самостоятельности, перекладывают на партийные органы вопросы, которые должны решаться ими самими. Практика подмены хозяйственных руководителей расколаживает кадры. Более того, она таит в себе опасность ослабления роли партийного комитета как органа политического руководства. Для партийных комитетов заниматься хозяйством — значит прежде всего заниматься людьми, ведущими хозяйство. Это надо помнить всегда.

Товарищи! Полтора месяца назад, на декабрьском Пленуме ЦК, мы дали всестороннюю оценку положения дел в области социально-экономического развития страны. В принятом постановлении особо подчеркнуто, что сейчас важно сохранить набранный темп, общий настрой на практическое решение задач, неуклонно повышать уровень партийного и государственного руководства экономикой, активнее развивать позитивные тенденции, придать им устойчивый характер. Последовательно выполнять эти установки Пленума — наша прямая обязанность.

Весь наш опыт подтверждает: важнейшим источником силы партии всегда была, есть и будет ее связь с массами, гражданская активность миллионов трудящихся, их хозяйский подход к делам на производстве, к проблемам общественной жизни.

Долг партии коммунистов — постоянно сверять свой курс, свои решения, действия прежде всего с мыслями рабочего класса, с его громадным социально-политическим и классовым чутьем. Владимир Ильич Ленин всегда высоко ценил прямоту, жизненную обоснованность и ясность суждений рабочего человека, чутко прислушивался к его мнению, оценкам событий и людей, искал и находил в них ответы на самые злободневные вопросы.

Прислушиваться к слову, идущему из рабочей среды, с переднего края социалистического строительства, держать совет с людьми труда — это и сегодня должно быть первейшей обязанностью, глубокой внутренней потребностью каждого коммуниста-руководителя.

Уметь вовремя увидеть и поддержать народную инициативу, причем в самом широком смысле — от хозяйского, творческого отношения к делу на рабочем месте до активного участия в управлении государством, обществом, — в этом величайший, можно сказать, неисчерпаемый резерв нашего прогресса. Каждым крупным своим достижением наша экономика в той или иной мере обязана творческим починам трудовых коллективов, их собственным, как принято говорить, встречным планам.

Глубокое удовлетворение вызывает широкий отклик трудовых коллективов страны на призыв декабрьского Пленума — добиться сверхпланового повышения производительности труда на 1 процент и дополнительного снижения себестоимости продукции на 0,5 процента.

Патриотический подъем, энергия и деловитость, с которыми трудящиеся, партийные, профсоюзные, комсомольские организации взялись за решение этой задачи, вселяют уверенность, что успех будет обеспечен.

Думаю, что следует рассмотреть вопрос о том, чтобы все средства и ресурсы, которые будут получены за счет этого, а они немалые, направить на улучшение условий труда и быта советских людей, медицинское обслуживание, строительство жилья. Это полностью отвечало бы высшей цели политики партии — всемерной заботе о благе человека.

Вообще, товарищи, нам, видимо, следует подумать о том, чтобы творческие начинания, новаторство трудящихся лучше стимулировались материально и морально.

В самой основе советского строя заложена социальная справедливость. И в этом его огромная сила. Потому столь важно, чтобы она неукоснительно соблюдалась в повседневных делах, идет ли речь о заработной плате и премиях, распределении квартир или путевок, о награждениях, — словом, чтобы все делалось по справедливости, в соответствии с трудовым вкладом каждого человека в наше общее дело.

Здесь есть над чем поработать партийным, профсоюзным, комсомольским организациям, хозяйственным руководителям. Многие зависят от самих трудовых коллективов. У них сейчас — большие, закрепленные в законодательном порядке права. Дело за тем, чтобы полнее их использовать.

За последнее время партия обогатилась новым опытом руководства социалистическим обществом. Мы стали лучше использовать преимущества, возможности нашего строя. К их числу, безусловно, относятся организованность и сознательность масс. Отсюда наше внимание к укреплению порядка, дисциплины.

Вопрос об организованности, о порядке — для нас ключевой, принципиальный. Насчет этого двух мнений быть не может. Всякая разболтанность, безответственность оборачиваются для общества не только материальными издержками. Они причиняют серьезный социальный, нравственный ущерб. Это хорошо понимаем мы, коммунисты, понимаем миллионы советских людей. И вполне закономерно, что поистине всенародное одобрение получили меры, принятые партией в целях повышения трудовой, производственной, плановой, государственной дисциплины, по укреплению социалистической законности.

В этой области удалось уже кое-что сделать. И все знают, как это благотворно действовало на производственные дела, на нашу общественную жизнь, да и просто на настроение людей. Но неверно было бы полагать, что сделано уже все. Нет, товарищи, жизнь учит, что тут расслабляться никак нельзя.

Что касается основных направлений развития нашей экономики, они четко определены партией. Интенсификация, ускоренное внедрение в производство достижений науки и техники, осуществление крупных комплексных программ — все это в конечном счете должно поднять на качественно новый уровень производительные силы нашего общества.

В серьезной перестройке нуждаются система управления экономикой, весь наш хозяйственный механизм. Работа в этом плане только началась. Она включает в себя широкомасштабный экономический эксперимент по расширению прав и повышению ответственности предприятий. Идут поиски новых форм и методов хозяйствования в сфере услуг. Несомненно, они дадут много полезного, помогут нам решить стратегически важную проблему — поднять эффективность всего народного хозяйства.

Давайте, однако, спросим себя: а не получается ли так, что для иных хозяй-

ственных руководителей ожидание результатов экспериментов служит прикрытием их пассивности, стремления работать по старинке? Конечно, обновление экономических структур — дело ответственное. Здесь не мешает соблюсти и старое мудрое правило: семь раз отмерь, один отрежь. Но это вовсе не оправдывает тех, кто вообще не желает считаться с изменившимися условиями, с новыми требованиями жизни.

Проявлять на всех уровнях больше самостоятельности, смело вести поиски, идти, если надо, на оправданный риск во имя повышения эффективности экономики, роста благосостояния народа — вот чего мы ждем от наших хозяйственных кадров.

Вы знаете, что в минувшем году ЦК КПСС и правительство разработали и приняли ряд постановлений по принципиальным вопросам развития экономики. Эти решения дали в руки партийных и хозяйственных органов определенные рычаги повышения эффективности производства, ускорения экономического развития страны.

Намеченные меры, а они имеют не только хозяйственное, но и большое политическое значение, будут претворены в жизнь лишь в том случае, если их выполнение станет главным содержанием повседневной работы каждой партийной организации, каждого работника.

Решая задачи сегодняшнего дня, мы создаем предпосылки для достижения гораздо более высоких рубежей в будущем. Может быть, о нашем завтрашнем дне, о двенадцатой пятилетке, еще рано говорить в деталях, но главные проблемы, главные направления предстоящей работы видны уже сейчас.

Новая пятилетка прежде всего должна стать началом глубоких качественных изменений в производстве, пятилеткой решающего перелома в деле интенсификации всех отраслей нашего народного хозяйства. Современная материально-техническая база и система управления должны обрести новые, более высокие качества.

Не менее важно сейчас обеспечивать все более тесную взаимосвязь экономического, социального и духовного прогресса советского общества. Невозможно поднимать экономику на качественно новый уровень, не создавая необходимые для этого социальные и идеологические предпосылки. Равным образом невозможно решать назревшие проблемы развития социалистического сознания, не опираясь на прочный фундамент экономической и социальной политики.

Строить новый мир — это значит неустанно заботиться о формировании человека нового мира, о его идейно-нравственном росте. Именно под этим углом зрения, как известно, рассмотрел вопросы идеологической, массово-политической работы июньский Пленум ЦК. В соответствии с его установками партия будет добиваться, чтобы эта работа полностью отвечала характеру больших и сложных задач совершенствования развитого социализма.

Осмыслить эти задачи в их комплексе, наметить четкую долгосрочную стратегию их решения, показать связь наших текущих дел с коммунистической перспективой — вот что должна нам дать новая редакция партийной программы. Ее подготовке Центральный Комитет придает огромное значение.

Товарищи! Разрабатывая планы дальнейшего развития нашей страны, мы не можем не учитывать положение, складывающегося в мире. А оно сейчас, как вы знаете, сложное и напряженное. Тем большее значение приобретает в этих условиях верный курс партии и Советского государства в области внешней политики.

Борьба за дело прочного мира, свободы и независимости народов всегда была в центре внимания Юрия Владимировича Андропова. Под его руководством Политбюро ЦК и высшие органы нашей государственной власти форми-

ровали активную внешнюю политику, отвечающую этим благородным принципам. Политику, направленную на избавление человечества от угрозы мировой ядерной войны. Эта ленинская политика мира, основные черты которой на современном историческом этапе определены решениями последних съездов КПСС, отвечает коренным интересам советского народа, да, в сущности, и других народов мира. И мы решительно заявляем: от этой политики мы не отступим ни на шаг.

Совершенно ясно, товарищи, что успех дела сохранения и укрепления мира в значительной мере зависит от того, насколько велико будет влияние на мировой арене социалистических стран, насколько активны, целеустремленны и согласованы будут их действия. Наши страны кровно заинтересованы в мире. Во имя этой цели мы будем стремиться к расширению сотрудничества со всеми странами социализма. Всемерно развивая и углубляя сплоченность и сотрудничество со странами социалистического содружества — во всех сферах, включая, конечно, и такую важную сферу, как экономическая, — мы тем самым вносим большой вклад в дело мира, прогресса и безопасности народов.

Обращаясь к братским странам, мы говорим: в лице Советского Союза вы и впредь будете иметь надежного друга и верного союзника.

Одной из основ внешней политики нашей партии и Советского государства была и будет солидарность с народами, сбросившими ярмо колониальной зависимости и вступившими на путь самостоятельного развития. И особенно, конечно, с народами, которым приходится отражать атаки агрессивных сил империализма, создающего то в одном, то в другом районе мира опаснейшие очаги кровавого насилия и военных пожаров. Быть на стороне правого дела народов, выступать за устранение таких очагов — это сегодня тоже необходимое и важное направление борьбы за прочный мир на земле. Принципиальная позиция нашей партии в этих вопросах ясна, чиста и благородна, и ее мы будем придерживаться неуклонно.

Теперь об отношениях с капиталистическими странами. Великий Ленин завещал нам принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Мы этому принципу неизменно верны. Сейчас, в век ядерного оружия и сверхточных ракет, он необходим народам, как никогда ранее. К сожалению, некоторые руководители капиталистических стран, судя по всему, не отдают себе в этом ясного отчета. Или не хотят отдавать.

Мы хорошо видим угрозу, которую создают сегодня для человечества безрассудные, авантюристические действия агрессивных сил империализма, — и говорим об этом в полный голос, обращая на эту опасность внимание народов всей земли. Нам не требуется военное превосходство, мы не намерены диктовать другим свою волю, но сломать достигнутое военное равновесие мы не позволим. И пусть ни у кого не останется ни малейших сомнений: мы и впредь будем заботиться о том, чтобы крепить обороноспособность нашей страны, чтобы у нас было достаточно средств, с помощью которых можно охладить горячие головы воинствующих авантюристов. Это, товарищи, очень существенная предпосылка сохранения мира.

Советский Союз как великая социалистическая держава полностью сознает свою ответственность перед народами за сохранение и укрепление мира. Мы открыты для мирного взаимодействия со всеми государствами с государствами всех континентов. Мы за мирное решение всех спорных международных проблем путем серьезных, равноправных, конструктивных переговоров. СССР будет в полной мере взаимодействовать со всеми государствами, которые готовы практическими делами помогать

Речь члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР товарища Н. А. ТИХОНОВА

уменьшению международной напряженности, создавать в мире атмосферу доверия. Иными словами, с теми, кто действительно будет вести дело не к подготовке войны, а к укреплению устоев мира. И мы считаем, что в этих же целях должны быть в полной мере использованы все имеющиеся рычаги, включая, конечно, и такой, как Организация Объединенных Наций, которая и создана была для сохранения и укрепления мира.

Товарищи, нас, советских коммунистов, искренне радует, что в борьбе за мирное будущее и прогресс человечества мы идем рука об руку с миллионными братьями по классу, с многочисленными отрядами мирового коммунистического и рабочего движения. Неизменно верные принципы пролетарского интернационализма, мы с горячей симпатией и глубоким уважением относимся к борьбе наших зарубежных товарищей за интересы и права трудящихся и видим свой долг в том, чтобы всемерно крепить связывающие нас узы.

Вот что хотелось бы сказать сегодня о линии нашей партии в международных делах. И мы уверены, что ее всей душой горячо поддерживает советский народ.

Товарищи!
Все свои достижения советские люди неразрывно связывают с деятельностью партии. Безавдетно преданная массам, партия пользуется полным доверием масс.

Только что в партийных организациях завершилась отчетно-выборная кампания. Она вновь показала высокий уровень сознательности и активности коммунистов. На руководящие посты избраны авторитетные, опытные, знающие люди.

В работе Пленума участвуют первые секретари крайкомов и обкомов партии. К вам, товарищи, хотелось бы обратиться особо. Центральный Комитет хорошо знает, как широк круг ваших обязанностей, ваших забот. Знает, как много от вас зависит в решении и наших текущих, ближайших и стратегических задач. Политбюро ЦК уверено, что вы сделаете все необходимое для обеспечения устойчивых темпов роста промышленного производства, успешного выполнения Продовольственной программы, развития трудовой активности масс, для реализации мер, направленных на подъем народного благосостояния. И тем самым — для повышения авангардной роли партии.

Любой выборный пост в нашей партии — пост ответственный. Избрание в партийный комитет надо рассматривать как своего рода кредит доверия, выданный членами партии своим товарищам. И это доверие должно быть оправдано самоотверженным трудом. Таков наказ участников прошедших собраний и конференций. Сейчас, на пороге выборов в Верховный Совет СССР, этот требовательный наказ партия передает и тем коммунистам, которые выдвинуты кандидатами в депутаты, войдут в высший орган государственной власти.

Неисчерпаемая сила советских коммунистов — в сплоченности их рядов. В полной мере эта сила раскрывается, когда, говоря словами Ленина, «мы все, члены партии, действуем как один человек». Именно так дружно, сплоченно действует ленинский Центральный Комитет КПСС, его руководящее ядро — Политбюро ЦК. Это позволяет принимать выверенные, всесторонне взвешенные решения, ведущие к упрочению союза рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, братской дружбы народов Союза ССР.

Подлинно партийная, деловая и творческая атмосфера, в создание которой так много сил вложил Юрий Владимирович Андропов, была и будет обязательным условием работы Центрального Комитета партии. Это — залог дальнейшего роста авторитета КПСС, успешного решения стоящих перед нами больших и сложных задач коммунистического строительства.

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия, наш народ, мировое коммунистическое и рабочее движение понесли тяжелую утрату. Оборвалась жизнь Юрия Владимировича Андропова — выдающегося деятеля нашей партии и Советского государства, пламенного патриота социалистической Родины, неутомимого борца за мир и коммунизм.

Короткий срок, год с небольшим, возглавлял Юрий Владимирович Центральный Комитет. Но как много за это время сделано. Следуя курсом XXVI съезда, творчески обогащая его, партия под руководством ЦК КПСС добилась уверенного продвижения страны на всех направлениях экономического и социального прогресса.

Многогранной была деятельность Юрия Владимировича, и на ответственных постах, которые доверяла ему партия, он отдавал все свои силы и знания служению интересам народа.

У каждого из нас свежи в памяти глубокие выступления Юрия Владимировича на ноябрьском (1982 г.) и последующих Пленумах ЦК, в которых дана четкая программа реализации преимуществ социализма, решения актуальных проблем коммунистического строительства.

Он умело и энергично направлял деятельность Центрального Комитета, Политбюро по мобилизации коммунистов, всех трудящихся на ускоренное развитие экономики, совершенствование управления народным хозяйством, укрепление организованности и дисциплины. Опираясь на коллективный опыт, чутко улавливая потребности общественного развития, Юрий Владимирович внес большой личный вклад в работу партии по усилению могущества Советского государства, повышению благосостояния советских людей.

Он настойчиво боролся за последовательную реализацию миролюбивого внешнеполитического курса партии, курса на устранение угрозы термоядерной войны, на решительный отпор агрессивным проискам империализма.

Мы все глубоко переживаем большое горе, которое постигло нашу партию, весь советский народ, но долг коммунистов-ленинцев состоит в том, чтобы еще теснее сплотить свои ряды, крепить единство партии и народа.

Политбюро ЦК выражает твердую убежденность в том, что Пленум Цен-

трального Комитета продемонстрирует перед всей страной, перед всем миром непреклонную волю партии твердо и последовательно идти и дальше верным ленинским курсом.

Настойчиво и целеустремленно будет проводиться линия, выработанная историческим XXVI съездом КПСС и последующими Пленумами ЦК, на интенсификацию производства, повышение эффективности экономики, ускорение научно-технического прогресса, реализацию Продовольственной программы, на все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей советских людей.

Партия и впредь будет крепить нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братскую дружбу народов нашей Родины.

КПСС и Советское государство всегда будут верны идеалам мира, дружбы и сотрудничества между народами всех стран, идеалам социального прогресса.

Дорогие товарищи!
Политбюро обсудило вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС и единодушно поручило мне предложить Пленуму избрать Генеральным секретарем Центрального Комитета нашей партии товарища Черненко Константина Устиновича.

Константин Устинович прошел богатую жизненную школу. Знает он и нелегкий крестьянский труд, и солдатскую службу, и будни сельского райкома.

Многие годы он возглавлял ответственные участки партийной работы в Красноярской, Пензенской, Молдавской партийных организациях, в аппарате ЦК КПСС.

Где бы ни трудился Константин Устинович, он всегда проявлял себя как талантливый организатор масс, пламенный пропагандист марксистско-ленинских идей, непоколебимый борец за претворение в жизнь политики нашей великой партии.

Коммунистам, советским людям Константин Устинович хорошо известен как выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, верный соратник таких руководителей ленинского типа, какими были Леонид Ильич Брежнев и Юрий Владимирович Андропов.

Работая в Политбюро и секретариате ЦК, Константин Устинович многое сде-

лал для развития и утверждения ленинского стиля партийного и государственного руководства, для которого характерны глубокое понимание ключевых вопросов общественного развития, реалистический подход к оценке достигнутого и нерешенных проблем, высокая требовательность к кадрам и в то же время доброжелательное отношение к ним, опора на инициативу и опыт трудящихся.

Константина Устиновича отличает умение зажечь людей своей энергией, новаторским отношением к любому делу, сплотить товарищей на дружную коллективную работу.

Хотелось бы особо подчеркнуть его постоянную потребность в общении с массами, его внимание к каждой человеческой судьбе — будь то талантливый ученый или знатный металлург, солдатская мать или молодой писатель.

Константину Устиновичу принадлежит видная роль в разработке крупных теоретических проблем совершенствования развитого социалистического общества, в создании целостной концепции идеологической деятельности КПСС на длительный перспективу.

Константин Устинович принимает самое активное участие в формировании стратегических направлений нашей миролюбивой внешней политики, в деятельности КПСС по укреплению единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения.

Наши военные работники знают, как много занимается Константин Устинович вопросами укрепления обороноспособности страны, оснащения Вооруженных Сил современной техникой, идейной закалки личного состава армии и флота.

Политбюро уверено, что Константин Устинович Черненко на посту Генерального секретаря ЦК КПСС будет достойно возглавлять боевой штаб нашей партии.

Тесно сплотившись вокруг ленинского Центрального Комитета и его руководящего ядра, вооруженные ясной и четкой программой действий, выработанной XXVI съездом партии, последующими Пленумами ее Центрального Комитета, коммунисты, все советские люди с оптимизмом смотрят в будущее и полны решимости своим самоотверженным трудом обеспечить дальнейший расцвет нашей великой Родины.

Выступление члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева

Товарищи! Мы завершаем наш внеочередной Пленум ЦК, собравшийся в ответственный момент жизни партии и народа. Пленум прошел в обстановке единства и сплоченности. На Пленуме с чувством огромной ответственности перед партией и народом решены вопросы преемственности руководства.

Пленум показал, что партия пойдет и дальше ленинским курсом, выработанным XXVI съездом КПСС, ноябрьским

(1982 г.), июньским и декабрьским (1983 г.) Пленумами ЦК. С особой силой это проявилось в единодушном избрании товарища Черненко Константина Устиновича на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, в полной поддержке положений и выводов по проблемам внутренней политики и внешнеполитической деятельности партии и государства, высказанных в его выступлении на сегодняшнем Пленуме ЦК КПСС.

Позвольте от имени Политбюро выразить уверенность, что члены ЦК, все участники Пленума, возвратившись на места, в партийные организации, будут действовать в духе единства и сплоченности, высокой требовательности и ответственности, которые характеризуют настоящий Пленум Центрального Комитета партии.

Желаем вам всем успехов в работе. Пленум объявляется закрытым.

**Коммунистическая партия Советского Союза,
весь советский народ понесли тяжелую утрату.
Оборвалась жизнь выдающегося деятеля ле-
нинской партии и Советского государства, пла-
менного патриота социалистической Родины,
неутомимого борца за мир и коммунизм
Юрия Владимировича АНДРОПОВА.**

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС,
Президиума Верховного Совета СССР,
Совета Министров СССР

к Коммунистической партии, к советскому народу

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Оборвалась жизнь выдающегося деятеля ленинской партии и Советского государства, пламенного патриота социалистической Родины, неутомимого борца за мир и коммунизм Юрия Владимировича Андропова.

Его жизнь — образец беззаветного служения интересам партии и народа, великому делу Ленина. На всех постах, где по воле партии трудился Юрий Владимирович Андропов, он отдавал свои силы, знания, огромный жизненный опыт неуклонному осуществлению политики партии, борьбе за торжество коммунистических идей. Качества крупного политического руководителя ярко проявились во всей многогранной деятельности Ю. В. Андропова — на комсомольской работе и в организации партизанского движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны, на ответственных участках партийной и дипломатической деятельности. Много труда вложил он в укрепление безопасности нашего государства.

Со всей силой выдающиеся способности и организаторский талант товарища Андропова — руководителя ленинского типа — раскрылись в его работе на постах Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Короткий срок довелось Ю. В. Андропову возглавлять Центральный Комитет КПСС. Но за это время партия, следуя курсом XXVI съезда, творчески обогащая его, обеспечила уверенное продвижение страны на всех направлениях экономического и социального прогресса.

Важными вехами в жизни партии и народа, в укреплении их нерушимого единства стали ноябрьский (1982 г.), июньский и декабрьский (1983 г.) Пленумы ЦК КПСС. В решениях Пленумов, в выступлениях Ю. В. Андропова была развита и конкретизирована современная стратегия партии — стратегия совершенствования зрелого социализма.

В этот период усилия партии и народа были сконцентрированы на ускорении развития экономики, на улучшении управления народным хозяйством, укреплении партийной, государственной и трудовой дисциплины, повышении ответственности кадров, на развитии творческой активности масс.

Принятые партией меры подчинены одной цели — росту благосостояния советских людей, усилению могущества Советского государства. Во всем этом велики заслуги Юрия Владимировича Андропова.

Значителен вклад Ю. В. Андропова в развитие всестороннего сотрудничества стран социалистического содружества, в укрепление единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения, в поддержку борьбы народов за свободу и независимость.

Под его руководством ЦК КПСС и Советское государство последовательно и настойчиво осуществляли на международной арене ленинский внешнеполитический курс — курс на устранение угрозы термоядерной войны, на твердый отпор агрессивным проискам империализма, на упрочение мира и безопасности народов.

В эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплачивают свои ряды вокруг ленинского Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС. Трудящиеся Совет-

ского Союза видят в Коммунистической партии своего испытанного, коллективного вождя, полны решимости беззаветно бороться за претворение в жизнь ее внутренней и внешней политики, выражающей коренные интересы народа. Ленинский курс партии непоколебим. Партия вооружена ясной и четкой программой действий, выработанной XXVI съездом КПСС, последующими Пленумами ее Центрального Комитета.

КПСС будет и впредь настойчиво и целеустремленно проводить линию на всемерную интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, усиление организованности и дисциплины, на неуклонный рост материального и духовного уровня жизни народа. Она будет крепить нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братскую дружбу народов СССР, развивать социалистическую демократию, воспитывать людей в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, преданности великим идеалам коммунизма.

В нынешней сложной, опасно обострившейся международной обстановке КПСС, Советское государство считают своим первейшим долгом последовательно отстаивать дело мира, проявлять выдержку и бдительность, решительно срывать авантюристические замыслы империализма, укреплять оборонную мощь страны.

Советский народ — убежденный противник решения спорных международных вопросов силой. Мир без войн — наш идеал. В борьбе за прочный мир вместе с нами — братские страны социализма, коммунистические и рабочие партии, борцы за национальное и социальное освобождение, широкие народные массы, выступающие за предотвращение термоядерной катастрофы.

Наша партия и государство будут и впредь твердо и неуклонно проводить в жизнь принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Мы желаем жить в мире со всеми странами, активно сотрудничать с теми правительствами и организациями, кто готов честно и конструктивно работать во имя мира.

Советский народ твердо знает: партия, Центральный Комитет, его руководящее ядро непоколебимо верны ленинскому знамени, делу Великого Октября. Партия свято дорожит доверием народа и считает высшей целью своей деятельности заботу о благе и счастье советских людей. Единство партии и народа было, есть и будет источником нашей силы.

В памяти коммунистов, всех советских людей Юрий Владимирович Андропов навсегда останется как человек, беспредельно преданный учению Маркса — Энгельса — Ленина, принципиальный и скромный, близкий к людям труда, чуткий к их нуждам и заботам, умеющий подчинить все интересам социалистической Отчизны.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают глубокую уверенность в том, что коммунисты, все советские люди с новой силой проявят свою классовую сознательность и организованность, свои высокие коллективистские качества, целеустремленным самоотверженным трудом обеспечат выполнение народнохозяйственных планов и социалистических обязательств, дальнейший расцвет нашей великой Родины.

ПОХОРОНЫ ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА АНДРОПОВА

Во время похорон Ю. В. Андропова.

Траурный митинг на Красной

С чувством глубокой скорби советский народ 14 февраля проводил в последний путь Юрия Владимировича Андропова — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

...Колонный зал Дома союзов. В последний почетный караул у гроба покойного встают К. У. Черненко, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков.

Траурную вахту несли члены комиссии по организации похорон А. П. Александров, С. А. Шалаев, В. М. Мишин, Г. М. Марков, Т. Н. Хренников, Н. А. Пономарев, В. В. Терешкова, И. И. Сенькин, М. А. Ульянов, П. И. Климук, В. С. Чичеров, Л. И. Абрамова.

11 часов. В зале остаются родные и близкие Ю. В. Андропова. Последние минуты прощания.

Звучат траурные мелодии. Гроб с телом Ю. В. Андропова выносят из Колонного зала и устанавливают на артиллерийский лафет. Кортёж направляется на Красную площадь.

В скорбном молчании за гробом Ю. В. Андропова в траурной процессии идут руководители Коммунистической партии и Советского государства, члены комиссии по организации похорон, родные и близкие покойного, руководители министерств и ведомств, ответственные работники ЦК КПСС, МГК КПСС и исполкома Моссовета, представители общественности.

Впереди процессии — множество венков, возложенных в Доме союзов от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, союзных и автономных республик, краев и

областей, министерств и ведомств, партийных, советских и общественных организаций, от трудовых коллективов страны. Здесь же венки от зарубежных делегаций.

На алых атласных подушечках несут советские ордена и медали, которых Ю. В. Андропов удостоен за большие заслуги перед Родиной.

Красная площадь. В скорбном молчании тысячи москвичей, пришедших сюда на траурный митинг. В четком строю — части войск Московского гарнизона. Над их колоннами склонены боевые знамена.

Траурная процессия приближается к Мавзолею. Гроб с лафета переносится на постамент.

На центральную трибуну Мавзолея поднимаются товарищи К. У. Черненко, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, члены комиссии по организации похорон.

На трибунах — члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, представители партийных, советских и общественных организаций, военачальники, передовики производства.

Здесь же — многочисленные зарубежные гости, прибывшие на похороны Ю. В. Андропова.

Траурный митинг открывает Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, первому заместителю Председателя Совета Министров СССР, министру иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Выступает кузнец-штамповщик Московского автозавода имени И. А. Лихачева Герой Социалистического Труда К. Н. Малин.

Речь К. У. ЧЕРНЕНКО

Дорогие товарищи!

В сердцах советских людей глубокой скорбью отозвалась кончина Юрия Владимировича Андропова. Ушел из жизни славный сын Коммунистической партии, выдающийся политический деятель, человек широкой души и большого сердца. До самого последнего дня Юрий Владимирович отдавал все свои силы делу партии и народа.

Яркую, до предела наполненную жизнь прожил Юрий Владимирович. Комсомольский вожак и организатор партизанского движения, дипломат и партийный работник— всюду, куда его направляла партия, работал он вдохновенно и самоотверженно. Его замечательные качества коммуниста-ленинца— преданность коммунистическим идеалам, негибкая воля, скромность и деловитость, забота о человеке труда— все это снискало ему огромный авторитет в партии и народе. Руководитель ленинского типа, Ю. В. Андропов обладал даром глубокого проникновения в сущность происходящих событий и умением осмыслить их, сделать четкие и ясные выводы, сплотить людей и вести их за собой.

Испытанный деятель партии, Юрий Владимирович Андропов вносил большой вклад в деятельность ее коллективного руководящего ядра— Центрального Комитета и Политбюро ЦК. На высоком посту Генерального секретаря ЦК КПСС особенно полно и ярко проявились его организаторский талант, обширные знания и богатейший жизненный опыт. В этот период усилия партии и народа были направлены на поиск новых путей совершенствования развитого социализма, умножения экономического могущества страны, повышения жизненного уровня трудящихся, укрепление трудовой дисциплины, организованности и ответственности. Коллективно выработанные Центральным Комитетом КПСС решения встретили пол-

ную поддержку в партии и в народе, принесли немало позитивных перемен. Огромная заслуга здесь принадлежала Юрию Владимировичу.

Товарищи! В эти скорбные дни прощания с Юрием Владимировичем Андроповым вновь зримо проявилась монолитная сплоченность Коммунистической партии Советского Союза, нерушимое единство партии и народа. Миллионы коммунистов и беспартийных практическими делами подтверждают доверие к партии, к ее внутренней и внешней политике. Ничего выше, чем доверие народа, для нашей партии нет и не будет.

Коммунистическая партия Советского Союза, ее Центральный Комитет обладают ясным видением перспектив, четкой программой работы. Партия ведет советский народ к новым свершениям научно выверенным курсом— ленинским курсом. И с этого курса мы не свернем. Это вновь подтвердил состоявшийся вчера внеочередной Пленум ЦК КПСС.

Мы будем и впредь поддерживать инициативу масс, тот созидательный подъем, которым охвачены ныне партия и народ. Главное сейчас,— руководствуясь решениями XXVI съезда партии, Пленумов ЦК КПСС, закрепить и приумножить позитивные сдвиги во всех сферах общественной жизни. Теперь, товарищи, особенно важно делать упор на конкретные дела, добиваться реальных и весомых результатов. Именно по ним партия будет оценивать и зрелость руководящих кадров, и работу трудовых коллективов, и достижения республик, областей, всех отраслей народного хозяйства нашей страны.

Страстный поборник мира на земле, Ю. В. Андропов многое сделал для укрепления международных позиций нашей страны, повышения ее обороноспособности и боевой мощи Советских Вооруженных Сил. Его помыслы и практи-

ческие дела были сконцентрированы на том, чтобы сохранить мир, уберечь человечество от угрозы ядерной катастрофы. И в нынешней, крайне напряженной международной обстановке мы ясно заявляем: Советский Союз будет продолжать политику мира— мира прочного и справедливого для всех народов— больших и малых. Мы подтверждаем и свою готовность к переговорам, но к переговорам честным, на основе равенства и одинаковой безопасности. Угрозами нас не запугать. Оборона наша крепка, и мы сумеем защитить все, что завоевано трудом советских людей.

Народам социалистических стран мы сегодня можем вновь сказать, что развитие нашего сотрудничества на основе проверенных жизнью принципов пролетарского интернационализма остается нашим неизменным ориентиром.

Советский Союз выражает солидарность с борьбой народов освободившихся стран за независимость, социальный и экономический прогресс, против посягательства империализма на свободу и подлинно демократическое развитие.

Товарищи! От имени нашей партии и правительства, от имени советского народа хочу выразить признательность братским партиям, трудящимся социалистического содружества, правительствам и народам других стран— всем, кто почтил светлую память Юрия Владимировича Андропова. Мы твердо заверяем советский народ, наших друзей за рубежом, что Коммунистическая партия Советского Союза и впредь будет неизменно идти дорогой Ленина.

В этот горестный час прощания с Юрием Владимировичем хочу высказать самые глубокие соболезнования его семье и близким.

Прощай, наш дорогой друг и товарищ Юрий Владимирович! Твой светлый образ навсегда останется с нами.

Речь А. А. ГРОМЫКО

но Юрием Владимировичем Андроповым.

Особую заботу Юрий Владимирович проявлял о том, чтобы советские люди, все люди земли жили в условиях мира. Он делал все, чтобы нынешнее и следующие поколения людей не испытывали страха за свое будущее.

Под его руководством Центральный Комитет КПСС настойчиво продолжал линию на укрепление международной безопасности, на мирное сосуществование государств.

Вопросами внешней политики Юрий Владимирович занимался повседневно. Его отличала способность видеть главное в сложных международных проблемах. Он видел и перспективу, и то, что нужно сделать сегодня, какие решения принимать в каждый данный момент. Во всей полноте эти его качества проявились в период, когда ему были доверены высшие посты в партии и государстве.

Центральный Комитет КПСС, Политбюро, руководствуясь решениями партийных съездов и Пленумов ЦК, уверенно ведут дела и в нынешних сложных международных условиях. Состоявшийся вчера Пленум Центрального Комитета вновь это со всей силой подтвердил.

Принимая вынужденные меры по укреплению своей безопасности и безопасности своих союзников, меры необходимые, Советский Союз, его руковод-

ство не ослабляют и не ослабят усилий, направленных на то, чтобы отвести от человечества военную угрозу, оздоровить международную обстановку.

Наша страна выступила с серией крупных инициатив принципиального значения. Суть их в том, чтобы укрепить мир. Для этого необходимо прежде всего отказаться от попыток нарушить сложившееся военно-стратегическое равновесие, прекратить наращивание ядерных вооружений, предпринять усилия к ограничению и сокращению этих вооружений.

Тем, кто проводит политику милитаризма, безумной гонки вооружений и вмешательства во внутренние дела других государств, нужно отказаться от этой политики и заменить ее политикой мира и сотрудничества. К этому Советский Союз их призывает.

Советский Союз решительно за то, чтобы договориться о масштабных мерах укрепления доверия. Этому во многом способствовали бы— обязательство всех ядерных держав не применять первыми ядерное оружие, международная договоренность не применять вооруженную силу вообще.

Предложения Советского Союза никого не ущемляют, они одинаково выгодны для всех. Мы ожидаем, что страны Запада откликнутся на них и будут вместе с нами работать на дело мира.

площади

У микрофона—член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов.

Выступает первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков.

Слово предоставляется первому секретарю Карельского обкома КПСС И. И. Сенькину.

Траурный митинг объявляется закрытым. Руководители Коммунистической партии и Советского государства подходят к постаменту с гробом Ю. В. Андропова. Процессия направляется к Кремлевской стене.

12 часов 45 минут. Гроб с телом покойного опускают в могилу.

Под звуки Государственного гимна СССР гремят орудийные залпы. В эти же минуты артиллерийский салют производится в столицах союзных республик, в городах-героях Ленинграде, Волгограде, Одессе, Севастополе, Новороссийске, Керчи, Туле, в крепости-герое Бресте, а также в городах Калининграде, Львове, Ростове-на-Дону, Куйбышеве, Свердловске, Новосибирске, Чите, Хабаровске, Владивостоке, Североморске, Ставрополе, Петрозаводске.

Страна замерла в траурной скорби: на пять минут остановилась работа предприятий и организаций. На фабриках и заводах, на железных дорогах, судах морского и речного флота был дан гудками трехминутный салют.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства вновь поднимаются на центральную трибуну. Перед Мавзолеем в четком строю проходят части войск Московского гарнизона. Они отдают последнюю воинскую почесть руководителю Коммунистической партии и Советского государства, Председателю Совета Оборона СССР.

Светлый образ Юрия Владимировича Андропова, отдавшего все свои силы делу партии и народа, навсегда сохранится в сердцах коммунистов, всех советских людей.

(ТАСС).

Товарищи!

Юрий Владимирович Андропов боролся за претворение в жизнь нашей политики мира, равноправного сотрудничества со всеми государствами. Сегодня, склоняя свои головы в трауре и провожая его в последний путь, мы вновь

Речь К. Н. МАЛИНА

Дорогие товарищи!

Трудно передать всю ту скорбь, которая охватила каждого из нас, москвичей, когда мы узнали о кончине дорогого и безмерно близкого всем нам Юрия Владимировича Андропова. В его лице партия и страна потеряли мудрого политического деятеля, талантливого организатора трудящихся масс.

Свой жизненный путь Юрий Владимирович начинал рабочим и до конца своих дней воплощал в себе лучшие качества рабочего класса, все свои силы, знания и опыт отдавал борьбе за его интересы, за счастье трудящихся. Он всегда чутко улавливал мысли и чаяния простых людей, испытывал потребность живого общения с ними.

Надолго останется в нашей памяти его встреча с работниками Московского станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе, откровенная, задушевная беседа с ними. Эта встреча дала мощный импульс всенародному движению за укрепление дисциплины и организованности, повышение производительности труда. По призыву Юрия Владимировича первыми его начали передовые рабочие коллективы Москвы.

С именем Юрия Владимировича Андропова, с его активной деятельностью на высших постах в партии и Советском государстве связаны многие отрядные перемены, которые происходят в последнее время в жизни страны, в каждом трудовом коллективе.

Все мы знаем, как много сил и энергии он отдавал укреплению экономического

заявляем, что и далее будем неуклонно осуществлять эту политику.

Прощай, наш дорогой друг и товарищ! Светлая память о тебе будет всегда жить в наших сердцах, в делах нашей ленинской партии и советского народа.

и оборонного могущества нашей социалистической Родины, как страстно боролся за сохранение и упрочение мира на земле, и мы глубоко благодарны ему за это.

Вся жизнь Юрия Владимировича Андропова служит примером классового, подлинно ленинского подхода к решению важнейших общественных проблем, ярким образцом ленинского стиля в работе. Этим он снискал себе высочайший авторитет, любовь и глубокое уважение рабочего класса, всего советского народа.

Совсем недавно от имени многотысячного коллектива автозаводцев мне довелось выдать Юрия Владимировича Андропова кандидатом в депутаты Верховного Совета по Пролетарскому избирательному округу, и я видел, с каким огромным воодушевлением это было воспринято людьми. Мы, пролетарцы, готовились все как один прийти на избирательные участки, чтобы отдать свои голоса за верного продолжателя ленинского дела. Но безжалостная смерть вырвала его из жизни.

Провожая Юрия Владимировича Андропова в последний путь, мы, советские рабочие, еще теснее сплотились вокруг родной Коммунистической партии, ее Центрального Комитета! Мы будем с еще большей самоотверженностью трудиться над выполнением намеченных партийных планов, во имя торжества коммунизма, во имя мира на земле.

Прощай, наш дорогой Юрий Владимирович!

Речь Д. Ф. УСТИНОВА

Дорогие товарищи!

В эти дни советский народ, воины Вооруженных Сил переживают глубокую скорбь в связи с кончиной Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета Оборона СССР генерала армии Юрия Владимировича Андропова.

Вся славная жизнь Юрия Владимировича Андропова, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения была посвящена самоотверженному служению народу, строительству коммунизма, укреплению безопасности нашей Родины. Для советских людей, воинов армии и флота она останется вдохновляющим примером верности великому ленинскому делу, идеалам коммунизма.

Юрий Владимирович Андропов был неутомимым, мужественным борцом за мир, за устранение угрозы войны. Он твердо верил в возможность обуздания сил агрессии и делал все для оздоровления международного климата.

В современной напряженной международной обстановке, отстаивая дело мира, Юрий Владимирович Андропов уделял неослабное внимание обеспечению надежной обороны Советского государства. Он проявлял постоянное внимание и заботу о дальнейшем развитии и укреплении Советских Вооруженных Сил, их техническом оснащении, поддержании на высоком уровне боевой готовности. Воины армии и флота отвечали ему на это глубоким уважением.

Много сил и энергии отдавал Юрий Владимирович Андропов реализации ленинского завета о всемерном укреплении единства армии и народа, об

улучшении военно-патриотического воспитания и всесторонней подготовке советской молодежи к защите Родины.

Юрий Владимирович Андропов обладал высокими партийными и человеческими качествами. Исключительное трудолюбие, принципиальность, требовательность органически сочетались в нем с простотой, скромностью, отзывчивостью, внимательным отношением к людям. Он с большой теплотой и сердечностью относился к ветеранам партии, революции, войны и труда.

Теоретические труды и выступления Юрия Владимировича Андропова, вся его деятельность оказали огромное влияние на повышение уровня идеологической и организаторской работы партии. Они способствовали совершенствованию партийно-политической работы в армии и на флоте, воспитанию у воинов высоких морально-боевых качеств, бдительности и готовности достойно выполнить свой патриотический и интернациональный долг.

Юрий Владимирович Андропов внес неоценимый вклад в развитие всестороннего сотрудничества и укрепление боевой мощи Объединенных вооруженных сил стран Варшавского Договора.

Товарищи! Ленинский курс партии непоколебим. Это с новой силой подтвердил состоявшийся вчера Пленум ЦК КПСС, прошедший в обстановке единодушия и сплоченности. Советский народ, воины Вооруженных Сил безгранично верны идеям марксизма-ленинизма. Они настойчиво трудятся над решением задач, поставленных XXVI съездом КПСС, последующими Пленумами Центрального Комитета и уверенно идут вперед по

пути к коммунизму. В этот скорбный час они еще теснее спланивают свои ряды вокруг Коммунистической партии и ее боевого штаба — ленинского Центрального Комитета и Политбюро ЦК КПСС.

Воины армии и флота, воспитанные и руководимые Коммунистической партией, будут и впредь надежно стоять на защите нашей социалистической Родины, мирного созидательного труда советского народа, и никакие угрозы нас не запугают.

Сегодня Советские Вооруженные Си-

лы склоняют свои овеянные героической славой боевые знамена перед гробом Юрия Владимировича Андропова — верного сына Коммунистической партии, пламенного советского патриота и интернационалиста, нашего боевого друга и товарища.

Имя Юрия Владимировича Андропова, светлый образ его навсегда останутся в памяти и в сердцах советских людей и вооруженных защитников нашего социалистического Отечества.

Прощай, наш дорогой друг и товарищ.

Речь Г. М. МАРКОВА

Дорогие товарищи!

С острой душевной болью восприняли деятели литературы и искусства, все работники советской культуры известие о кончине Юрия Владимировича Андропова. Нет слов, чтобы выразить всю глубину печали в связи с постигшим нас горем.

Ушел из жизни человек выдающийся, уверенно стоявший у руля нашей партии и государства. Уму и таланту Юрия Владимировича были подвластны глубинное проникновение в суть сложнейших процессов современности, их подлинно научный анализ, способность делать далеко идущие выводы, принимать наиболее правильные, всесторонне обоснованные решения. Для этого требовались большое мужество, широкая эрудиция, целеустремленность, умение отдавать все свои силы делу партии. И такими качествами он обладал сполна.

Яркая, насыщенная напряженной работой на благо Отечества жизнь Юрия Владимировича Андропова — образец беззаветного служения советскому народу, зримое подтверждение нераздельной слитности судьбы коммуниста-ленинца с судьбами своей страны.

Юрий Владимирович был подлинным другом, заботливым наставником литераторов, хорошо знал и любил литературу и искусство нашей многонациональной Родины. Он с радостью говорил об удачах творческих работников, но и не скрывал своего отношения к слабостям в их произведении.

Юрий Владимирович Андропов под-

держивал все лучшее, истинно правдивое, художественное в нашей литературе и искусстве, ставил перед нами новые вдохновляющие задачи. Он учил работников социалистической культуры неразрывно связывать свой творческий труд с жизнью народа, политическим курсом нашей партии, с многосторонней практикой коммунистического строительства. Активную жизненную позицию, марксистско-ленинскую убежденность, неукротимый дух партийности считал он залогом успехов художника. Слово партии вдохновляло и вдохновляет нас, работников литературы и искусства, на создание новых произведений, нужных народу в его борьбе за торжество идей коммунизма, за победу дела мира.

У всех нас вызывает чувство глубокого удовлетворения, что внеочередной Пленум Центрального Комитета, прошедший в обстановке полного единодушия, подтвердил неизменность курса нашей партии, который был выработан на XXVI съезде и развит на ноябрьском, июньском и декабрьском Пленумах ЦК КПСС.

Велика наша утрата. Работники советской культуры вместе со всеми советскими людьми еще теснее спланиваются под знаменем родной Коммунистической партии, вокруг ленинского Центрального Комитета. Светлое имя Юрия Владимировича Андропова, замечательного коммуниста, славного сына нашего великого народа, навсегда сохранится в нашей памяти.

Речь И. И. СЕНЬКИНА

Дорогие товарищи!

Глубокой скорбью отозвалась в сердцах коммунистов, трудящихся Карелии весть о кончине верного продолжателя великого ленинского дела, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, стойкого борца за идеалы коммунизма, за мир Юрия Владимировича Андропова.

Многие годы его жизни и деятельности были связаны с Карелией. Здесь, в лесном и озерном крае, в тяжелые годы Великой Отечественной войны креп и мужал политический и организаторский талант молодого Юрия Владимировича. Он был тогда одним из организаторов партизанского движения и подполья на оккупированной территории нашей республики. Бывшие партизаны и подпольщики тепло и сердечно вспоминают своего комсомольского секретаря, его чуткость и общительность, его личное мужество и непоколебимую уверенность в победе.

В трудное послевоенное время Юрий Владимирович становится партийным работником — сначала вторым секретарем Петрозаводского горкома, затем — вторым секретарем ЦК Компартии республики. Уже в те годы проявились его замечательные качества руководителя ленинского типа — умение мыслить масштабно, беспредельная преданность партии, принципиальность и требовательность в работе, близость к людям труда, глубокий интерес к их нуждам и заботам, скромность.

С именем Юрия Владимировича связаны многие славные дела по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства Карелии и особенно ее столицы — города Петрозаводска. Он любил Карелию, постоянно интересовался, как идут дела на этой древней земле, помогал развитию экономики и культуры республики.

Сегодня воочию можно видеть, что там, где когда-то простиралась тайга, созданы мощные объекты энергетики, машиностроения, воздвигнуты крупнейшие в стране целлюлозно-бумажные предприятия, сооружен широко известный горно-обогатительный комбинат и растет юный город Костомукша.

Сердцем и умом коммунисты, трудящиеся республики, как и все советские люди, воспринимают и единодушно поддерживают современную стратегию нашей партии — стратегию совершенствования зрелого социализма, в формировании которой столь велика роль Юрия Владимировича Андропова. Прошедший вчера Пленум Центрального Комитета вновь со всей силой подтвердил верность нашей партии этой стратегии, ее непреклонную решимость твердо следовать ленинским генеральным курсом, курсом XXVI съезда. Цели, за которые так самоотверженно боролся Юрий Владимирович Андропов, будут воплощены в жизнь!

Прощай, наш дорогой Юрий Владимирович!

ВЗРОСЛЕНИЕ

Владимир ЧИЧЕРОВ,
дважды Герой
Социалистического Труда,
член ЦК КПСС,
депутат Верховного
Совета РСФСР,
делегат XXVI съезда КПСС,
бригадир
слесарей-сборщиков
объединения
«Ленинградский
Металлический завод»

Когда на съезде партии объявили: «Подготовиться Чичерову»,— я еще раз стал просматривать текст своего выступления. Дошел до слов о блокаде Ленинграда, и сразу ком к горлу... Успокоился в последний момент, уже на трибуне. Так всегда: стоит вспомнить блокаду— трудно говорить, голос срывается, будто все было совсем недавно. Эта память до конца дней сохранится.

Мое поколение рано повзрослело. К началу войны мне было всего восемь лет. В осажденном Ленинграде вместе со своими сверстниками таскал песок на крыши, красил чердачные перекрытия, носил снег на кухню. Вкус блокадного хлеба с примесью древесной муки и целлюлозы помню до сих пор...

Мне как-то сказали: вы в юности прошли испытание голодом, а сейчас молодежь тоже проходит нелегкое испытание— сытостью. А ведь во многом это верно! Живем мы теперь лучше, обеспеченней. Материальный достаток часто подталкивает родителей к такой позиции: мы, мол, многого не имели, так пусть дети наши забот не знают. И вот с опасной легкостью исполняются любые прихоти подростка, не осознающего еще цену вещам, человеческому труду. А в результате духовные ценности оттесняются в сознании ценностями материальными, воспитывается потребительское отношение к жизни. После такого «воспитания» в семье нелегко приходится молодому человеку, попавшему в трудовую коллекцию. Да и самому коллективу очень трудно— я это знаю по себе, по нашей бригаде— очищать некоторые молодые души от налета эгоизма, иждивенчества, нежелания работать на совесть.

Всякий труд нужен людям. Но когда видишь на Невском, на улицах других городов молодых парней, торгующих мороженым, сигаретами, разливающих в kiosках квас и пиво— а в последние годы таких стало больше,— удивляешься и досадуешь. Я считаю, что в этом проявляются элементы нечистоплотного, что ли, отношения к жизни. Да, всякий труд нужен, но если ты молод и здоров, то и дело себе выбирай соответствующее.

В нашей семье превыше всего ценились чувство долга, ответственность, уважение к труду. В семье я получил основы нравственной и трудовой закалки.

Отец, Степан Степанович Чичеров, в молодости работал слесарем на Балтийском заводе. В архиве предприятия мне удалось найти один документ. В нем говорится, за что был уволен Степан Чичеров: в дни забастовки вывез из цеха на тачке и вывалил в лужу одного

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТРУДОВОЙ ЧЕСТИ И РАБОЧЕМ ДОСТОИНСТВЕ

Фото Сергея
ПЕТРУХИНА

из служащих завода. По приказу губернатора Петербурга отец был «подвергнут обыску и аресту за агитацию и подстрекательство к забастовке», ему запретили жить в столице. В двадцатые годы он в числе двадцатипяти тысячников был направлен председателем коммуны на Псковщину, и только перед войной семья наша вернулась в Ленинград. Отец работал на «Лентрублине», мама, Мария Павловна, преподавала в школе русский язык и литературу.

...Нас, едва живых от голода, вывезли из блокадного Ленинграда по Ладоге. Оказались мы в Башкирии. Маму выбрали председателем колхоза, отец работал в кузнице. Тогда десятилетним мальчишкой начал помогать ему и я. Приходил на рассвете, раздувал горн. Моя забота— мехи. Дотягивался до отполированной ладонями ручки и тянул вниз. Сжимались кожаные бока мехов, подавали воздух на раскаленные угли, нагревалась на них железная плаха. Отец выхватывал ее из огня, бросал на наковальню, бил молотом. Умел выковырять и лемех плуга, и зубья для бороны, и заступ...

Конечно, хотелось мне не горн раздувать, а побегать с ребятами на выгоне, в лапту поиграть. Но не мог, не имел права. Однажды выдался особенно трудный день— началась уборочная страда, всем требовалась кузница. К вечеру я едва держался на ногах. Рву мехи вверх-вниз, заготовка уже разогрелась, а отец стоит возле наковальни, оперся на ручку молота и будто застыл. Теперь понимаю: выбился из сил побольше моего. А тогда не выдержал я, бросил работу и за дверь. И вдруг, уже на пороге, слышу:

— Володька, вернись!

По голосу понял: шутить не станет. Вернулся, слезы по лицу размазываю. А отец по голове гладит:

— Устал, сынок? Вижу, устал. А только так не поступают, негоже это...

Когда требовалось, мама посылала меня и на пахоту. Не могла она делать поблажки «председательскому сынку», раз у всего села на виду была. Так что с детства помню себя в труде. И ничего плохого он мне не сделал, только привил любовь к работе и уважение к человеку труда.

В сорок пятом, уже в Ленинграде, не стало отца. Через три года скончалась мать. В доме наступали тяжелые времена: старшей сестре, ставшей главой семьи, едва исполнилось двадцать. Трудно ей было прокормить младшую сестру и меня, тощего и вечно полуголодного. На семейном совете решили: надо поступать мне в ремесленное училище. Там и одевают и кормят.

Иногда мысленно сравниваю себя, ремесленника, с сегодняшними воспитанниками ПТУ. Если быть объективным, то сравнение получается в пользу нынешних ребят. Технически грамотнее они, образованнее. С гордостью смотрю, как меняется и отношение к учащимся ПТУ. Когда я в ремесленной форме заходил в трамвай, в любое общественное место— меня сторонились: попадались среди «ремеслухи» и хулиганы и воришки. Но организация трудовых резервов сделала очень многое. Время было тяжелое, быстро можно было сбиться с пути подростку. Старшие воспитывали и берегли нас. Может, не доставало тогдашним мастерам грамоты, педагогических знаний, но они действовали, как сердце подсказывало.

Сейчас иногда жалуются: дескать, приходят на заводы выпускники ПТУ со слабыми практическими навыками. Многих приходится учить, а то и переучивать. Как же так, ведь в ПТУ подготовка куда глубже, разностороннее, чем в бывшем ремесленном училище? Я думаю, подобные жалобы появляются тогда, когда молодой человек попадает не на свое рабочее место.

Лет шесть назад наша бригада решила сама завязать связи с ПТУ. Подружились с группой слесарей, стали брать молодежь к себе на практику. Сейчас во всем Ленинграде вошло в правило: ребята распределяются после учебы в ту бригаду, где проходили практику.

А мы думаем пойти дальше: создадим бригаду, полностью состоящую из практикантов. Дадим им опытного наставника, а бригадирами будут поочередно сами ребята. Что это даст? Во-первых, ученики хотя бы немного испытают на себе, что такое бригадирская должность, узнают азы управления. Во-вторых, мы сможем выявить лидеров, которые способны повести за собой коллектив. Мы считаем также, что уже во время практики в бригаде молодежь должна учиться смежным профессиям, получать зарплату, как и все мы, по коэффициенту трудового участия. Когда дело поставлено так— нет проблемы плохой подготовки.

Мне рассказали о молодом парне, который, поступив на завод, просил не направлять его в бригаду. Готов был работать где угодно, лишь бы одному. Мне странна такая позиция, поскольку вне бригады себя не мыслю. Не смог бы работать на индивидуальной сдельщине. Знаю, есть одиночки-корифеи высшего класса. Но не на них, по моему глубокому убеждению, держится мир. Если иному корифею предложить работу погрязнее, пониже расценкой— он может и отказаться. А бригада выполняет все, что нужно в данный момент производству, общему делу.

Возможно, тот молодой человек опасался, что «старички» из бригады будут спихивать ему самые неинтересные операции, ущемлять в зарплате? Что ж, в жизни всякое бывает. Но тут уж надо самому доказывать твердость характера.

После ремесленного училища определили меня в бригаду слесарей-сборщиков Сергея Ивановича Бурмистрова. На сборке тогда работали крепкие мужики: конструкции были большей частью на заклепках, лом да кувалда— вот и вся техника слесаря.

Посмотрел на меня Бурмистров— а был я малого роста, щуплый,— подумал, верно, что рано мне кувалдой махать. Спросил:

— Так у тебя пятый разряд?

— Да.

— Больно щедрые там,— буркнул он, имея в виду училище. Потом повел по цеху, заставил читать чертежи, объяснить, какая конструкция, допуски, класс точности. И под конец заявил:

— По пятому разряду тебя не приму. Ростом еще не вышел. Будешь работать по четвертому.

Бригадир не имел права снижать мне разряд. Я обиделся, но виду, кажется, не подал. По пятому разряду и фронтовики в бригаде работали. Решил: делом докажу.

В первый день приставил меня брига-

дир к Игорю Григорьеву. Игорь горяч был в деле, перекуров не устраивал и мне отдыхать не давал. Сделали мы с ним клепку, стали зачищать металлоконструкции железными щетками, крапать суриком. К вечеру ныли от усталости руки, звенело в ушах от грохота пневмомолотков, но возвращался домой гордый — самостоятельным человеком стал. Одного боялся — проспать на смену.

Утром Григорьев подмигнул мне и заявил Бурмистрову:

— Бригадир, давай в подручные Чирерова. Мы с ним вроде сработались.

Не сразу, спустя полгода, Бурмистров подошел ко мне, положил руку на плечо и сказал:

— Знаешь, Володя, возвращаю тебе пятый разряд. Заработал.

Строг он был, но и заботлив. Многие бригадир мне подсказал, многое посоветовал — и не только по производственным вопросам. Он был наставником в самых различных жизненных ситуациях. Сергей Иванович знал, что я сирота, и всегда интересовался, на что я трачу заработанные деньги (с первой полочки вместе с ним выбирали для меня пальто в магазине), как проведу свободное время, какие у меня друзья. Бригадир всегда брался за самые сложные дела на участке. Он и умер прямо в цехе, на своем рабочем месте...

Я не пытаюсь копировать методы своего первого учителя: другие времена, другие люди. У нас давно заведено: всякий новенький работает с каждым членом бригады. Зачем? Технология и инструмент у нас едины. Но у каждого есть свои, пусть небольшие, секреты мастерства, маленькие технологические поправки, которые и составляют профессиональный почерк рабочего. Вот и изучает новичок разные почерки, слышит их, подбирает наиболее удобный для себя. В индивидуальном, творческом подходе к работе мы видим большой резерв повышения производительности труда.

Работаем мы с узлами турбин разной мощности, сложности, детали к ним весят и один килограмм и тонны. Инструменты для всего одни и те же: мерительные угольники, наждачные машинки, молоточки для очистки, домкраты, резаки, стропы... Но все же техники порой не хватает. И тогда приходят на помощь индивидуальные приемы работы каждого. Складывая их вместе, мы создаем приспособления на основе уже нашего коллективного, бригадного метода.

Никак не могу привыкнуть к тем минутам, когда собранный нашей бригадой узел турбины оставляет участок. Сколько их уже было, самых разных! И все равно каждый раз испытываешь особое чувство. В нем и радость, и немного грусти, и гордость за сделанное, за себя и за товарищей.

Вот плывет над цехом собранная тобой железная машина. Со стороны она кажется неказистой. Тонны некрашеного металла. Но мы, слесари-сборщики, знаем: встанет этот узел в новую турбину, принесет свет в дома, заставит работать станки на заводах. И в этот момент, когда провозаешь новый узел, забываешь, что был он непрост, неподатлив, семь потов с тебя согнал. Смотришь — и у ребят настроение приподнятое. Это чувство удивительного подъема, наверное, и есть то главное, что приносит нам труд.

Знаю по рассказам старейших работников завода: первую советскую турбину вывезли на обычной телеге, и был по этому случаю праздник. А мы вот сдаем турбины по миллиону киловатт!

Бригадиром я стал против своего желания — назначили. Сначала на месяц — подменить ушедшего в отпуск бригадира с соседнего участка. Потом, как оказалось, на всю жизнь... В своей

бригаде я временами исполнял бригадирские обязанности, а как еще сложатся отношения в чужой — вот что меня беспокоило. К тому же эта бригада работала неважно, хотя специалисты в ней были высокой квалификации.

Встретили меня, мягко говоря, без восторга. Распределил я работу, расставил всех, как считал лучше. Поработали полчаса — уже, смотрю, сидят. Подхожу:

— В чем дело, ребята?

— Перекур у нас, — отвечают, — здоровые беречь надо, его ведь не купишь.

Я, конечно, возмущаться начал. А мне в ответ:

— Молод ты еще нам указывать!

Отшел я. Что скажешь? Действительно, молод, двадцать пять всего. Молчу, а внутри все клокочет.

Так и шло у нас: все на перекур, а я один, некурящий, работаю. О многом тогда передумал и понял: нет у нас коллектива, есть просто случайно соединенная группа людей.

Лет пять, не меньше, ушло у нас на создание настоящего коллектива, крепкого и дружного. Постепенно, исподволь менялся микроклимат в бригаде, отношение к делу. Повели борьбу с прогулами. Стало традицией: если рабочий не вышел на смену — кто-то из бригады обязательно навестит его вечером. Если заболел — приятно внимание товарищей. Ну, а если без причины отдыхает, совестно станет. Каждый случай прогула разбирался на бригадном собрании.

Вспоминаю первые годы бригадирства, понимаю, сколько было ошибок, бестактности. Теперь бы я не допустил тех разносов, публичных выговоров, на которые иногда срывался, теперь я научился сдерживать себя. Обидеть человека просто, потерять его доверие легко, и прежде, чем отчитать, надо на сто процентов быть уверенным, что он это заслужил. И еще одно. Хвалить можно всех одинаково, а ругать каждого нужно по-разному. Одному достаточно только намекнуть, на другого полезно и пошуметь, а третьему и слов не надо, сам поймет. Важно учитывать характер каждого, чтобы не отбить желания работать в охотку, не испортить настроения. Человек с плохим настроением — плохой работник.

Для себя с тех пор раз и навсегда установил правило: сам беру работу пусть самую черную, грязную, но именно ту, что всего важнее сегодня, самую срочную, что задерживает остальных.

Если на первых порах я единолично распределял задания, то потом стал вовлекать в это дело и других членов бригады. Появилась заинтересованность в работе, повысилась ответственность за результаты общего дела, за поступки товарища, за свое слово.

Сейчас мне приходится участвовать в управлении и производственными делами как бригадиру и делами государственными как депутату. Масштабы могут показаться несопоставимыми. Между тем здесь все взаимосвязано. Некоторые товарищи, кстати, еще любят оправдывать разные недостатки в управлении экономикой именно масштабами: дескать, страна у нас огромная, хозяйство сложнее. Но ведь порядок начинается с того конкретного дела, которое тебе поручено — в бригаде, на участке, в отделе. Без порядка на каждом рабочем месте трудно говорить о каком-то порядке вообще. Поэтому слова о том, что каждый рабочий должен быть хозяином завода, стройки, не кажутся мне преувеличением. Попробую пояснить на примере нашей бригады.

Бригаду нашу хвалили. Но по кривой роста показателей было видно, как после резкого подъема она пошла вверх медленно. Мы словно натолкнулись на какую-то преграду и с усилием преодолели ее. Преграда действительно была. Резервы роста производительности

труда на рабочих местах мы использовали. Завод осваивал выпуск все более мощных турбин, а производственные мощности и число работающих оставались прежними. Можно, конечно, увеличивать число бригад, но откуда брать квалифицированные кадры? На них и без того голод.

И тогда мы обратили внимание, что организация труда непосредственно в бригадах осталась старой. Старались, а получалось, что вроде каждый тянул в свою сторону.

Взять наш участок. Заняты здесь рабочие разных профессий — слесари-сборщики, газорезчики, рубщики, сварщики... И каждый в чем-то зависит от другого. Замешкался стропаль — стоят слесари, ведь деталь в несколько тонн на руках не перенесешь. Или закончил свою работу и ждешь, когда освободится сварщик. Ему и дела-то на пять минут — прихватить металл в нескольких точках, но он занят на другом участке. Допечат иногда — переругаются и рабочие и бригадиры, а виновного так и не отыщут.

Нужно соединить разрозненные звенья — к такой мы пришли мысли. Исключить простое можно при условии, если в каждой бригаде будут свой стропаль, сварщик, газорезчик, рубщик. Держать их в бригаде постоянно, правда, нет смысла: заняты они не всю смену. А вот сами освоить эти профессии мы можем. Предложение простое, но в том и дело, что родиться оно могло только в рабочем коллективе. Нельзя «сверху» приказывать слесарю: учишься другой специальности.

Начали учиться сварке. Оставались после работы, изучали теорию, технику безопасности, практиковались на своих узлах. Защитили дипломы, получили разряды. Теперь уже не в диковинку, когда слесарь берет в руки держатель и варит там, где, казалось бы, и опытный сварщик голову поломает. Затем освоили профессии газорезчика, стропалья. Почти все рабочие имеют по три-четыре специальности.

Конечно, не все шло гладко и быстро. Потребовались месяцы учебы. Это нелегко — выкраивать время для изучения смежной профессии. Дома ждут семьи, многие учатся в техникумах, вузах. Не всем по плечу дополнительная нагрузка. «Что нам, больше всех надо, за других будем работать?» — и такие реплики раздавались. Но теперь уже сам коллектив ломал подобные настроения, увлекал сопротивляющихся.

Не все одинаково осваивали новое дело. Отсюда подчас появлялись разочарование, усталость, неверие в свои способности. Но когда этот сложный рубеж был взят, пришло чувство окрыленности, началась психологическая перестройка.

Сейчас уже труднее любому из нас простить себе неважную работу, мелкий промах. Изменились лица бригады, ее характер, даже взаимоотношения людей. Мы на собственном опыте убедились, какая большая сила — трудовой коллектив, какое огромное влияние он оказывает на молодежь. Если б меня спросили: «Где пределы резервов коллектива?» — я бы ответил: «Нет таких пределов. Только надо искать их и не отступать в поиске».

Многое ли дала объединению реорганизация труда в одной бригаде? Наверное, нет. Но, глядя на то, как повысилась у нас производительность, мастерство да и заработок, и другие бригады не захотели работать по-старому. Так что экономический эффект инициативы бригады увеличился в десятки раз. Выступая как депутат на других предприятиях, я рассказываю и объясняю, что у нас внедряется интересное, новое, стараюсь, чтобы бригадный опыт вышел за рамки предприятия, отрасли.

Потому значение наших дел определяется не масштабами доверенного уча-

стка — это может быть и бригада и завод — а уровнем подхода к делу, уровнем мышления. А начинается организаторская роль каждого из нас с рабочего места.

Мне думается, широкое распространение в последние годы бригадной формы работы вызвано не только производственной, но и чисто человеческой потребностью. И вот почему. Частая смена объектов и производственных процессов рождает новые и ликвидирует старые профессии; идет обновление оборудования и технологии. С другой стороны, продолжается углубление специализации, а значит, на многих участках труд становится однообразным, монотонным. Возникает противоречие: современная техника требует узконаправленной подготовки, но человек не склонен мириться с ролью простого исполнителя малоинтересных операций.

Решение проблемы невозможно без активного участия рабочего коллектива в управлении производством, без развития демократических начал на каждом предприятии. Вот здесь и необходима бригада — школа трудового воспитания, расширяющая творческие возможности человека.

Как и многие производственники, мы почти ежедневно испытывали разные трудности. То нужно было приспособления нет, то с деталями проблема, то подъемной техники не хватает. Трудности вроде и мелкие, но разрешить их мы сами не могли. Немало было дельных задумок, но для их внедрения требовались расчеты, эскизы, чертежи. Тогда и возникла идея организовать бригаду творческого содружества. В нее вошли, кроме нашей бригады, конструкторы, технологи, работники других отделов.

Начали с небольшого — решили сообща сделать полумеханический штабелер на участке. Рождался он в дискуссиях и спорах. Первый проект мы забраковали: слишком сложен в изготовлении, громоздок. Отклонили и второй вариант: в нем нам показалось ненадежным крепление тележки. Зато третий проект был единодушно принят на общем заседании бригады творческого содружества.

Мы вносили и с помощью инженеров осуществляли самые разные предложения: по организации труда, изменению технологии сборки, по внедрению новых приспособлений. Нам самим стало интересно участвовать в создании новых типов турбин уже на стадии проекта. Это расширяло наши знания, повышало заинтересованность в работе, стимулировало изобретательскую и рационализаторскую мысль, даже повышало уважение к себе.

Вслед за нами стали создаваться бригады творческого содружества и в других цехах. Сейчас их на Металлическом около двухсот. Именно в таких коллективах решаются вопросы, связанные с конкретными делами, важнее не только для одной бригады, но и для всего завода, отрасли, ведь они позволяют делать турбины быстрее и качественнее. А ведь и этот метод управления научно-техническим прогрессом появился благодаря инициативе обычной рабочей бригады!

Творческий потенциал бригады безграничен. И ведь у нас не подбирались какие-то особые люди. Началось, как я уже говорил, было трудным. Да и потом принимали и неопытных новичков и не очень дисциплинированных ребят. Но что обязательно — у бригады должно быть надежное, крепкое ядро, тогда ей любое дело по плечу.

Поэтому я думаю, что не может, не должно у нас быть коллективов посредственных, отстающих. Нет таких обстоятельств, которые были бы сильнее рабочего человека. Но для этого надо уметь видеть дальше своего станка, уметь видеть будущее.

«ВЗЛЕТНЫЕ ПОЛОСЫ» ЗИМНИКА.

мха, тяжелыми бульдозерами пробыют новые просеки в тайге. И хлынет по ним поток грузов. К дальним точкам пойдут горючее и продукты, оборудование и стройматериалы. Обратное... Обратным путем будет отправлено все, чем богата нынче Сибирь, что смогли взять у нее люди. Учтем расстояния, помножим на тысячи тонн лишь самых необходимых перевозок и придем к выводу, что долгие зимние месяцы в Сибири коротки и драгоценны. Слишком много надо за них успеть.

Поэтому время зимника здесь — постоянный час «пик». В любом районе, на каждом километре. В том числе и на севере Тюмени, откуда через широкую Обь тянутся к центру и западу страны из далекого Уренгоя нитки газопроводов.

Базовый поселок. С утра потеплело. Водители, загружаясь у эстакады, где сваривались отрезки труб, хмурым поглядывали на разыгравшееся солнце. Мастер-бригадир Валерий Виданов давал последние советы. Аккуратный, с иголочки, словно лишь вчера получил со склада новенькую куртку и тяжелые унты, он всем своим видом призывал наплевать на погоду — обойдется. Хотя в душе, конечно, волновался за своих ребят: лишь накануне привел бригаду с далекого Воньегана, и сегодняшний

рейс — первый по здешнему зимнику. Сергей Каркачев, самый младший из видановской бригады, подтянул крепезный трос, ткнул каблук в колесо:

— Застоялась маленько, ремонтировал. Сейчас поедет.

И мы поехали. Медленно, осторожно пополз наш КраЗ с высокого холма над Обью. Сразу за Андрой — базовым поселком газовиков — началась дорога на трассу. В спину нас настойчиво подталкивала плеть — сваренные в нитку три отрезка трубы. Общая длина — тридцать пять метров, диаметр — около полутора. Именно такими гигантскими плетями удобнее всего отправлять трубу на трассу газопровода.

Узкая, словно бритвой прорезанная просека сразу начинает путать водителя неожиданными виражами. Глаза у Сергея становятся темными и азартными. Выдают они мальчишку, каким и остался Каркачев в свои неполные двадцать два. И одновременно это глаза внимательные, настояжные, оценивающие дорогу. Как у вполне взрослого человека, которому доверено очень непростое дело. Ведь зимник оплошностей не прощает...

Через пять километров после Андры (по спидометру). На пути скользкая горка. КраЗ взревел мотором, полз вверх, цепляясь широкими шинами за дорогу, напрягся... Встал на подъеме. Но лишь на мгнове-

Рабочий стаж свой сибирские шоферы редко исчисляют годами, чаще — зимниками. Два, три — уже много, выдержал пять зимников — считай, ветеран. Но случается, что и один зимник на весах шоферских испытаний перетянет несколько лет езды даже по самым трудным трассам в европейской части страны.

Зимников нет на картах. Потому что дороги эти временные. Прокладыва-

ются они лишь на время крепких морозов в самые глухие и пока что труднодоступные уголки Сибири и Крайнего Севера. Летом не доберется сюда и вездеход. Но станут реки, схватятся ледяной коркой болота, и тогда исполосуют бесконечное белое пространство серые ленты зимних дорог. Трассовики наморозят лед на переправах, тракторами выжмут прудильскую воду из-под болотного

Алексей ВОРОБЬЕВ

НА КАРТЕ НЕ ЗНАЧИТСЯ

БАЙКАЛ
ИЗ КАБИНЫ ВОДИТЕЛЯ.

Фото
Альберта ЛЕХМУСА

**СИБИРСКИЙ
КАРАВАН.**

**ЧАС ОТДЫХА —
ЧАС ОБЕДА.**

**КОНЕЧНАЯ
ТОЧКА МАРШРУТА —
ГАЗОПРОВОД.**

ние. Потому что тут же тяжелая плеть поволокла машину вниз.

— Черт, куда же он?! Каркачев рванул дверцу, всем корпусом высунулся из кабины.

Удержать плеть, если она пошла под гору, невозможно. Колеса стоят вмертвую и скользят, безнадежно скользят. Но Сергей держал, держал из последнего, маневрируя машиной и выигрывая мгновения.

Он увидел, что сзади под самый пле-

тевоз сунулся сверкающий краской КамАЗ. Плеть шла прямо на него. Двадцать тонн, края у трубы острые. При лобовом ударе ей ничего не стоит разрезать машину пополам. У водителей здесь закон железный: под плеть — никогда! Ошибся — верная авария.

Сергей понимал это, но, не теряя надежды, держал свой КраЗ, судорожно выворачивая руль. В самый последний момент плетевоз ударил трубой в стекло грузовика и застыл. За сет-

кой трещин мы увидели бледное лицо незадачливого шофера, которого лишь полметра отделяли от края плети.

— Если б не парень, быть тебе «приезжим»!— сердито крикнул кто-то в кабину КамАЗа. Оттуда донеслось виноватое бормотание. «Приезжий» поздешнему тот, кто уже «приехал», кому дальше ехать не придется.

Под горкой уже скопились машины, и, произоиди удар. КамАЗ «пересчитал» бы своими тоннами другие грузовики. Но и сейчас дело серьезное. Надо думать, как разъезжаться.

Тут словно из-под земли появляется Виданов.

— Валера, откуда?— задаем невольный вопрос.

— Со следующей машиной шел. Теперь—с вами. Оттепель, трассу будто намылили. Подскажу Сереже, где трудно будет. Ему полегче, и мне спокойнее...

Сказал и сразу улыбнулся, пряча беспокойство за тех, ушедших вперед ребят, что выехали на час раньше. Как они там?

Упрямый и стремительный Коля Климчук, задумчивый, безотказный Олег Арваниди, угрюмый и неупорядоченный Женя Корнеев, напористый и улыбочивый Леня Ефименко...

Ребята Виданова на трассе называют десантниками. Потому что начальство посылает эту бригаду на самые горячие участки зимника. И всякий раз, прибыв на новое место, молодые водители умудряются сделать рейсов чуть не вдвое больше, чем опытные старожилы.

Летят прежние нормы, шатаются расценки. «Рвачи, деньги гонят»,— обиженно бубнят местные корифеи. Но, узнав, что Коля Климчук вместо положенных двенадцати сумел пройти трассу за шесть часов, ворчуны поспешно лезут в свои остывающие КраЗы. Наверстывать. Догонять Виданова. И во весь рот улыбается им могучий Ефименко: «Ну, ну, мужики. Попробуйте!»

Пусть пробуют. Пусть догоняют— время на зимнике дорого. А у нас, как назло, пробка на дороге.

Машин прибавляется. Все труднее им разъехаться, обойти на подъеме плетевоз Каркачева. И пока водители толпой обсуждают, как быть, кто-то уже послал попутку обратно в Андру, к Замтарадзе...

У Таира Шалвовича Замтарадзе, начальника участка СУ-9 треста «Приобтрубопроводстрой», особый счет с зимниками. Десятки их видел он по всей Сибири и, казалось бы, изучил все повадки этих дорог. Но в том-то и дело, что у каждого зимника свой нор.

На 706-м километре здешней трассы встретилось дорожникам болото. Вроде обычное. Но мороз его не брал. То ли ключи там теплые бьют, то ли другая премудрость. Прежде такие болота обходили стороной, но здесь случай особый. Нитку газопровода петель не изогнешь.

Прикинул начальник участка возможности, подобрал технику помощнее и объявил решение: болото засыпать. Землей, корягами, обломками деревьев. Идея была неожиданная, но, как оказалось, единственно верная. Мощные бульдозеры двинулись с четырех сторон, постепенно сжимая кольцо, и вот уже последняя полоска болотного мха надежно укрыта. Тракторами, что полегче, промяли грунт, мороз прихватил оставшиеся на поверхности лужицы—дорога была готова.

ПОМОЩЬ
«КОРОЛЯМ ТРАССЫ».

Болотце можно засыпать, но что делать, если вся дорога представляет собой бесконечную череду крутых подъемов и спусков? Малейшая оттепель превращает их в ледяные горки, по которым только на салазках кататься. Попробуй тут уследи за каждой, если под началом у Замтарадзе более двухсот километров трассы...

— Таир Шалвович, там опять... Пробка...— размахивал руками молоденький водитель.

— Зачем кричишь? Сейчас, успеет. Сунув руки в карманы полушубка, Замтарадзе заторопился к машине. Но на этот раз пробка рассосалась и без вмешательства начальника участка.

Та же горка... Пока водители спорили, Сергей выслушал Виданова, прошел вперед, потрогал руками обледенелую колею и решительно вскочил в кабину. Он повел плетевоз по самому краю дороги, где легкий снежок еще хоть как-то держал колеса.

Тягач тяжело отдувается, ревет, вот он уже на гребне. «Отлично, Сережа!»—кивает Виданов для поднятия духа, ведь сзади еще тридцать пять метров плети, ее тоже надо втащить на гребень, но машина выравнивается, и мы, наконец, чувствуем: вышли.

ИСХОДНЫЙ РУБЕЖ ПЕРЕД ШТУРМОМ.

Сергей стреляет в нас черными глазами — оцените! — и тут же ухмыляется самому себе. Подумаешь, нашел чему радоваться! Работа! Допустим, немного азартная, но все же работа.

Да и хорошо, что она такая. Сережка ведь тоже азартный, заводной, потому, наверное, и попал на плетевоз.

...Родители привезли его на Север пятнадцатилетним. Прижился здесь парень, понравилось. Друзья появились. К ним и приехал после армии погостить, хотя отец с матерью все-таки вернулись на Украину, в Комсомольск-на-Днепре.

Встретил Сережку старый приятель, подначил:

— А слабо к нам на автобазу?

— А не слабо. Машину дадите? Только чтоб плетевоз!

Тогда, два года назад, создавалась новая бригада. Ребята подбирались крепкие, бывалые, Сережка среди них выглядел совсем мальчишкой. Но опытные водители сразу решили: коли с нами, значит, серьезный мужик. Равный среди равных. На мастеров и подмастерьев делиться не стали.

К руководству базы обратились с просьбой назначить к ним мастером бригадиром Валерия Виданова. Особыми производственными успехами тот вроде бы не выделялся, здешние старожилы видели всяких водителей, но вот перлысь:

— Виданова нам! Другого не хотим.

Думается, дело здесь не столько в шоферских, сколько в человеческих качествах. Виданов верит, что суть у любого человека никогда не бывает гнилой, в каждом старается он раскрыть доброе начало. И ради этого не жалеет ни выдумки, ни изобретательности, ни своего личного времени.

Бригаду Виданов принять согласился.

А потом произошло то, что возможно только здесь, в Сибири. Сергей и Валерий долго приглядывались друг к другу и, наконец, разобрались. Узнали друг друга.

— Помнишь, ты еще с собакой гулял. А мы, пацаны, во дворе играли.

— Была собака, правильно! И отца твоего помню.

Оказалось, что оба они не только из одного города — из Комсомольска-на-Днепре. Но — из одного дома! Из одной и той же девятиэтажки. Соседям, чтобы встретиться и подружиться, пришлось поехать в Тюмень, на зимник. Что ж, деталь эта в пользу зимника.

Отец Сережки не смог усидеть без сына в теплом доме. Собрали они с матерью пожитки и опять подались в Сибирь, к парню своему. Работает теперь Виктор Захарович Каркачев в той же видановской бригаде машинистом

трубоукладчика. И когда спрашивают, сам удивляется подобной карусели: прежде он сына в эти края затащил, теперь — сын отца. Значит, судьба.

Где-то после сорокового километра. Нас снова хватает за ворот дорога. И, расшалившись, принимается подбрасывать, словно детский мячик на длинной резинке, — вверх, вниз, вверх, вниз. Мячик в тридцать пять тонн. Куда уж до здешних подъемов и спусков аттракциону «Русские горки»? Тут гораздо круче будет.

С трудом забираемся на очередной холм, и тут Сергей вдавливая тормозную педаль, сдерживая могучую машину. Далеко внизу, в самом конце спуска, лежит на боку КраЗ. Капот смят, разнесло справа кабину, огромная плеть перевернула прицеп и рухнула на дорогу. А люди, люди как?

— Неужели наш кто?

Голос Виданова дрогнул. Он до боли всматривается, но издали не разглядеть номера. С тревогой замечает мастер, что хвост упавшей трубы загородил часть дороги; и так-то неширокая, она стала чуть не вдвое уже. Едва пройти машине.

— Давай вниз. Осторожно только.

Насчет осторожности он, кажется, пошутил. Сергей отпускает тормоз и бросает плетевоз вниз, как самолет в пике. Скорость растет, мы все быстрее несемся к узкому, словно горловина бутылки, проходу между крайними соснами и острым жерлом рухнувшей тру-

бы. Теперь вся надежда на то, что Сергей вырулит, попадет в эту щель. Потому что тормоза уже не помогут: плеть со страшной силой толкает в спину, и если попробуешь придержать ее, наверняка перевернешься.

Виданов не отрываясь взглядом от разбитого КраЗа, вот машина уже рядом, с ревом наш плетевоз пронесется мимо, и Валерий, тяжело вздохнув, замечает и чужой номер, и вчерашний снег, припорошивший капот, и пустую кабину, и короткую борозду к траншее.

— Понятно! — кричит Валерий. — Он тормознул на спуске! Труба ударила и увела в сторону, столкнула. Ребята, похоже, целы. Жми, Серега.

Останавливаться никак нельзя, впереди затяжной подъем, без солидного запаса скорости мы его не одолеем. Разбитая машина остается позади печальным памятником шоферской неосторожности, а мы громыаем дальше.

На здешнем зимнике все знают: у плетевоза нет тормозов. Точнее, они существуют, но воспользоваться ими водителю удастся очень редко. Чаще тормоз лишь помеха. Поэтому у плетевозчиков один выход: вырулить, проскочить, провести машину на самой высокой скорости очень точно. Точно едва ли не до сантиметра. Вот слагаемые: скорость, сантиметры и десятки тонн. Стоит ли удивляться, что водителей плетевозов называют королями трассы, отдавая должное их мастерству и мужеству.

Но однажды и юному «королю» Сереже Каркачеву было страшно. Под самой горкой, у съезда на лед Оби, образовалась яма. Чего только с ней не делали: засыпали, водой заливали — намораживали, лежневку клали. Бесполезно. На стыке с берегом лед проседал под колесами, и яма появлялась снова. В том самом месте, где плетевоз уже разогнался, где скорость максимальная.

На глазах Сергея один герой решил проскочить ямку с «ветерком». Удар был такой, что поотлетали колеса, брызнула щепками кабина (благо «храбрец» успел выскочить). А громадина плеть, сорвавшись, как городошная бита, засвистела по льду реки.

Обломки растащили быстро, но на горке все же скопилось несколько машин. Кто следующий? Водители в раздумье чесали затылки. И тогда снова невесть откуда подвернулся Виданов. Внимательно оглядел собравшихся, подошел к Каркачеву.

— Тебе, Сережа... Они не смогут сейчас.

Ох, как не хотелось Сергею лезть в яму! Даже колени дрожали, когда шел к своей машине. Но бригадиру верил, на единственной вере этой и держался. Плетевоз Каркачева, больше соскальзывая, чем съезжая, добрался до выбоины и все-таки переполз ее — сумел парень побороть страх.

На том и стоит их бригада. На умении каждого преодолеть самого себя, слабости свои.

ПРИ МИНУС
ПЯТЬДЕСЯТ.

ЛОЦМАН
ТАЕЖНЫХ ТРАСС.

НАДЕЖДА
НА ПОДРУЧНЫЕ СРЕДСТВА.

Рвачами прозвали их любители долгих перекуров. За то, что ребята Виданова не умеют трудиться лишь вполсилы своих возможностей. Логика крохобора, призывающая «рвать деньги и плевать на соседа», противна и Валерию и его парням. У них логика иная. Всегда помогать товарищу, но самому подмоги не ждать. Искать выход из любого переплета. Это логика десантника. Человека сильного и неуступчивого.

Около семьдесят шестого километра. Через прореху в облаках выкатился шар солнца, завис над синими вершинами сосен, опять плеснул теплом. Дорога, которой положено быть белой, совсем потемнела, потекла, отсвечивая сизой скользкой шкурой, — попробуй уроти ее.

Плеть стремительно сдернула нас вниз, поволокла, силясь опрокинуть машину на бок, на правые колеса, но Сергей снова успел вырулить. Плетевоз крепко тряхнуло, и прицеп врезался в сугроб. Случилось это после десятой (а может, двадцатой) попытки штурмовать очередной склон. Не езда, а сплошной альпинизм! Результат — король трассы в сугробе.

Самое время доставать консервы, — Пообедаем, — предложил Виданов. — Иначе нам здесь не разобратся. Сережа, ложка где?

Ни Виданов, ни Каркачев не догадывались, что спасение было рядом, буквально за соседним холмом. Оно было выкрашено в пронзительно желтый

цвет и имело форму трактора, в кабине которого сидел Юрий Гладких.

Он дежурил на трассе уже третьи сутки. Спал прямо в кабине, под грохот тархтевшегo мотора, и тишина была бы сейчас для него подобна долгожданному и несбыточному чуду. Юрий таскал на ледяные горки буксующие плетевозы. С их счета он сбился после пятого десятка и уже не прикидывал в уме, скольким машинам помог за эти дни.

Прежде Гладких трудился в поселке Сергино. Когда в тресте «Приобьтрубопроводстрой», проанализировав все ошибки в организации зимников, решили создать специализированное управление для обслуживания трассы, Юрий охотно пошел туда. Намечалась серьезная работа.

Новое управление должно было стрелять сразу по двум зайцам: и дорогу прокладывать и грузы по ней возить. Чтобы не случалось, как на прежних зимниках: одни за трассу отвечают, другие за перевозки, конечный результат не гарантирует никто.

Сегодня положение стало меняться, причем помогла не только лучшая организация труда, но и новые люди. Такие, как Юрий Гладких. Тракторист, благодаря которому не застрял на трассе ни один плетевоз.

...О том, что Гладких был почти рядом, мы узнали позже. Поэтому, пообедав, решили выбираться своими силами. Набросали под колеса комьев мерзлой земли. И с какой-то бессчетной попытки

выскочили из сугроба. С натугой КраЗ двинулся вверх.

— Первую, первую включай! На третьей бесполезно! — занервничал Виданов.

Но Сергей и сам уже сообразил, что третья передача для такой горки слабовата, пробовал переключиться на первую, самую мощную, однако это ему никак не удавалось. Оскальзываясь и пыхтя, карабкался плетевоз в горку на третьей. Мы ждали, что еще метр, другой — и его силы иссякнут, но метров до вершины оставалось все меньше, а он не уставал. Мы замерли в кабине, боясь пошевелиться; казалось, даже от легкого вздоха чудо исчезнет, машина откажет, и придется начинать заново. Метр, еще метр, вот самое трудное — гребень... Все! Вышли. На третьей передаче, хотя не должны были выйти, никак не должны, по всем законам!

Довольный Сережка хлопает ладонью по приборной доске:

— Умница! Сама справилась, а ругали... Я же говорил, что просто застоялась маленько...

В этот миг мы наконец-то оседлали удачу. И она понесла нас вперед, дав зеленый свет до конца маршрута. Зимник выглядел теперь не таким коварным и скользким, горок поубавилось, они будто стали ниже, спокойнее, больше уже не сопротивлялись. Мы обгоняли буксующие плетевозы, пронеслись мимо спешащих к ним на помощь тракторов, не заметили, как стемнело, и за

очередным бугром увидели огни машин, вытянувшихся в очереди на разгрузку. Конец пути. Приехали.

Сергей несколько минут еще сидел в темной кабине, остывая от последних километров отчаянной гонки, потом улыбнулся, словно очнувшись от всех передряг трассы, и полез искать номер трубы. Номер ставит бригадир сварщиков, варивших плеть в пункте погрузки, необходим он для отчетности. Многие водители сразу записывают его, Каркачев — в конечной точке маршрута, такая у него примета.

Потерять плеть легко. Но очень стыдно. Сережа Каркачев не потерял пока ни одной.

Машину разгрузили, уложив трубу вдоль траншеи, в нитку, вытягивающуюся на километры, до горизонта, и теперь в дело включались сварщики. Нам пора было возвращаться.

За десять километров от Андры. Машина шла легко, освободившись от бремени груза, и весело постреливала фарами в тайгу. Налуганные неожиданно плеснувшим в ночи светом, застывали деревья и снежными рукавами указывали дорогу нашему КраЗу. Радостно было сознать, что приключения зимника позади и совсем скоро ждет нас теплый вагончик базового поселка.

Стоящий на дороге плетевоз первым заметил Сережка:

— Случилось что-то. Я сейчас. Вернулся он расстроенный.

— Наш это... Коляка Крюков. Раздатка полетела, рычаг переключения скоростей. Будем ждать Валеру.

Виданов с Климчуком задержались, чтобы организовать разгрузку, и нагнали нас через полчаса. Коля Крюков встретил их мрачнее тучи. О том, что придется сбрасывать плеть, он знал и без мастера-бригадира. И хотя его вины тут не было, все равно обидно, что первый здешний рейс сложился так неудачно. Что задание свое он сегодня уже не выполнит и, похуже, крепко подведет всю бригаду.

Ребята совещались, забравшись вчетвером в кабину КраЗа. Решение было единственное: сейчас, ночью, сбрасывать плеть нельзя. Вдруг упадет поперек дороги. Тогда вся трасса встанет до утра. Поэтому Коля ночует в машине и на рассвете ждет товарищей...

Минут через сорок мы были в Андрее. Черты лица у Сергея заострились, на скулах проступила краснота от усталости, и он стал совсем похожим на мальчишку. Закончился его первый рейс по здешнему зимнику. И сразу же, полчаса спустя, начался второй. Сергей загрузил КраЗ новой плетью и повел за собой на ночную, уже знакомую ему трассу двух своих товарищей.

Они поехали, чтобы не было сбоя у сварщиков. Чтобы как можно больше трубы получил газопровод. Чтобы, возвращаясь, помочь Коле Крюкову.

Их снова ждал зимник.

Лето

Выйдем на берег,—
Там волны
Ноги нам будут лобзать.
Звезды
с таинственной грустью
Будут над нами сиять.

А. ПЛЕЩЕЕВ

Июнь — один из двенадцати месяцев «Времен года» Чайковского, цикла фортепианных пьес, написанных по заказу одного издателя и печатавшихся как приложение к журналу «Нувелист», а ставших нашей классикой, этической философией, которая входит в нашу жизнь через музыку с детства. Музыка внушает нам: Земля делает свой вечный путь в космосе, человек приходит и уходит, за весной бывает лето, и в этом постоянстве — уверенность в завтрашнем дне, и это создает время. Но без человека нет времени...

Под звуки сладкой и нежной «Баркаролы» должны бы вставать прекрасные картины Италии кисти Лагорио или Щедрина, с зеркальными водами, беззаботными парусниками, розовой

водой... А мне видится озеро в предгорьях Урала, сосны и ели на том берегу, заходящее солнце и взбегающие на взгорок домики Воткинска. Пруд, раскинувшийся по-уральски широко, на десять верст, с рыбаками, лодками на закате...

Таким я увидела впервые это место в детстве, в 1940 году, когда здесь еще не было музея Чайковского; таким же предстало оно спустя много лет, совсем в недавнее время. Пейзаж оставался неизменным, «равнодушная природа» все так же «красою вечною» сияла, и пруд отражал облака, сосны и солнце... Но дом Чайковского теперь уже собирал любителей музыки, детей, музыкантов, исполнителей...

И музей все хорошел и наполнялся новыми экспонатами.

Высокое место — ведь здесь светлым днем, в самом начале лета 1840 года, когда от цветущих желтых одуванчиков земля излучает золотое сияние, здесь появился на свет русский гений.

— Петя! Петруша!.. Петенька!
Детские и женские голоса несутся из открытых дверей залы, выходящей в сад, из палисадника с цветущим жасмином. Большой белый дом кричит на разные голоса: его многочисленные обитатели ищут мальчика.

Александра Андреевна Чайковская строгим взглядом оглядела окна,

стараясь угадать, за которым из них спрятался ее сын. Младшие с визгом бегают по комнатам, а старший, Николай, обходя сад, вернулся к матери.

— Мама, его нигде нет.
Из дома вышла девушка с озабоченным некрасивым лицом.
— Фанни, вы поедете без него,— строго сказала Александра Андреевна.

Но в этот момент из-за тополя, совсем рядом, выскочил белокурый тоненький мальчик с широким красным бантом у ворота курточки. Он бросается к матери, целует ее руку, порывисто обнимает свою гувернантку. И столько счастья, столько лукавого веселья в его лице, столько пылкой любви ко всем: к матери и мадемуазель Фанни Дюрбах, к Коле, Лиле, Сашеньке, ко всему миру,— что все лишь переглядываются, как бы говоря: «На него невозможно сердиться».

Фанни, однако, чуть тронула бант на груди мальчика, и этого было достаточно, чтобы он, вспыхнув, порывисто произнес:

— Простите меня.
Бант выдавался лучшему ученику за примерное поведение в течение недели. Лишь вчера его приколотил Пете, а сегодня, в воскресенье... Он поднял руку, чтобы отколотить бант, но он так хорош был в эту минуту, что Фанни улыбнулась и прижала палец к губам.

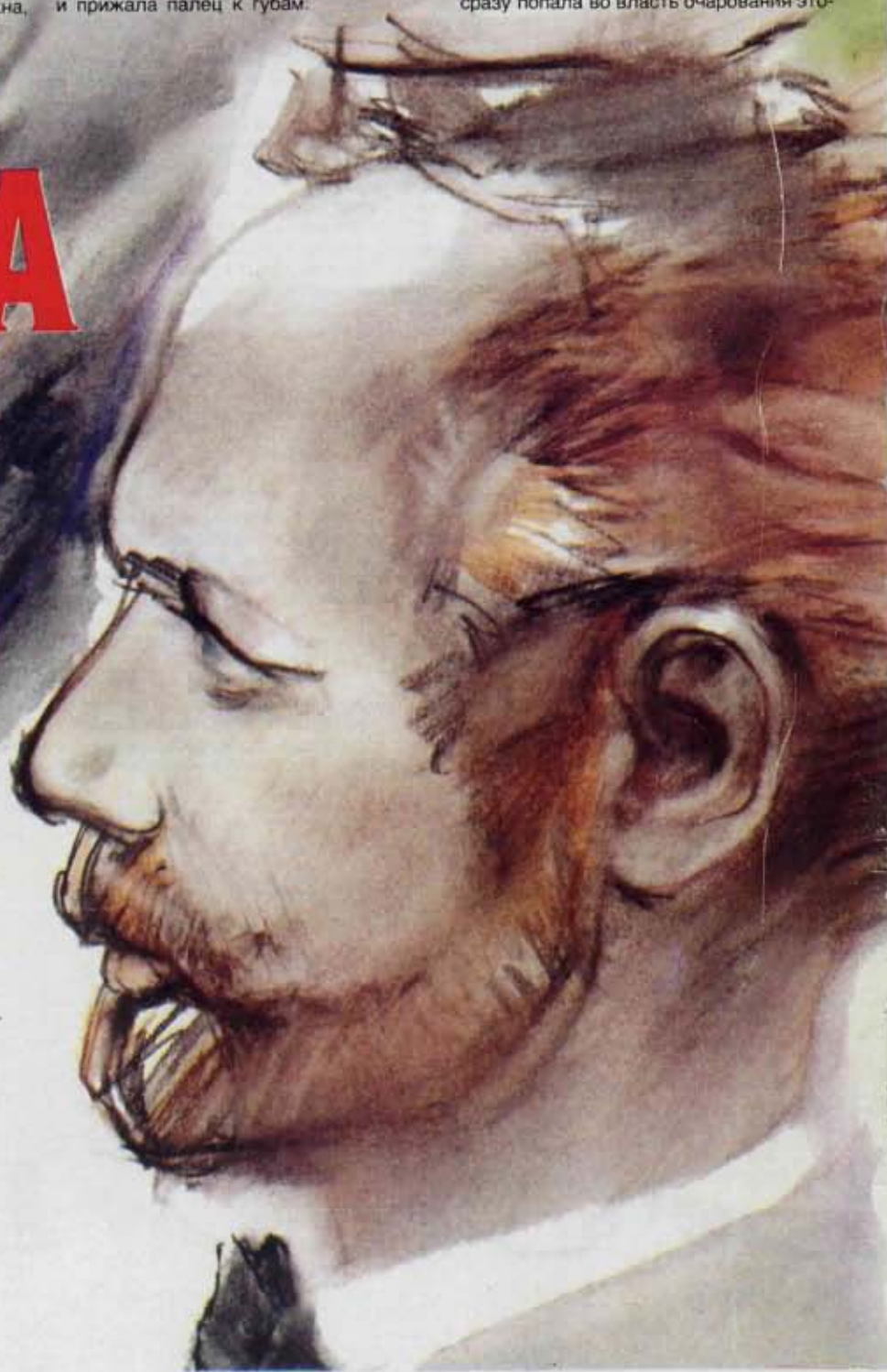
Александра Андреевна распорядилась.

— Ну, полноте, садитесь и поезжайте. Путь у вас не близкий, а к обеду с прогулки надо вернуться. И с полными лукошками.

Фанни Дюрбах усадила детей в тарантас, и они поехали.

Дом на Господской улице остался позади. Большой, построенный с размахом дом — такие и должны быть в этих просторных местах, вдали от столицы. Нижний этаж — семь комнат, да еще две наверху. Гостиная-зала окнами смотрит в сад, к пруду, к березам. Красной кожей обтянута мебель в столовой, синей — в кабинете отца, полосатым шелком — в комнате матери. Однако дом — собственность не Чайковских, а Вятско-Камского горного округа, начальником которого назначен Илья Петрович Чайковский. Переведут его на другую службу, в Петербург, и поселится здесь новый начальник. Но пока тут обитает дружное семейство: хлебосольный хозяин, большой любитель домашних спектаклей, жена его Александра Андреевна, нежная и в то же время деловая женщина, их пятеро детей, племянница и немногочисленная прислуга, похожая больше на членов семьи, чем на дворовых. И еще привезенная хозяйкой из Петербурга гувернантка-француженка Фанни Дюрбах, которая сразу попала во власть очарования это-

ВРЕМЕНА ГОДА

го дома и полюбила всех детей госпожи Чайковской, особенно Пьера... В первой от входа комнате—приемная. Здесь Илья Петрович принимает посетителей.

А тем временем коляска катится обратно по мягкой от пыли земле, среди еще не отсыревших золотыми одуванчиками полей. Широкие увалы предуральской земли, овраги в бахроме темных елей—и видно далеко-далеко! Мягкая, всхолмленная земля будто обнимает путника:— каурюю кобылку, уютный тарантас и примостившихся на сиденьях детей. Но вот подул сиверко, пошел дождь, и наши путники заторопились домой.

Притихший Петя смотрит вокруг, слушает голоса ветра, неба, полей, леса. Странно: беспредельная красота этих мест вызывает в нем не радость, а какой-то грустный восторг.

Показались характерные для этих мест дома, терраски с закругленными окнами. Углежаги в черных прокопченных рубахах, в пудовых сапогах, с черными лицами и горящими на них глазами. Они добывали древесный уголь для завода. Пете они казались похожими на подземных жителей из немецких сказок.

На улицах, несмотря на холодный ветер с Камы, босые ребятишки играли в бабки, качались на качелях.

— Смотрите, Фрейляйн, они без туфель,—заметил Николай.

— Возможно, им нечего надеть,—откликнулась гувернантка.

— Нечего?—переспросил Петя и сжался при виде девочки, которая прыгала на доске, взмахивая красными руками.

— Быть может, она сиротка,—предположила Фанни.

— Совсем... сиротка? У нее нет... мамы?

— А может быть, и папа...—отвечала Фанни.

...Вечером, как обычно перед сном, в детскую зашла Александра Андреевна; она увидела залитое слезами лицо сына, а возле листок бумаги, покрытый детскими буквами: «Молитва девочки, совсем сиротки»...

Мальчик лежал, повернувшись к стене. Александра Андреевна взяла его на руки.

— Что ты, мальчик? У тебя болит голова?

— Она разрывается! Звучит! Там девочка, сиротка... И звуки, звуки!

Александра Андреевна услышала бессвязный лепет о «сердитых» елочках, о босоногой девочке, похожей на синицу, о черных подземных жителях с красными глазами. Она постаралась овладеть собой, чтобы сын не почувствовал ее собственного волнения,—необходимо «заразить» его покоем. Она гладила его и приговаривала:

— Мой мальчик, сейчас все пройдет, все уйдет. У тебя редкое сердечко, дружок... Ты сядешь за рояль, будешь играть, и музыка уйдет в клавиши, и не будет болеть голова...

Мальчик всхлипывал, но уже реже, реже... Темное в сумерках лицо матери, ее кремевой воротник, кружева на платье, мягкие большие руки, голос наполняли его иной музыкой—тихой и светлой.

...Так главной и единственной потребностью Петра Ильича от рождения стала потребность в гармонии—в природе ли, в окружающем мире, в человеческих отношениях... И если не находилось соответствия между внешним миром и внутренним стремлением, то душа трепетала, рвалась, мучилась—и рождалась музыка. Так будит теперь с ним всю жизнь. А семья, их дом в Воткинске станут тем камертоном, по которому композитор будет настраивать весь мир.

Родители подарили ему счастливейший мир детства, идеальные представления о нравственности, о страдании, о родине...

В учебной комнате висела огромная карта России. Не раз мальчик Петя подбегал и... покрывал ее поцелуями!

О природе Предуралья Фанни Дюрбах вспоминала: «Я никогда не видела такого красивого захода солнца, как в России, когда небеса покрывались такими изумительными красками; я особенно любила тихие, мягкие вечера в конце лета. Челны рыбаков качались на пруду, гладком, как зеркало, в котором отражалось солнце. С балкона мы слышали грустные песни—только они одни нарушали тишину этих чудных ночей».

...Белые березы, ослепляющие чистотой, прямо перед окнами. Суровые сосны и ели окрест. Холмы-увалы, придающие земле широту. Весеннее, желто-зеленое поле, яркий ковер одуванчиков, расстилающихся под ногами в мае, когда отмечали день ангела Пети. Когда от цветущих одуванчиков шел золотой свет... И земля—как золотое сияние.

Зима

*И мирный неги уголок
Ночь сумраком одела.
В камине гаснет огонек
И свечка нагорела.*

А. ПУШКИН

Январь. Моя первая учительница музыки Мария Александровна жила в городке Глазове—это примерно двести километров от Воткинска.

Город утопал в снегу, и музыка за окнами в ее доме казалась недоступным чудом. Мы стояли под окнами и слушали глухо доносившиеся зимой звуки.

Чайковский был ее кумиром. Он стал и моими вратами в мир музыки.

А однажды летом Мария Александровна взяла меня с собой. Мы шли куда-то по дремучей траве, она бешено цеплялась за ноги, за локти, а время от времени в траве появлялись тяжелые глыбы камней. Потом Мария Александровна остановилась, раздвинула стебли, прочитала надпись и сказала:

— Здесь похоронен Петр Федорович Чайковский. Постоим.

Это поразительно: дед Чайковского, оказывается, жил в нашем городе, был полковым лекарем, потом городничим Глазова.

Великое всегда недоступно, далеко, а тут рядом. С особым чувством играла я «У камелька».

...На дворе уютно, и хочется в дом, где можно затопить камин, зажечь свечу, сесть на диван, и теплый кот будет излучать уют. Лежит светящийся лист бумаги. Огонь в камине—источник чередующихся в настроении мыслей. Зима! Такое славное для работы время. Пора раздумий, приготовлений к чему-то существенному. Приготовление к расцвету цикла жизни—весне.

Будто заморожено раннее дарование, будто уснули силы природные, будто испытывала судьба, выдерживала свой срок...

Миновала невозвратимая пора детства! Ушла музыка, которую слышал он один. Куда девалась дивная способность слушать и слышать? Внимать миру, верить?

Наползла туча—пришло отрочество с его сомнительной круговертью, критическим самокопанием, грустными открытиями. Дитя и юноша—не просто два возраста, а два человека. Где «нежные чувствования»? Где Пьер, который мучился звуковыми галлюцинациями, не отходил от рояля? Он окружен стеной музыкального молчания. Еще немного—и он будет как все. Когда читаешь письма Чайковского, написанные в юности, не верится порой, что это писал тот же Петя, Пьер, Петруша, который еще недавно не мог совладать с музыкальными образами.

Давно уехали из Воткинска. Петя поступил в училище правоведения. Его ждет карьера чиновника. Он обаятелен, общий любимец, но что он пишет своей сестре:

«Чем я кончу? Что обещает мне будущее?—об этом страшно и подумать. Я знаю, что рано или поздно (но скорее рано) я не в силах буду бороться с трудной стороной жизни и разобьюсь вдребезги, а до тех пор я наслаждаюсь жизнью, как могу, и все жертвую для наслаждения. Зато вот уже недели две, как со всех сторон неприятности: по службе идет крайне плохо, рублишки уже давно испарились, в любви—несчастье, но все это глупости,—придет время, и опять будет весело. Иногда поллачу даже, а потом пройду лешком по Невскому, лешком же возвращусь домой,—и уж рассеялся».

...Софи Адамова рассказывала мне, что в прошлом году Вареньки обе в меня серьезно влюблены... а слез сколько было пролито. Рассказ этот крайне польстил моему самолюбию... Недавно я познакомился с некою м-ме Гернгросс и влюбился немножко в ее старшую дочку. Представь, как странно. Ее все-таки зовут Софи! Софи Киреева, Софи Лалинская, Софи Боборыкина, Софи Гернгросс—все Софи!

*Сегодня я за чашкой кофе
Мечтал о тех, по ком вздыхал,
И поневоле имя Софья
Четыре раза сосчитал.*

Извини, что письмо мое так глупо. Но я в хорошем расположении духа, а ты знаешь, в такие довольно редкие минуты у

Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

меня только глупости на уме!»

Возможно, он с блаженной улыбкой вспоминает катание на лошадах в Воткинске, Фанни... И музыкальные видения и сны. Но жизнь ведет его по другому кругу. Главная наука теперь—юриспруденция, общество—золотая молодежь, карьера чиновника обещает в будущем орден Владимира...

Кажется, еще немного—и мы не услышим никогда (страшно представить!) «Лебединое озеро», Четвертую симфонию... И никогда не скажет Чехов, что готов стоять на карауле возле дверей Чайковского. Могло бы стать, что в министерстве юстиции появился бы еще один исполнительный чиновник и не родился бы тот, кто стал национальным гением...

Божественный дар, врученный нам при рождении, как его сохранить? Как не расплескать чашу, полную детской искренности и талантов? Пронести через бурное время отрочества и ранней юности?..

Петя Чайковский с радостью участвовал в любительских спектаклях, маскарадах, товарищеских пирушках, играл танцевальную музыку, пел баритоном... Музыка? О ней он тоже пишет, но... как?

«Дела мои идут по-старому. На службе надеюсь получить в скором времени место чиновника особых поручений при министерстве, жалованья двадцатью рублями больше и немного дела. Дай бог, чтобы это устроилось. Я писал тебе, кажется, что начал заниматься теорией музыки и очень успешно; согласись, что с моим изрядным талантом (надеюсь, ты это не примешь за хвастовство) было бы неблагоприятно не попробовать счастья на этом поприще. И боюсь только за бесхарактерность; пожалуй, лень возьмет свое, и я не выдержу; если же напротив, то обещаю тебе сделаться чем-нибудь. Ты знаешь, что во мне есть силы и способности,—но я болен тою болезнью, которая называется обломовщиною, и если не восторжествую над нею, то, конечно, легко могу погибнуть. К счастью, время еще не совсем ушло».

«Было бы неблагоприятно не попробовать счастья на этом поприще...» Это о великой музыке, жившей в его душе! (Тут, конечно, не обошлось без русского самобичевания, без упреков в обломовщине, лени.) Когда-то музыка сама приходила к нему, врвалась без спросу, среди дороги: рожденный для гармонии, он заболел от дисгармоничности мира, от зла, от людских слабостей.

Теперь он сам должен был прийти к ней. Он смутно чувствовал: близится час, зовет колокольчик детства. «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботах суетного света он малодушно погружен», — пушкинская строка более всего соответствовала его состоянию тех лет.

Впрочем, под спудом, на дне сердца, где-то в неведомых глубинах существа, всегда идет работа чувства, мысли, веры. И у Пети Чайковского сильнее, чем у кого-либо.

...1854 год—черный год. Скончалась мать, Илья Петрович вызвал в Петербург гувернантку—Анастасию Петровну. Русая, белолицая, кареглазая девушка, бесконечно милая и добрая, она была нужна сейчас Петруше. С ней поселились на даче в Ораниенбауме и пробыли там все лето.

15 августа Петя, робая и смущаясь, вручил «тете Насте» (ей было 26 лет) ноты, где на заглавном листе было написано: «Анастасия-вальс». сочиненный и посвященный Анастасии Петровне Петром Чайковским, учеником Императорского училища Правоведения, 15 августа, день отъезда из Ораниенбаума в Петербург».

Первое сочинение—вальс—потом станет одной из любимых форм композитора («Ната-вальс»), но этот первый! Робко стучал молоточек судьбы.

Юный Чайковский пишет: «Рано или поздно, но я променяю службу на музыку. Не подумай, что я воображаю сделаться великим артистом,—я просто хочу только делать то, к чему меня

влечет призвание; буду ли я знаменитый композитор или бедный учитель,—но совесть моя будет спокойна, и я не буду иметь тяжкого права роптать на судьбу и на людей. Службу я, конечно, окончательно не брошу до тех пор, пока не буду окончательно уверен в том, что я артист, а не чиновник...»

Но вот сделан важный шаг: решено оставить службу. Петр Ильич полагает, что найдет учеников и будет давать уроки музыки. Отныне его девизом становится: «Вдохновение—гостья, которая не любит посещать ленивых». Он решил отказаться от светских удовольствий, от изящного туалета, сократил расходы до самых малых размеров. Не хочет просить денег у отца.

Аполлон уже требует от него священной жертвы!

С осени 1862 года ни о любительских спектаклях, ни о светских знакомых нет и речи. Музыка поглощает Чайковского целиком. Ему удивляются, кто-то порицает. Брат Модест напишет: «Петя представляется мне совершенно новым. Нежность к папаше, домоседство, возрастающая небрежность туалета, усидчивость в труде, внимание к таким нуждам нашим с Анатолием, заботы о таких вещах, которые прежде были несоместимы с обликом блестящего повеса. Его нежные ласки, полное отсутствие разговоров о спектаклях и балах—все вместе и удивляет, и умиляет, и радуется...»

Отец не препятствует сыну, но и не очень одобряет выбор пути; он боится за его будущее:

«Похвальная твоя страсть к музыке, но, друг мой, это скользкий путь: вознаграждение за гениальный труд бывает долго-долго спустя. Посмотри ты на бедного гениального музыканта Серова: трудясь со страстью, он только нашёл серебряные волосы, а не серебро. «Юдифь» он работал четырнадцать лет, да столько же «Рогнеду»,—а что выработал? Славу, ценю в 1500 рублей в год, пока жив, т. е. едва-едва хлеб насущный. Ведь у нас только итальянцы берут за свои пьесы по тридцать тысяч. Глинка умер бедняком, да и прочие наши таланты не дорого оценены... Ты в семье моей лучшая жемчужина; не думай, что на твою долю выпадет такая трудная и скользкая дорога! С твоими дарованиями ты нигде бы не пропал, не пропадаешь и здесь, конечно, но трудно тебе, голубчик, жить при плохом вознаграждении».

«Ты в семье моей лучшая жемчужина...» Как хочется отцу благополучия для сына, как заботит его материальное будущее! Кто может предсказать меру, судьбу таланта? Кто знает, гений или простой любитель заключен в сыне?

Но вот наконец к музыканту возвращается божественный дар детства. Покрытая снегом земля дышит, там идет своя жизнь, великая подготовка к пробуждению. В замерзших деревьях движутся соки, в реке не до конца замерзает вода.

Петр Чайковский, двадцатилетний юноша, вновь чувствует мир на языке музыки. Скерцо—веселой минуте, анданте—грусти. Для шутки и горечи, для непонятой обиды и для восторга—все-таки найдутся свои звуки! Он отошел от шумных вечеров света и стал необычайно чувствителен. Будто с обнаженными нервами, будто нет на нем кожи. Обидели случайно словом—промолчал, а на глазах слезы, и в душе уж замесились звуки... Бушует море чувств. Обуреваем ими, он становится рассеянным, углубленно-застенчивым, неузнаваемым.

Как-то молодой композитор пришел в оперу, взяв с собой оркестровую партитуру «Ивана Сусанина», чтобы с нотами в руках проследить ход оркестровых комбинаций. Он так углубился в ноты, что не замечал негодующих взоров и разговоров соседей о том, что какой-то неизвестный «в такое время» интересуется музыкой и сидит с нотами. Раздалась угрожающая требованья, чтобы он вышел вон, и тогда только несчастный музыкант заметил, что служит предметом общего внимания окружающих. Он

страшно сконфузился, испугался и поспешил удалиться подброду-подброду. Ранним, обидчив, самолюбив, сосредоточен на себе—таков Чайковский в 22 года. И вместе с тем: «...снедающее меня самолюбие (это мой главный недостаток) в последнее время было польщено несколькими музыкальными успехами, и впереди я предвижу другие». Он уже знает: музыка—его призвание, и нет ему иной дороги.

...Однажды зимой Чайковский забрел в тихую туликовую улочку, какие бываю только в Москве. Нескольких шагов—и будто за тысячу верст от столицы. На одной стороне—огромный сад, высокие ели, березы, занесенные снегом, этакая шапка Мономаха с бриллиантами из снежинок. На другой—большой деревянный дом, простой, с широкими фасадами, большими окнами, колоннами, почти как в Воткинске.

Тихо. Так тихо, как бывает только зимой. Чайковский зачарованно смотрел по сторонам...

И вдруг образы и видения полились из его души. Запели неясные звуки, они возникали из хаоса, таили и опять всплывали, проталкиваясь сквозь неясные видения. Он не замечал, что делает какие-то суетливые, бешеные движения руками. Казалось, музыка лилась с кончиков его пальцев, и он, боясь потерять, старался ухватить звуки. Губы шевелились, вырывались хриплые звуки. И вот уже полилась мелодия!

Чайковский чуть не налетел на тумбу, оказывается, он уже повернул за угол и уперся в трактир. В полубреду отворил дверь. Не замечая хозяйина и половых, присел к столу и, схватив бумажку для счетов, стал быстро записывать... Мелодия была стройная и светлая.

Он назовет ее потом «Грезы зимней дорогой». Будет писать сутками, ночами напролет, даже надорвет здоровье, заболит нервным расстройством. Ни одна симфония не доставит ему столько страданий, как эта. Но ведь это была судьба, выбор навеки. Неверие в себя, неуверенность, слабая инструментовка, неопытность, но зато искренность, сердечность, чистота и недостижимость идеала...

В этой симфонии весь будущий Чайковский и ощущение жизни, которое явилось у него в детстве и, по существу, осталось неизменным навсегда. Помните слова Модеста? Даже в минуту высшего восторга его охватывала тоска—ведь минута эта минует, уйдет, умрет, сменится день, ночь, зима, лето, жизнь. Даже год—всего лишь капля в «ходе лета»...

Разные части: «Зимние грезы», «Угрюмый край»—величавая природа. Тревога—глухие шепоты скрипок... Ромем кружатся мысли, как снег. Смутно и грустно, и вспоминается «Зимняя дорога» Пушкина... Смотри на дорогу, на санный путь, по которому ездят народ, и уйдут снедающие тебя мысли. Слушай голос русской песни, русских далей, холмов и перелесков, смотри на лица женщин... Слушай неясный шорох снежинок во мгле. Снежная замять рассеется, брызнет солнце, засверкают поля «под голубыми небесами великолепными коврами...».

3 февраля 1868 года симфония впервые была исполнена в Москве. Автора много раз вызывали. Произошел первый взрыв—известности, славы, успеха. А он, «небрежно одетый», с шапкой в руках, которую нервно мял, очень неловко и неуклюже выходил раскланиваться. Зато после концерта, когда друзья собрались в ресторане, Чайковский со всеми перецеловался, а потом разбил все бокалы, из которых пили шампанское...

Зима его жизни кончилась.

Весна

Источник музыки—жизнь, «все впечатленья бытия». Вряд ли за всю жизнь Чайковского было столько «впечатлений бытия», сколько за 1876—1877 годы. И последовал музыкальный взрыв,

вулканическое «извержение сердца», началось весеннее «цветенье» звуков!

Балет «Лебединое озеро». Третья симфония. Четвертая симфония. Оперы «Опричник», «Вакула», «Евгений Онегин». Симфоническая сюита «Франческа да Римини». Вариации на тему рококо, «Вальс-скерцо»—вот неполный перечень написанного в эти годы.

И—как остановки в этом сложном симфоническом шествии, как «лирические стихотворения», рожденные без суеты, в перерывах между поездками то в Париж, то в Москву, то в Каменку—музыкальные пьесы из цикла «Времена года». Именно в начале 1876 года они печатаются в приложении к журналу «Нувеллист».

«Март. Песнь жаворонка». «Апрель. Подснежник»...

...Ровные, размеренные звуки, то ли капели, то ли тепло лучей света, проникающих через окно,—аккомпанемент левой руки, это фон, на котором расцветает самый первый, самый наивный цветок—подснежник. Его красота трогательна и незатейлива. Зато какая чистота, какое робкое и тонкое благоухание. Летом будут другие цветы—пышные, ароматные, вызывающие. Но не будет столь милого и вместе столь отчаянного и смелого (ведь он первый!) цветка.

Жизнь расстилала перед гением скатерть-самобранку: Париж, Версаль, Флоренция, Виши... Но все это проходило вне его сердца. Родина, близкие, приметы русской жизни и в том числе подснежник—вот что влекло и рождало цемную ноту в самой глубине сердца. Часто его преследуют тоска, смятенность, неясность чувств, мечта о высшем, неудовлетворенность, особенно там.

«Третьего дня вечером,—пишет он,—приехал я в треклятый, мерзкий, отвратительный Виши. Здесь соединилось все, чтоб сделать мое пребывание невыносимым. Нужно вставать в пять часов утра, чтоб получить ванну; уже это одно неприятно. Затем суета, давка из-за каждого стакана воды на источнике, светский характер времяпровождения, совершенное отсутствие красот природы, но, главное, одиночество,—все это глубоко отравляет мне каждую минуту жизни...»

Тоска по родине? Да. Но не только, все сложнее. Неясность чувств, меланхоличность, недостижимое стремление к совершенству и вечная спутница жизни—мечта, разбиваемая самой же жизнью... Это уже качества души, характера, особенности его натуры, которые в эту пору совершенно законченно проявились. Вот что писал Чайковский из Флоренции:

«Ты думаешь себе, вот счастливый человек! То из Венеции пишет, то в Риме и Неаполе был, а то вдруг из Флоренции корреспондирует. А между тем, Модя, нельзя себе представить человека, более тоскующего, чем я все это время. В Неаполе я дошел до такого состояния, что ежедневно проливал слезы от тоски по родине вообще и всем дорогим людям в особенности. Что бы я дал в эти ужасные минуты черной меланхолии, чтобы около меня очутился хотя бы Николай Львович! Все московское мне кажется особенно милым...»

Я успел только пробежать по главным улицам Флоренции; она мне очень нравится. Рим мне ненавистен, да и Неаполь,—чтоб черт его взял! Один и есть только город в мире, это Москва да еще Париж!»

Брат Петра Ильича, Модест (так же, как и второй из близнецов, Анатолий, он служил ему всю жизнь), очень точно определил причину такого состояния композитора:

«Чтобы быть покойным и счастливым, ему необходимо изливаться в звуках почти без устали. Несколько дней безделья между двумя работами делают его уже беспокойным и несчастным».

И все же именно в эти знаменательные годы примчалась весна. Весна веры, творчества, созидания. Набухли

почки, распустились листья. Начались месяцы звукодарящие, избыточные, рассыпающиеся тысячами и сотнями аккордов, трелей, тремоло, арпеджио...

Годы эти соединили горе и радость, подарили «все впечатленья бытия».

Все странно переплелось, по закону таинственности оказалось связанным,—чего только не вбирает в себя творческое вдохновение! И непременно страдание.

Вот как началась опера, открывшая новое направление в музыкальной истории.

«На прошлой неделе я был как-то у Лавровской,—пишет композитор в мае 1877 года.—Разговор зашел о сюжетах для оперы. Ее глупый муж молчал невозможную чепуху и предлагал самые невозможные сюжеты. Лизавета Андреевна молчала и добродушно улыбалась, как вдруг сказала: «А что бы взять «Евгения Онегина»? Мысль эта показалась мне дикой, и я ничего не отвечал. Потом, обедая в трактире один, я вспомнил об «Онегине», задумался, потом начал находить мысль Лавровской возможной, потом увлекся и к концу обеда решил. Тотчас побежал отыскивать Пушкина. С трудом нашел, отправился домой, перечел с восторгом и провел совершенно бессонную ночь, результатом которой был сценарий прелестной оперы с текстом Пушкина. На другой день съездил к Шилловскому, и теперь в всех парах обдывают мой сценарий...»

Ты не поверишь, до чего я яруюсь на этот сюжет. Как я рад избавиться от эфемерных принципов, фараонов, отравлений, всякого рода ходульности. Какая бездна поэзии в «Онегине». Я не заблуждаюсь; я знаю, что сценических эффектов и движения будет мало в этой опере. Но общая поэтичность, человечность, простота сюжета в соединении с гениальным текстом заменяет с лихвой эти недостатки...»

Он всегда любил поэзию Пушкина. Еще помнил рассказы отца о живом поэте—в Воткинске в год смерти Пушкина приезжал Василий Андреевич Жуковский.

«Пусть моя опера будет несценична, пусть в ней мало действия,—но я влюблен в образ Татьяны, я очарован стихами Пушкина и пишу на них музыку, потому что меня к этому тянет. Я совершенно погрузился в сочинение оперы». Боратынский говорил, что в «Онегине» многие ищут романтических завязок и не находят, «высокая простота создания им кажется бедностью вымысла». А Чайковского именно эта высокая простота восхищала. Никаких эффектов, ничего привычного, традиционного для оперы он не хотел бы. Опера несценична? Не будет никогда поставлена на оперной сцене? Ну и пусть, он согласен и на концертное исполнение.

Композитор совершенно уверовал в истину, высказанную Львом Толстым: «Кто насилует свой талант, работает на эффект, на желание понравиться публике, тот не вполне художник».

Шел май 1877 года, была весна творчества! И вдруг приходит письмо с объяснением в любви. Чайковский растерян, обескуражен. Но... Это ли не материал для музыки к письму Татьяны Онегину? Петру Ильичу даже кажется (конечно, только кажется!), что Милюкова, его ученица, напоминает Татьяну... И музыка льется и льется. Сцена письма становится одной из лучших сцен оперы. Интродукция и сцена с няней—самая драматическая часть—созданы сразу, в прыве. Композитор воображает страдания той, что написала ему письмо. И... становится ее женихом. Не ответить согласимся на такое письмо? Жестоко, некрасиво, и Чайковский делает предложение...

Новые арии, новые сцены. В конце июня уже готовы две трети оперы. Настоящие «болдинские дни» Чайковского. Он пишет: «...то, что я написал, в буквальном смысле вылилось у меня». И опять словно оправдывается, объясняет: «Мне кажется, что все сценические неудобства окупаются прелестью

пушкинского стиха... Про музыку я вам скажу, что, если была когда-нибудь написана музыка с искренним увлечением, с любовью к сюжету, к действующим лицам одного, то это музыка к «Онегину». Я таял и трепетал от невыразимого наслаждения, когда писал ее. И если на слушателе будет отзываться хотя малейшая доля того, что я испытал, сочиня эту оперу, то я буду очень доволен и большего не нужно. Пусть «Онегин» будет скучным представлением с тепло написанной музыкой—вот все, чего я желаю».

Чайковский благоволил перед Татьяной, всей душой привязался к Ленскому (и оттого его Ленский иной, чем у Пушкина), негодовал на сухость и пустоту Онегина—и работал!.

А шестого июля 1878 года «жених» вошел в церковь святого Георгия, что в Москве на Бронной. Хрустальный сосуд призрачного счастья был поднят над головой и... тут же разбился: иллюзии были утрачены мгновенно. Остались горечь, разочарование, страдание, даже попытка самоубийства...

Отныне и навсегда его единственной «женщиной», богиней и повелительницей станет Музыка.

Оттого, вероятно, и столь невиданным образом сложились у него отношения с Надеждой Филаретовной фон Мекк. Она мать одиннадцати детей, миллионерша, склонная к неуравновешенности, с лицом боярыни Морозовой, ее неистовством, волей, фанатизмом, жадной великого... 1200 писем написали они друг другу за тринадцать лет. И встречались при этом крайне редко, чаще издали либо на людях: в консерватории, в театре, в обществе. Голос любви не звучал при этом—он звучал в музыке.

Встречу с ней Петр Ильич считал волей судьбы, фатума, всемогущего фатума, которого так боялся и в который так верил.

Раньше критиков, прежде музыкантов оценила она музыку Чайковского и стала служить ему, восхищаясь. Со сдержанностью, свойственной ей, без всякой литературной изощренности, писала о самом главном:

«Когда бы Вы знали, что я чувствую при Вашей музыке и как я благодарна Вам за эти чувства».

«Было время, что я очень хотела познакомиться с Вами. Теперь же чем больше я очаровываюсь Вами, тем больше я боюсь знакомства,— мне кажется, что я была бы не в состоянии заговорить с Вами... Я протянула бы Вам руку, но только для того, чтобы положить Вашу, но не сказать ни слова. Теперь я предпочитаю вдали думать об Вас и Вашей музыке и в ней чувствовать с Вами заодно».

И он поверил ее доброте. Помните, в детстве как он восхищался добротой Фанни, мамаша, Анастасии Петровны! Как майский одуванчик солнцу, так он радовался добру, в ее лучах звучал его голос!

Именно ей написал Чайковский о своей женитьбе со всей откровенностью: «...В один прекрасный вечер отправился к моей будущей супруге, сказал ей откровенно, что не люблю ее, но буду ей во всяком случае преданным и благодарным другом, я подробно описал ей свой характер, свою раздражительность, нервность темперамента, свое нелюдючество,—наконец, свои обстоятельства. За сим я спросил ее—желает ли она быть моей женой. Ответ был разумеется утвердительный. Не могу передать Вам словами те ужасные чувства, через которые я прошел в первые дни после этого вечера... Доживая до 37 лет с врожденной антипатией к браку,—быть вовлеченным силою обстоятельств в положение «жениха», притом нисколько не увлеченного своей невестой, очень тяжело...»

Мы уже знаем—он боялся своим отказом погубить девушку (она готова была на это), а чуть не погубил себя. К счастью, с ним всегда была музыка. В ней он высказал все.

С новой страстью отдается сочине-

нию «Онегина». Едет за границу и пишет там сцену дуэли своего любимого Ленского: «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?»

...Весна—не только время, когда стреляют почки и к новой жизни вырываются силы земли. Весной под оттаявшим снегом обнажается грязь. Потом все смоят бурные ручьи и реки, но пока...

Весной 1878 года Н. Рубинштейн поставил «Онегина» в Московской консерватории. На крохотной сцене в почти полной темноте, при свечах. Кашкин вспоминал, что на ухо ему Чайковский прошептал: «Какое счастье, что здесь темно! Мне это так нравится, что я не могу удержаться от слез...»

После спектакля композитору подарили цветы, его любимые ландыши. Весенние цветы—неизменная любовь Петра Ильича (он говорил, что, когда совсем призрачно, займется цветоводством). А ландыш—«царь» цветов. Он испытывал к ним какое-то «бешеное обожание». Может быть, этот цветок был созвучен характеру Чайковского? Та же таинственная прелесть, загадка, тайна—и простота, скромность (как у Татьяны).

Композитор как-то сочинил стихотворение о ландышах и очень гордится им:

Не радуют меня
ни книги
ни беседа,
Ни быстрый бег саней,
ни бала
шумный блеск,
Ни Патти, ни театр,
ни тонкости обеда,
Ни тлеющих полен
в камине
тихий треск.
Я жду весны.
И вот
волшебница явилась,
Свой саван сбросил лес
и нам готовит тень,
И реки потекли,
и роца огласилась.
И наконец,
настал
давно желанный день,
Скорее в лес!
Бегу знакомую тропю.
Ужель сбылись мечты,
осуществились сны?..
Вот он!
Склоняясь к земле,
я трепетной рукою
Срываю чудный дар
волшебницы-весны.
О ландыш,
отчего так радуешь ты взоры?
Другие есть цветы
роскошней и пышней,
И ярче краски в них,
и веселый узор,—
Но прелести в них нет
таинственной
твоей.

Весна в жизни Чайковского, в творчестве наступила, и продолжалась она еще много-много месяцев и лет.

Осень

Осень.
Осыпается весь наш бедный сад.
Листья пожелтели
по ветру летят.

А. ФЕТ

Звуки, навевающие философское приятие мира даже в его грустные минуты и часы. Звуки, не будоражащие, не заражающие отчаянием, угнетенностью, а утешающие, навевающие раздумье о неизбежном чередовании дней, месяцев, времен года, которое одно уже есть утешение, и надежда, и уверенность: будет завтрашний день!—цветение сменится созреванием плодов, а уставшая от плодов земля после осени будет спать-отдыхать. Ведь и человек после праведного дня отдыхает, после прой-

денного пути закрывается дверь. Это не трагедия, а—неизбежность.

Фа-ре, фа-ре... Соль-си, ля, си, до, ре... Равномерно переливаются звуки, словно песочные часы. Чередуется, каплют, колеблются... Фа-ре, фа-ре—равной длины четвертушки, ни усиления, ни убыстрения... Вот возникла и пошла наверх мелодия, но тут же оборвалась. Падают листья, пошумливает дождь, листья ложатся медленно, удовлетворенно. Деревья вздыхают, прощаясь с теплом. А ночами, самыми черными в году ночами раздаются самые прекрасные звуки: деревья роняют свои плоды, яблоки падают на землю. Урожай, и немалый!

Десять опер. Пять симфоний. Три балета. Оркестровые произведения, увертюры, сюиты. Музыка к театральным постановкам. Девять концертных произведений. Вокальные ансамбли. Хоры, кантаты. А сколько камерных сочинений!

Клин. Осенью, когда голые деревья и все вокруг пустынно... Сидя под желтеющими деревьями, я слушаю последнюю, Шестую симфонию Чайковского, думаю о тайне его музыки.

Шестая симфония—океан. Она вобрала в себя всю жизнь, весь сложный мир. Музыканта и Человека.

Какой он? Ничего вызывающего, идущего вразрез с благонамеренным обществом. Воспитанность, интеллигентность, которые обманчиво скрывают подлинное чувства, сдержанность, даже застенчивость, робость—все загнано внутрь, залерто накрепко, и только музыка доверится ключ.

Укрощенные страсти, дорогой ценой подавленные желания. В юности, борясь с обломовщиной, начал «загонять себя», работать по ночам. И потом постоянно переламывал себя...

Не любил писать писем, но неизменно отвечал всем адресатам, иногда по 10—20 писем в день.

Не терпел заниматься корректурами, но делал это в первую очередь.

Его тянуло всегда работать ночью (так писал Первую симфонию), но заболел, заработал неврастению—и запретил себе работать по ночам. Любил читать вечерами, перед сном. Толстого, Диккенса (не терпел Гюго), Пушкина, но заставил себя сократить часы чтения, так как это мешало музыке.

Не терпел дилетанства, особенно в музыке, но читал все нотные сочинения, присылаемые ему. И был в высшей степени взыскателен, строг. Досадовал, извинялся, оговаривался в конце письма: «Пожалуйста, простите, что поневоле пришлось огорчить вас...» Но был непреклонен.

Бывало (и нередко!), хотелось сказать о невоспитанности одних, невежестве, пошлости других, но заложенное с детства воспитание не позволяло...

Что оставалось? Музыка! Все возмущавшее его, несправедливое, все несовершенство мира—в нее. Нежность—огромная, ранимость—болезненная, раздражение—невероятное, ласковость—безграничная... Душа исторгала подавленные желания—в музыкальном негодовании, восторге, страдании, возмущении...

Тайной его музыки был характер. Он говорил о «безобразии» своей природы: «Мало же я наслаждаюсь ничегонеделанием по безобразию своей природы, вечно находящейся в ожидании каких-то невероятных наслаждений и вечно неудовлетворенной. Вчера я насилу дождался обеда. После обеда насилу дождался прогулки. Во время прогулки насилу дождался чаю. После чаю насилу дождался восхода луны. После ждал ужина, после—права идти спать... а после спал, и хорошо спал. Сон едва ли не величайшее благо в жизни. Он дает нам силу, начиная с следующего утра опять, все чего-то ждуть. Теперь я начинаю с беспокойством думать, что скоро предстоит отъезд. Я знаю, что, только уехавши из Вербовки, я вполне оценю прелесть здешней тихой и покой-

ной жизни. Жалеть прошедшее и надеяться на будущее, никогда не удовлетворяясь настоящим, вот в чем проходит вся моя жизнь».

Источник музыки—внимание к человеку, к жизни бульваров, к играм детей, слушание—порывов ветра, пения птиц, голосов моря, гор, звезд. Они были его собеседниками. Гений—как извержение вулкана, блеск молнии, как сияние звезд, и самых мощных из них—пульсаров. Он как сверхзвезда среди звездной пыли, и у него свои законы вращения. Еще одна загадка: ни у одного из братьев не было детей. Род угас, но зато как он вылился в гении Петра Ильича!

Некоторым людям, наделенным сверхчувствительным сердцем, не по силам слушать Чайковского: слишком сильно он обнажает душу, бурю чувств поднимая в ней. Он жил так, что не волен был, писать или не писать, он раб, он каторжный, он должен слушать голоса, голоса внутри своей планеты! И счастлив лишь тогда, когда на скрипке своего сердца удавалось записать эти голоса.

И потому с точки зрения житейской логики, обычной морали был непоследователен, противоречив, то горд, то унижен и робок, то слаб.

А высшим благом считал свободу. Без нее не мыслит творчества. Именно поэтому, по-видимому, его весьма устраивали отношения с фон Мекк: ее поклонение было приятно... на расстоянии. Встречи—это уже покушение на его свободу.

Как-то Надежда Филаретовна сняла квартиру на той же улице во Флоренции, где жил Чайковский. Она видела его из окон. Он вынужден был пригласить ее к себе в гости, но—боже мой!—как боялся он, что она воспользуется приглашением и нарушит их договор не встречаться!

Да, ему необходима была свобода. Но как порой тяготился он ею! А себя называл «блуждающей звездой».

Таков характер. Такова судьба!..

Не отразил ли этот характер больше чем судьбу одного человека, даже гения? «Надеяться на будущее, не удовлетворяться настоящим»—разве не в этом источник творчества вообще, движения вперед всего человечества?..

16 октября 1893 года непогожим днем—первое и последнее исполнение Шестой симфонии под управлением автора. Она стала его реквиемом, его завещанием, исповедью. Он шел к ней долго, всю жизнь, но особенно в эти последние, осенние годы. Сначала сочинил несколько тем для одной, потом для другой симфонии, потом отложил их, и лишь какими-то частями это вошло в Шестую симфонию.

Первый день нового, 1893 года провел в Швейцарии вместе со своей первой гувернанткой Фанни Дюрбах. Круг замкнулся... Воспоминания о детстве, о Воткинске... А 24 октября, через восемь дней после первого исполнения Шестой симфонии, его не стало...

В самые тяжелые часы, дни нашей жизни звучит эта симфония. Когда вспоминают о жертвах войны. Когда уходит из жизни человек, когда мы думаем о жизни и смерти...

...Взлетают стремительно скрипки, грозно рывчат валторны, сумрачный фангот неземной нежности ведет мелодии—проплывающее видение счастья. Но вот оглушающий аккорд!.. Возникает призрак смерти, слышится зауспокойная мелодия... И—холод, спокойствие. Но какое это спокойствие!.. Ни капли смирения в этом спокойствии!.. Разве возможно смириться с тем, что человек только достиг чего-то, приблизился к заветной цели; только понял, научился чему-то—и уже конец пути!

Но—фа-ре, фа-ре... Звучат равномерные звуки. Идет дождь, на землю падают скудные лучи солнца, отяжелели багряные деревья, и мир сияет вечной красотой. Проходят годы, заставляя нас принимать неизбежное, не забыть ничего, но смириться. И знать единственное, важное: какой ты след оставишь на земле?

х, что это была за битва!

Длинногривые юнцы остервенело швыряли банки из-под пива «Туборг» в полицейских, укрывшихся за плексигласовыми щитами. Мужчины крепче вытянулись в цепь, прочно защелкнув ее локтями-замками, и всем своим видом давали понять, что будут стоять до последнего. В сторонке оцетинился транспарантом вулканический островок из людей весьма почтенного возраста, откуда доносились воинственные кличи. Над всей этой пестрой толпой развевался флаг: на белом полотнище чернел силуэт конька с заданным сверху лезвием.

Время и место события: зима 1979 года, Осло, конькобежный стадион «Бишлет». Той зимой муниципальный совет предложил (только предложил!) снежи порядком поизносившийся «Бишлет», бывший очевидцем двадцати мировых и европейских чемпионатов по конькам, и поднялась буря. В защиту катка-реликвии вступились различные политические партии, профсоюзы, пресса, начались дебаты в стортинге. Ну, а те, у кого не было трибуны для выступления, просто хлынули к старому доброму «Бишлету», чтобы соорудить на подступах к нему неприступный бастион. Норвегия не желала терять то, чем гордилась более 80 лет, то, что стало для всего мира символом верного служения его величеству коньку.

Битва за «Бишлет», к всеобщему ликованию, была выиграна, и об этом с гордостью вспоминают его защитники. И мне, стороннему в тот памятный день корреспонденту, напоминают о ней записи в блокноте да шрам на пальце от шальной банки «Туборга». Шрам пустяковый, но я весьма горжусь им, сердце мое было на стороне тех, кто защищал конькобежный бастион...

Никто доподлинно не знает, когда появились на свет коньки, кому принадлежит честь их открытия. Следы ведут в глубокие века, на разные материки. В Британском музее выставлены костяные коньки, на которых, как полагают археологи, катались почти две тысячи лет назад. Костяшки, напоминающие коньки, были найдены у деревни Садчиково близ Кустаная во время раскопок жилищ начала 1-го тысячелетия нашей эры. На берегу Южного Буга обнаружили коньки кимерийцев — кочевого племени, жившего в Северном Причерноморье 3200 лет назад!

Но чем бы не поразили нас очередные находки археологов, совершенно очевидно, что во все времена человек испытывал великую преданность, прочную привязанность к конькам. Им посвящали целые полотна — первое из них, изображающее массовое катание на льду, относится к 1380 году. О них складывали легенды наподобие той, где одна весьма «демократичная» северная принцесса по имени Людвина носилась, как заправский спринтер, наперегонки с деревенскими парнями по замерзшему озеру. Они были незаменимым транспортным средством в пору, когда еще не появились дилижансы, голландцы в зимние дни путешествовали по стране на коньках по своим знаменитым каналам. Они становились орудием государственной политики: Петр Первый (он, кстати, первым приклепал коньки к ботинкам), прежде чем определить бояр на службу, заставлял их показать свою ловкость в управлении «коньками-горбунками». О них слагал нежные строки Пушкин, со знанием дела их описывал Толстой...

В чем же магическая сила этих ненадежных с виду, хрупких коньков?

В 1663 году в Москве побывал английский дипломат Карлейн. В своем дневнике он записал о москвичах: «Зимой они имеют (как голландцы) коньки, которые употребляют, когда воды покрыты льдом, но не для путешествия, а только для упражнения и согревания на льду». Так дипломат изложил главное целебное свойство коньков — их пользу для закалки, для здоровья, для активного отдыха.

Кто из нас с сердцем, расширенным от восторга, не спешил на изрезанный, бугристый школьный или жэковский каток, чтобы глотнуть морозный воздух, чтобы насладиться скоростью? Мы набивали себе шишки, замораживали пальцы ног, но на следующий день — о, чудо! — снова рвали на лед, забыв вчерашние невзгоды. В свой первый выход на каток олимпийская чемпионка Наталья Петрусева похитила «снегурочки» старшей сестры и, спустившись по лестнице со второго этажа, целый километр шагала до стадиона. Она падала едва ли не на каждом шагу, и на стадионе у нее подкашивались ноги. Но когда у знаменитой конькобежки как-то спросили о самом счастливым ее старте в жизни, она вспомнила тот свой первый выход на лед: «Я чувствовала восторг, будто парила над землей».

Коньки продолжают пленять сердца. В Норвегии под патронатом короля проводятся массовые пробеги, в которых участвуют десятки тысяч людей, как говорится, от мала до велика. Голландцы каждую зиму организуют нечто вроде конькобежного сеанса одновременной игры: в определенный день все желающие могут сразиться на льготных условиях с национальными «звездами». Десятый год под эгидой газеты

Владимир Кучмий

ГОРЯЧ

ПРОЗНАНИЕ ВОЛКОВА
И ПОБЕДА ЛЮБОВИ
ИЛИ СТИГАННЕ ВОЛД

ЖИЗНЕННЫЙ РЕКОРД
ПРОШЕЛ НАЗЫВАТЬ КАТОК МЕДЕО
«КУЗНИЦА ЭДАКОВИЧ»
БЫВАЕТ ОН ЕЩЕ ЧАЩЕ
В ЛИНЕ ЧАСОВОГО КАЧЕНИЯ

«Советский спорт» проводится у нас в стране конкурс для самых маленьких скороходов — «Лед надежды нашей». Число участников конкурса ведет счет на миллионы, число городов — на сотни. А за частоклом цифр вижу крохотный поселок Первомайский в Читинской области, завьюженный каток и вижу, как на этот каток в 40-градусный мороз выходят во главе с директором ученики местной школы (не вышли лишь двое — заболели). Большую популярность приобрели организуемые комсомолом и старты для старшеклассников «Серебряные коньки».

Первый рекордсмен мира, швед Оскар Грунден, в 1891 году пробежал (сейчас бы сказали — прошел) 500 метров за 50,8 секунды. Ныне за этот результат не дадут даже юношеский разряд, а тогда его называли фантастическим, ему прочили долгую жизнь. Так будет всегда: каждое рекордное время будет называть «фантастикой», о каждом говорить — «на века». Но чем дальше шло время, тем упорнее искали ключи к новым скоростям скороходов. Оскар Грунден и его партнерам современные рекорды вряд ли могли присниться даже в сладком сне. Весной 1983 года Павел Петров покорила на катке

Медео ту же «королевскую» дистанцию 500 метров, где время особенно несговорчиво, за 36,57 секунды, при этом последний отрезок он прошел со скоростью около 60 километров в час. Фантастика? Несомненно! На века? Сам рекордсмен мира считает, что пора братья и за 35-секундный рубеж...

Да, все на льду подчинено скорости, все работает на нее, в том числе и технический прогресс. Стремительно меняется облик коньков. В сравнении с громоздкими «железками» рекордсменов начала века сегодняшние изящные «викинг специаль спринт», изготовленные из лучшей голландской кожи и стали, выглядят эдакой бальной обувью. Разительно изменилась мода на конькобежную одежду: нынешние скороходы выходят на арену, словно марсиане, в обтекаемых эластичных комбинезонах, которые, как подсчитали, помогают скрадывать у времени до полсекунды в одном забеге. Стал быстрее и лед под коньками. По специальным рецептам его варят из очищенной воды мощные холодильные установки, и результаты на таком льду растут, как на дрожжах. В мире сегодня построено около 100 искусственных катков, а самым быстрым из них считается высокогор-

Фото Евгения ВОЛКОВА

ИИ ЛЕД

Спорт
в нашей
жизни

ванный в ключья комбинезон, исцарапанные руки и ноги. Так и доехал до финиша, а уж там упал на руки врачей. Говорят, на нем не было живого места, его хотели отправить в больницу, а он только цедил сквозь зубы: «Рекорд все равно побью!»

Падая и вставая, ты растешь... Той весной 1975 года, едва залечив травмы, Куликов еще трижды выходил на лед Медео и трижды бил мировой рекорд. ...Турнир Спартакиады народов РСФСР 1958 года в Кирове затянулся допоздна. На дистанции 5000 метров на завьюженном, морозном льду стадиона «Динамо» первыми бежали лидеры. Чемпион мира Олег Гончаренко показал 8 минут 26,2 секунды — результат для такой погоды гроссмейстерский. Стало ясно: Гончаренко не догнать. Было уже за полночь, когда лидер и его партнеры по сборной СССР ушли спать в гостиницу. А на катке судьи, откровенно зевая от скуки и усталости, продолжали формальности ради вести забеги аутсайдеров. К трем часам мороз стал невыносимым. На «Динамо» к тому времени осталось трое: двое судей и последний участник — долговязый нескладный новичок. Он впервые попал на такой солидный турнир и теперь дрожал то ли от холода, то ли от страха.

Через двенадцать кругов новичок вернулся на финиш и в изнеможении рухнул в сугроб. Его лицо было сплошной белой маской: волосы, брови, губы покрылись густым инеем. Белым от изумления было и лицо судьи. Он смотрел на секундомер и не верил своим глазам — тот показывал 8 минут 26 секунд ровно. Гончаренко, который давно уже видел сны, был побежден. И кем — дебютантом, мальчишкой, беспомощно лежавшим в снегу. Этим мальчишкой был Виктор Косичкин, будущий чемпион мира.

Падая и вставая, ты растешь... Да, только познав эту истину, можно стать чемпионом. «Становление это, как правило, происходит не на аренах, не на публике, а в тебе самом, — говорила замечательная советская конькобежка трехкратная чемпионка мира Мария Исакова. — Надо любить не себя в спорте, а спорт в себе, быть преданным ему всегда — и в дни неудач и в дни славы».

...Четыре года конькобежный мир был в шоке. За эти четыре года американец Эрик Хайден, казалось, совершил чудо. В сезоне-77 17-летний дебютант стал самым молодым чемпионом мира. А в 1980 году, когда он покинул лед, у него уже была уникальная коллекция титулов и наград. Хайден выиграл все пять золотых медалей на олимпийском турнире в Лейк-Плэсиде (рекорд этот превзойти нельзя, его можно только повторить), завоевал девять лавровых венков чемпиона мира, более тридцати раз улучшал мировые рекорды. Ничего подобного 90-летняя история коньков не видывала!

Его называли «суперменом». Всюду за ним тянулся огромный хвост поклонников и поклонниц. Его портрет вытеснял с первых страниц газет важные политические новости, а журналы для домохозяек посвящали свои номера описанию светских манер и интимной жизни чемпиона. Попав под гипноз поразительных побед американца, норвежские физиологи из высшей школы спорта буквально разобрали его по косточкам, подвергнув в Осло специальным тестам — а вдруг и впрямь сверхчеловек? Но ключ к разгадке «тайны Хайдена», симпатичного и честного парня, совсем в другом.

11 февраля 1979 года в Осло Хайден выиграл очередной чемпионат мира и установил при этом четыре высших мировых достижения. Я передал репортаж в редакцию и отправился в «Гранд отель», чтобы поговорить с чемпионом. — мы познакомились три года назад. У входа в отель была огромная давка и стоял невообразимый шум. Толпа коллег-репортеров осаждала двери, требуя чемпиона, и наотрез отказывалась верить, что того нет в номере. Перепуганный портье вызвал наряд полиции.

Ничего не оставалось, как пойти в свою гостиницу. Путь туда лежал через парк «Фрогнер», где был крохотный каток. На парк уже спустились сумерки, когда в тусклом свете фонарей я увидел на льду одинокую фигурку. Согнувшись пополам, она скользила по кругу, и в тишине парка поскрипывал лед. Я подошел ближе и едва не вскрикнул от удивления.

— Хэлло! — крикнул Хайден. — Извини, но в твоём распоряжении смогу быть только через час. В это время у меня по плану тренировка. — И снова ушел на лед.

В тот вечер я пожалел норвежских физиологов... Валерий Муратов, знаменитый в прошлом спринтер, как-то сказал: «Вот вы, журналисты, пишете: холодный лед. Да разве он холодный! Он горячий, как раскаленная сковорода. Сколько на него выплеснуто страсти, злости, ярости!»

И я вдруг вспомнил, как однажды на Медео Муратов установил мировой рекорд. После забега он был выжат, как лимон, и на финише рухнул на колени. Так и скользил на коленях вперед, а перед ним на табло горели рекордные цифры, и тогда спринтер поцеловал такой счастливый для него лед.

Пока лед будет горяч от страстей, времени не устоять.

ЭТО ОН
СВОЙ ЦЕЛЫЙ
МИРОВОЙ РЕКОРД!

ный Медео (1691 метр над уровнем моря) под Алматы — на его идеальном льду (о нем говорят — сам едет) побито более ста мировых рекордов.

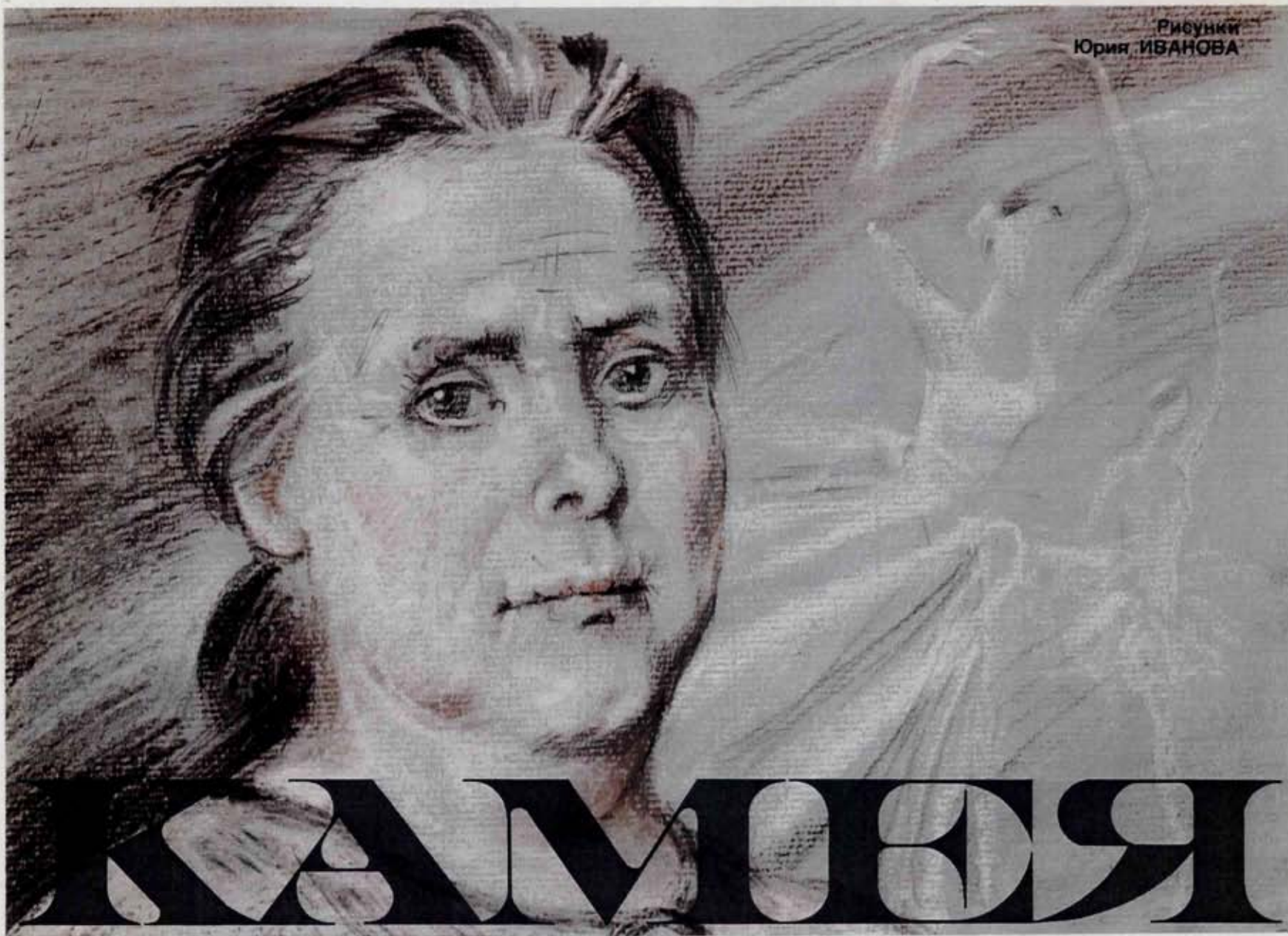
И все же главное, что объединяет старых и новых чемпионов, что позволяет низвергать рекорды, в другом — в мужестве и негибкости человеческого духа, в неукротимом стремлении обогнать время. «Я всегда выходил на лед с одной только мыслью — бороться! — говорил трехкратный олимпийский чемпион Евгений Гришин. — Выстрел стартового пистолета звучал для меня сигналом к атаке, к яростному поединку. В этот миг я забывал обо всем на свете».

На конькобежных афишах не пишут о том, что матч состоится при любой погоде, ибо это само собой разумеется, и скороходы, натянув на ноги коньки, ровно в назначенный срок выходят на старт и там, поставив ноги елочкой, замирают в ожидании выстрела. У них нет крыши над головой, и на финише у них не остается сил для поклона публике. На финише они сгибаются пополам под тяжестью секунд и первым делом спешат прикрыть рот руками, чтобы не обморозить горло. Падая и вставая, ты растешь — первая заповедь истинного скорохода.

...Евгений Куликов в очередной раз атаковал мировой рекорд на «пятисотке». За свою долгую и прекрасную жизнь в спорте олимпийский чемпион совершил более двадцати рекордных забегов. Страстный спринтер, он сражался на льду отчаянно и отчаянно рисковал. Зная об этом, публика всегда спешила посмотреть забег Куликова, как спешат в театр на любимого актера. В марте 1975 года он штурмовал очередной рекордный рубеж.

Спринтер в черном комбинезоне не бежал, а, казалось, парил надо льдом. Его движения были резкими, размашистыми, под коньками крошился голубой лед Медео. Скорость была бешеная, и на этой скорости он влетел в последний поворот. Уже и без секундомера было видно, что спринтер идет на очень высокий результат. Но крутой вираж тянул его, словно арканом, к бровке. Стадион вздохнул встревоженно, а тренеры в один голос крикнули: «Тормози!» Но тормозить было не в его привычках...

Поднимая фонтан брызг, спринтер разбросал в стороны поролоновые маты ограждения, перелетел через асфальтовое полотно и врезался в бетонный парапет. Шатаясь, он вновь ступил на лед — разор-

Элла ФОНЯКОВА

РАССКАЗ

Сколько я себя помню, эта женщина, которую все у нас — и стар и млад — называют Мусей, соседствует с нашей жизнью. По именинным и праздничным дням она неизменно появляется раньше всех гостей с каким-нибудь скромным подарком — черничным пирогом собственной стряпни, вышитым фартучком, букетом лиловых осенних астр. Очень полная, приземистая, с болезненно отеками руками и лодыжками, но с неувядаемым румянцем во всю щеку, она, справившись с одышкой, усаживается где-нибудь в углу и будто исчезает, растворяется в окружающей обстановке. Говорит Муся очень мало, в основном односложно отвечает на расспросы, а во все остальное время либо добродушно-зорко поглядывает на всех своими небольшими глазами из-под треугольно нависших век, либо легко, радостно смеется, широко открыв рот, густо заполненный упрятанными в разномастные коронки зубами.

Одежда Муся всегда одинакова. Темная юбка и какая-нибудь светлая кофта, скрепленная у ворота овальной брошью-камеей. И всякий раз кто-нибудь из наших обязательно скажет, приглядываясь к нежно розовеющему камню, на котором четко проступает профиль древней гречанки или римлянки:

— Какое все-таки чудо эта камея!

А кто-нибудь из гостей усомнится:

— Неужели настоящая?

— Настоящая, — ответит Муся и тихо вздохнет, не вдаваясь в дальнейшие объяснения. Она уходит из нашего дома последней, оставаясь помочь убрать со стола и помыть посуду. Переваливаясь с ноги на ногу, отдуваясь, Муся тем не менее как-то удивительно проворно снует по коридору и обратно, а вытертая ею посуда сияет и блестит какой-то особенной белизной. Когда все уже в полном порядке и женщины, по традиции, собираются в кухне, чтобы не спеша выпить по чашке чаю и обсудить прошумевшее застолье, выясняется, что Муся испарилась, ни с кем не простившись и никак не обозначив свой уход.

— Уж не обиделась ли? Может, мы чего не так сказали? Или не то сделали? — раздаются тревожные вопросы.

Но Муся никогда ни на что не обижается и в следующий раз появляется столь же благодушная, со столь же лучезарной улыбкой и еще более вкусным пирогом.

Идут годы, десятилетия, а она почти не меняется. Все то же сизое облачко волос на голове, терракотовый румянец, все та же юбка и все та же камея с силуэтом древней красавицы.

Моя тетка дружна с Мусей с незапамятных времен. Однажды я спросила ее:

— Скажи, а какой была Муся в молодости?

Тетка долго размышляла, приподняв светлые брови, и, наконец, словно удивляясь собственному ответу, сообщила:

— Какая? Да точно такая же, как сейчас!

От той же тетки много лет назад, в детстве, я услышала поразившую меня тогда фразу:

— Чего-чего, а воспитания у Муси не отнимешь! Она у нас прямо-таки баронесса!

Какая баронесса? Почему баронесса? Само это слово настолько не вязалось с простоватым Мусиным обликом, что я приняла теткин слова за шутку. Да и не очень-то я тогда понимала, что такое баронесса и каков смысл слов «не отнять воспитания». Но фантазия работала, и я силилась представить Мусю героиней сказки, в которой действуют дамы в шляпах со страусовыми перьями, опасные разбойники в кожаных жилетах и черных масках и отважные рыцари, которые в последнюю минуту, прискакав на взмыленных лошадях, мешают злодеям отнять у красавицы принадлежащее ей по наследственному праву воспитание. Но плотная фигура пышущей румянцем Муси не хотела облекаться в аристократические одежды, и сказка в моей голове с двумя торчащими в разные стороны косичками не складывалась.

А жизнь Муси, неспешно протекая рядом с нашей, тем временем шла своей чередой. Еще в тридцатые годы, до войны, после каких-то курсов Муся стала работать на радиозаводе, сделалась браковщицей, потом технологом. Вместе с заводом мыкалась в эвакуации на Урале, вместе с ним вернулась, и вот теперь, отслужив на одном месте больше сорока лет, с почетом вышла на пенсию. Очень недолго, тоже до войны, она была замужем, но быстро овдовела, оставшись вдвоем с дочерью Лидкой, моей ровесницей. Лидка, как и я, выросла, вырос и внук Аркашка — сверстник моего сына, и Муся живет одна, по-прежнему часто навещая нас в своей светлой блузке с камеей у ворота.

Я не помню, чтобы Муся говорила о себе. Она не жалуется на астму, не сетует на распухшие руки, не распространяется на темы ремонта в квартире и своих отношений с соседями, мы никогда не знаем, в хорошем или дурном она расположении духа. Похоже, Муся существует, не придавая своей собственной особе никакого значения. Зато она не устает слушать чужие исповеди, рассказы о любых пустяках, молодую похвальбу и немолодые жалобы. Все поколения нашей семьи поверяли и поверяют ей свои заботы, беды и радости. И Муся, то молча и зорко посматривая, то по обыкновению легко и радостно смеясь — без тени, впрочем, насмешки, — принимает в себя все наши чувства и переживания. И, как аккумулятор, напитавшись их эмоциональной энергией, отдает нам потом эту энергию своим умиротворяющим, теплым присутствием. Иногда нам кажется, что Муся будет жить вечно, а вместе с ней и все мы...

Раз в году, в начале зимы, мы отправляемся к ней на день рождения. Долго едем на трамвае, потом, свернув в сумрачный переулок, углубляемся в многорядные дворы огромного старого дома. Здесь, на четвертом этаже одного из флигелей, Муся испокон веков владеет квадратной комнатой с большим створчатым окном. Опять же, сколько я себя помню, эта комната всегда выглядела примерно одинаково. Красные, с ковровым рисунком обои, потолок в сети причудливых трещин, стершийся паркет. Убранство составляют твердая, как камень, кушетка, задрапированная цветастым ситцем, темного дерева старый буфет, круглый стол и узкая кровать под голубым пикейным покрывальцем. По стенам — фотографии в деревянных рамках: покойный муж, дочь Лидка в коричневой школьной форме, внук

Аркаша, моя тетка в глубоко надвинутой на глаза шляпке-кастрюльке— такие носили в двадцатые годы. На створчатом окне желтоватый тюль, под потолочной лепниной — лампочка в дешевом стеклянном колпаке. Эпоха технической революции внесла в Мусин быт маленький холодильник «Морозко», который красуется на табуретке у дверей, и телевизор «Рубин», подаренный ей заводом при выходе на пенсию.

В особом месте сосредоточены духовные ценности. На верхней полке старинной, из гнутого бамбука этажерки — выложенная алым шелком коробка. Там, достойно поблескивая, покоятся две медали — «За доблестный труд» и «За победу над Германией». Тут же плюшевый альбомчик с поздравительными открытками. На второй полке — плетеное лукошко, где среди мотков шерсти и катушек с нитками ярким пятном выделяются несколько крашенных пасхальных яиц. С каких пор они лежат? Не берусь сказать — во всяком случае, я не видела этого лукошка без этих яиц, а в Мусином доме бываю с детства. И, наконец, на третьей полке несколько книг, среди которых заметен прекрасный изданный двухтомник Тютчева. Надо всем — репродукция «Незнакомки» Крамского, которая независимо и томно поглядывает на современный мир из своей лакированной пролетки.

К нашему приходу у Муси все бывает готово. На столе разложены винегреты, селедка под шубой, исходит паром желтый диск капустного пирога. Перед каждой тарелкой суженная кверху стопка из толстого зеленого стекла, настолько неудобная для питья, что уже не раз Мусе дарились другие рюмки и бокалы. Но она упорно верна своим зеленым стекляшкам. Что-то, видно, у нее в жизни с ними связано, но что — никто не знает.

Мы удобно располагаемся за столом. Неторопливо едим, пьем, разговариваем. Именно в тот момент, когда мы подносим к губам наполненные кагором треклятые стопки, за дверью раздаётся отчаянный вопль:

— Муся!!! Скорее!!!

Этот соседка по квартире, в комнате которой есть телефон: из какой-то очередной тмутаракани звонит Лидка — поздравить мать. Муся, чуть не опрокинув свою тарелку, выпростывается из-за стола и резво, как молодая, уносится в темноту коридора. А мы сейчас же начинаем толковать о том, что Лидка все-таки, хотя и молодец, могла бы уже вести более оседлый образ жизни, быть поближе к матери, а не кочевать одиннадцать месяцев в году по геологоразведочным партиям. Лидка, впрочем, отнюдь не геолог — образования в свое время она не пожелала получить, а сразу же после школы нанялась куда-то в экспедицию поварихой. Потом перешла в другую — разнорабочей, затем в третью — коллатором. Так и кочует по сей день. Своей жизнью Лидка очень довольна, хорошо зарабатывает, не забывает о Мусе, но львиная доля ее полевых доходов перепадает Аркашке. Он и сам паренек небезденежный, работает на БАМе, но ему вечно мало своего: то на мотоцикл собирает, теперь вот — на «Жигули», да еще в проекте женитьба и кооперативная квартира. Мужа у Лидки нет и не было, Аркашка появился на свет как бы сам по себе, на каком-то дальнем экспедиционном перегоне. Это событие ничуть не испугало Лидку, и она, такая же маленькая толстушка, как мать, отважно принялась растить и кое-как, в перерывах между поездками, воспитывать свое чадо. Впрочем, Муся вскоре забрала внука. Она его и выпестовала и выучила — Аркашка кончал монтажный техникум. Многие годы она появлялась у нас, держа за руку то белобрысого мальчугана в матросском костюмчике и чулках в резинку, то первоклассника в мышастой форме, то подталкивая впереди себя крепенького, как репка, подростка, который сейчас же доставал из кармана карты и предлагал нашим детям сыграть в «кинг». Потом Аркашка перестал к нам ходить: учился, служил в армии, а теперь вот, унаследовав вольный материнский нрав, подался на БАМ, где чувствует себя как рыба в воде.

Поговорив с дочерью, Муся возвращается сияющая. У Лидки, как всегда, все прекрасно, и где-то в пути находится большая посылка с вяленым омулем, сушеными грибами и кедровыми шишками — подарок к Мусину дню рождения. Мы все нагло ликуем: знаем, что и грибочки нам перепадут, и омулей мы отведаем, и орехов пощелкаем — Муся не умеет дарами наслаждаться одна.

...Из стеклянного колпака на потолке ярко бьет на середину стола желтый свет. Румянец Муси кажется еще более густым, еще сильнее блестят коронки на зубах — воодушевленная общим вниманием и многолюдьем, она то и дело хохочет, как всегда, легко и радостно. По-особому горяч и ароматен чай, в который добавлена мята, необыкновенно вкусны булочки с тмином, и уж совсем хороша добрая, спешная беседа. Мы все давно уже зрелые люди, за плечами немало усталого, нервного, многое уже разделяет нас, хотя мы по-прежнему живем под одной крышей. И только здесь, у Муси, вдруг опять непреложным и естественным становится наше кровное единство. Мы вновь большая, дружная, веселая и бодрая семья. Уходим мы за полночь, перецеловав Мусю в огненные щеки, все в отличном настроении, и утром обнаруживаем в своих сумочках и портфелях завернутые в листы «Огонька» куски холодного капустного пирога...

Только один раз в жизни я видела, как Муся плачет.

Это было у нас, когда все уже разбрелось по разным углам и большая комната, где стоит телевизор, опустела. Шла какая-то балетная программа. Юные танцовщицы плавно сплетали и расплетали красивые руки, вертелись веретеном, взвизгивались в прыжках, победно и нежно улыбаясь партнерам в белых трико. Одна из пар солировала, изображая любовную сцену, полную сдержанной страсти. Именно в этот момент я вернулась в комнату, чтобы забрать со стола остатки неубранной посуды. Муся, сидевшая в своем обычном углу, даже не шелохнулась. Она меня не видела и не слышала: не отрываясь глядела в экран, и по терракотовым ее щекам текли несильные слезы. Я тихо вышла. О чем она плакала? О любви, которой не ведала: муж ее, часовой мастер, человек грубый и тяжело пьющий, по нашим понятиям только отравлял ей жизнь. А может, мы были неправы в своих догадках, и она знала с ним счастливые минуты, о которых никто и не подозревал? Или она плакала о любви, однажды коснувшейся ее тайно, больно и глубоко, настолько тайно и больно, что она и себе в ней не признавалась, а уж тем более нам? Или красота ее ранила? Или музыка?

Когда мы осторожно заглянули в комнату полчаса спустя, Муся была уже прежней, улыбающейся и благодушной, готовой во всякую минуту помочь, выслушать, посмеяться.

Не знаю, были ли и в самом деле далекие предки нашей Муси какими-нибудь аристократами, баронами там или князьями — с той самой теткой поразившей мое детское воображение фразы к этой теме у нас не возвращались. Тем более что Муся отца не помнила, он умер молодым, а мать у нее некогда была гувернанткой, потом учительницей. Да и какое все это в наши дни имеет значение?

Но, прожизни на свете уже немало лет, я, кажется, начинаю постигать смысл слов — «воспитания у нее не отнимешь». Наверное, это знак качества. Знак качества души. И если уж он человеку присвоен — близкими ли, временем, — ни трудности, ни радости не лишат его небогатого мужества, доброй терпимости, не научат его эгоизму.

И еще я знаю: цена такому воспитанию, которого не отнять, растет с каждым днем. Как цена на редкие, антикварные вещи, подобные бело-розовой камее, по сей день скрепляющей ворот Мусиной светлой блузки.

ЗЕМЛЯ МОЯ- СУДЬБА МОЯ

Лев ГОРШКОВ,
инженер,
Ленинград

Проселки России

*Проселкам ни конца и ни начала...
Кружат, бегут куда-то вдаль,
Храня в себе, на памяти, немало —
Цветущий май, и злой февраль,*

*И кровь, и пот, и вечный запах хлеба,
Глядят на рдеющий восход:
Что нынче им подарит наше небо,
Что им рассветный час несет?..*

*Проселками пронизана Россия.
Сродни мозолистым рукам,
Они от века всякое носили,
Стекаясь к венам-большакам...*

**Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА**

Эрнст СТЕФАНОВИЧ,
преподаватель ПТУ,
Вильнюс

Фляга

*Окопы-шрамы
Вдоль оврага.
Насквозь простреленная
Фляга.*

*Я зачерпнул бы
Из криницы —
Из ран ее
Война струится.
Гляжу в нее
Прицельно глазом
И вижу явь
И призрак разом:
Зрочки
Из дали опаленной
Следят —
Их сорок миллионов.
Пью студеную
Память-влагу.
Храню
Расстрелянную флягу.*

Николай СУВОРОВ,
инженер, Коломна
Московской области

Соловецкие валуны

*Моря Белого берег полог.
На песке, где трава, где мох,
Как быки, блестят со спины
Соловецкие валуны.*

*Море Белое жжет огнем.
Но купаюсь-барахтаюсь в нем...
Вот я снова,
Жив и здоров,
Меж недвижных брожу валунов.*

*Как узнать и услышать нам:
Что доверено валунам?
Молчаливы и солонь
Морем мытые валуны.*

*Свет ли греет, студит ли тьма,
Эти камни — вечность сама.
Тень моя в иных временах
Отражается на валунах.*

Владимир КОСТЕНКО,
учитель музыки,
Сальск

Пацаны

*Трудились от рассвета до заката.
Лопатами большими на току
ворочали зерно,
подалше спрятав
в сердца ребячья
по отцам тоску.
Нам говорил
хромой завтоком Бурцев,
досрочно воротившийся
с войны:*

*«Прогоним немца,
и отцы вернуться.
Вы только потерпите, пацаны!»
И мы терпели...
Продолжали страстно
пахать и сеять,
вновь зерно грести,
но только слов желанных
«Папа, здравствуй!»
нам так и не пришлось
произнести...*

Вениамин ЗИКУНОВ,
экскурсовод,
п. Шушенское
Красноярского края

Солдату

*Он помнит —
Плавился металл.
Он помнит смерть и скрежет стали...
Как мал гранитный пьедестал
Герою яростных баталлий!
Какой же нужен монолит,
Чтоб мог дела солдат итожить?
В него бы —
весь земной гранит,
И все цветы земли к подножью!*

Имя западногерманского писателя и публициста Гюнтера Вальфа широко известно. Его мужественные репортажи, доказательно и остро разоблачающие антигуманные структуры мира капитала, бесчеловечную эксплуатацию, несправедливость, власть «монополии мнений» газетного короля Шпрингера, снискали ему уважение и признательность миллионов. Демократические и антифашистские силы высоко оценили его поистине героическую демонстрацию протеста во времена антинародного режима «черных полковников» в Греции, другие смелые акции, нередко ставившие под угрозу жизнь автора.

Предлагаем вниманию читателей страницы репортажа Вальфа из «горячей точки» планеты — Никарагуа. Это — свидетельство человека, бескорыстие и честность которого не осмеливаются отрицать даже его враги. Свидетельство очевидца об успехах и проблемах народа, взявшего в собственные руки свою судьбу. Обвинение тем, кто мешал людям Никарагуа идти по избранному пути. И это — как всегда у Вальфа — призыв к действенной солидарности.

Гюнтер ВАЛЬФА

Фото Георгия НАДЕЖДИНА

Вы, должно быть, журналисты...» — сразу заключила, увидев нас, сотрудница таможи в аэропорту Майами. Что, разве никто другой не хочет лететь в эту «небезопасную страну»?

Когда в Никарагуа мы покидали битком набитый самолет, который после короткой остановки должен был лететь дальше, в Коста-Рику, назойливо любопытными стали взгляды наших попутчиков.

Мы — это группа западногерманских журналистов, приглашенных правительством Никарагуа посетить страну. Сбегая вниз по трапу, сразу замечаем Эрнесто Карденала, министра культуры — в черном берете и свободной белой рубашке, прямо на дорожке для выруливания самолетов.

Рядом с Карденалем — Карлос Ринкон, литературовед и профессор университета в Манагуа, со времен революции правая рука Карденала. Он станет нашим сопровождающим, переводчиком и другом...

...На первый взгляд она выглядит скромной, даже робкой в форме с красно-черными петлицами Санднистского фронта. Смуглая темноволосая женщина, с которой мы встретились за завтраком воскресным утром. — 27-летняя Дора Мария Теллец, руководитель всех региональных команданте. Мы интересуемся ее жизнью, и она рассказывает о своем детстве в богатой буржуазной семье, где были глубоко верующие родители — католичка-мать и либерал-отец, в юности вставший на сторону рода Сомосы и раскаивавшийся позднее всю жизнь. В семь лет Дора переступила порог школы при монастыре, а в семнадцать была уже в рядах сопротивления. Учеба на медицинском факультете была прервана через три года, так как миссия милосердия в ее «чистом виде»

не соответствовала этическим представлениям девушки. В двадцать лет Дора ушла в подполье. «Тогда я взяла единственную книгу с собой — Библию...»

Монахини из ее школы спрашивали потом с ужасом, а посещает ли она отца и мать. Когда Дора Мария сказала, что поддерживает контакты с родителями, они успокоились. «Только коммунистка, — считали они, — может отречься от родителей, но она совсем не такая».

Школьные подруги предоставили ей укрытие в монастыре...

То, чего нам не рассказала она, в Никарагуа знает каждый школьник: у Доры Марии был кодовый номер «два» в группе из 28 смельчаков, которая 22 августа 1978 года, перехитрив посты гвардейцев Сомосы, ворвалась в Национальный дворец. Головная группа прорвалась к залу заседаний, разоружила охрану, сдавшуюся патриотам, и захватила всех депутатов в качестве заложников. Диктатору был выдвинут ультиматум: огласить по радио политический манифест, освободить политических заключенных, выплатить группе 10 миллионов долларов и гарантировать ей беспрепятственный выезд вместе с освобожденными заключенными в Панаму.

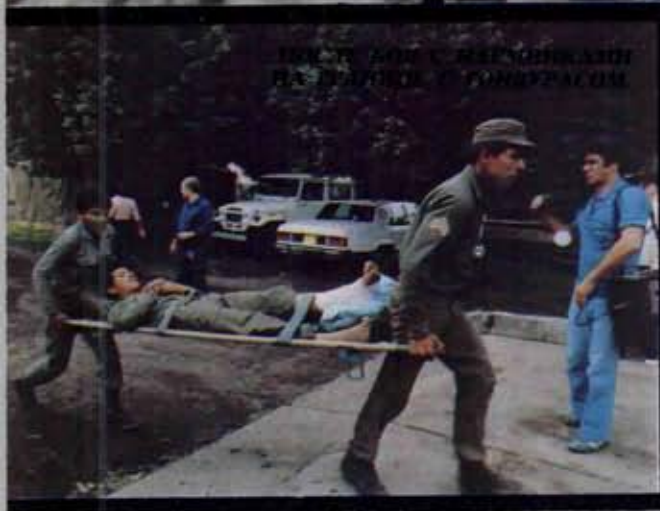
Сомоса тянул время два дня. Все переговоры с его посланцами вела участница группы с кодовым номером «два». Вскоре диктатор сдался по всем основным пунктам. Заявление было зачитано, и когда вечером 23 августа автобус с освобожденными из тюрем

ДОКЕР.

БОЙЦЫ НА ОТДЫХЕ.

ПЕЧАТНИКОВ С НАЦИОНАЛИСТОВ НА ВОЙНЕ В ГОНИМАХ

патриотами и группой захвата направился в аэропорт, тысячи людей с надеждой приветствовали их на улицах Манагуа.

..Сегодня собралось, может быть, не так много народа, как тогда. На празднике Комитетов защиты сандинистской революции — базисной организации фронта — вокруг трибуны тысячи три людей. Едва из репродукторов разнеслось, что будет выступать Дора Мария, наступило всеобщее ликование. Все скандировали: «Но пасаран!» — призыв фронта на борьбу с контрреволюцией и империализмом. Он звучал в наших ушах еще и тогда, когда мы вынуждены были покинуть свои места, чтобы взглянуть на тех, кто представляет сегодня силы оппозиции.

На одном из баскетбольных стадионов церковь Никарагуа проводила торжества, посвященные 25-летию вступления на пост архиепископа Мигуеля Обандо-и-Браво. Этот священнослужитель стал персонализированным символом буржуазного сопротивления правлению сандинистов. Такую свою роль он начал играть сразу в «час нуль» — после бегства Сомосы. Навязать сандинистскому правительству переходного президента, затормозить революционный процесс — этот путь избрал Обандо. От него исходят всякого рода обвинения о притеснении католической церкви и ограничении свобод, о чем затем настойчиво вещает президент США Рейган.

Впрочем, сама месса на стадионе была одним из свидетельств несостоятельности подобных утверждений. Оппозиционная газета «Пренса» целую неделю зазывала посетить этот праздник, чтобы само число участников произвело впечатление на сандинистов. Это должно было стать «контрсобранием» в

связи с четырехлетием революции, которое вместе с Сандинистским фронтом праздновали в столице провинции Леон 100 тысяч человек.

Около 8 тысяч собралось на стадионе Обандо («Пренса» не преминула сообщить на следующий день о 50 тысячах). Уже даже внешне эти люди отличались от товарищей Доры Марии на празднике Комитетов защиты революции. Здесь была представлена средняя буржуазия, которая одинаково громко аплодировала как архиепископу, так и прибывшему на стадион послу США. Один из ликующих демонстрантов прокричал: «Все голоса — консервативным партиям!»

В последующие дни мы увидели и услышали еще больше об оппозиционерах — о таксистах Манагуа, потерявших клиентов, — тяготившихся долларами туристов из США; о многочисленных маклерах, которые благодаря реорганизации экономики потеряли работу; о врачах, которые до революции за операцию аппендицита, сделанную крестьянскому ребенку, получали от его отца 4000 кордобас (тогда — 400 долларов), а если он не мог заплатить, брали в качестве оплаты корову да пару свиней, то, что составляло основу жизни крестьянина. К оппозиционерам относят себя и владельцы доходных домов в Пуэрто-Кабесас, который жаловался нам, что сандинисты запретили ему выбросить на улицу неплатежеспособных постояльцев. Он управляет шестью домами, принадлежащими дяде, спокойно живущему на получаемые проценты в Майами.

Вечером в маленьком городке Никуипогамо мы спрашиваем Карлоса Ринкона, сколько бы из 6000 жителей отдали свои голоса на выборах Сандинистскому фронту. Карлос ответил: 70 процентов. Тот же вопрос мы поставили позднее нашим западногерманским друзьям, которые уже продолжительное время находятся в стране. Их оценка: 80 процентов. Райнер, работающий на севере техником (по командировке Немецкой службы развития), рассказал, что контрреволюция в своих радиопередачах обещает после победы снова вернуть в страну землевладельцев, но в то же время оставить без изменения новые права на владение землей крестьян-кампесинос. «Но кампесинос не верят подобной чепухе, — продолжает Райнер, — они знают, что получили от революции».

Земельная реформа дала право 70 тысячам крестьян владеть землей. В почти 4000 кооперативах на собственной земле живут и работают более 60 тысяч семей. Процент неграмотных снизился на 12 процентов (ранее он равнялся 62 процентам).

Пожилый солдат милиции, дежурящий на посту в нашем районе, очень гордится тем, что учится читать и писать. Еще больше он рад тому, что его сын сможет пойти в школу. По оценкам наших западногерманских друзей, в Никарагуа миллион людей сидят за партой, а это одна треть населения. «Здесь даже непросто с кем-то поговорить, — говорит нам Дитер Айх, — у всех по вечерам какие-нибудь курсы».

..Понедельник, первая половина дня. На часах чуть больше девяти. Мы сидим с капитаном Фредерико Керда и двумя юными офицерами связи в кабинете министерства обороны. Капитан водит указкой по карте, показывая укрепленные пункты вооруженных контрреволюционеров — от границ Гондураса на севере и до Коста-Рики на юге, отмечает районы действий врагов революции.

В северных провинциях оперируют бывшие сомосовские гвардейцы, совершая рейды из своих лагерей в глубь страны. Они вторгаются до центральной провинции Матагалла, нападают на одинокие крестьянские поселки и военные соединения сандинистов. Группы в горных укрытиях и лагерях в лесных чащах снабжаются по воздуху из Гондураса под руковод-

НИКАРАГУА: ВИНТОВКА И ПЛУТ

ством американских военных советников. С начала года контрреволюционеры убили 500 безоружных людей в Никарагуа; потери сандинистской армии были незначительными.

Нападения на гражданское население и быстрое отступление в районы Гондураса имеют цель спровоцировать акции преследования. США не раз заявляли, что на нарушение границы сандинистами будут реагировать немедленной интервенцией. Они только того и ждут. Гондурасская армия всегда отвечает артиллерийским огнем через линию границы.

«Поэтому,— говорит капитан Керда,— мы должны подвдывать собственную гордость».

Один сандинист на земле Гондураса приведет в действие осуществление американского плана «Биг-лифт»...

Начиная с середины лета контрреволюционеры усилили свои налеты. Они пытаются теперь захватывать целые районы или защищаемые военными города на севере. Сандинисты знают об этом из документов, захваченных у контрреволюционеров. Две недели назад был взят в плен руководитель банды Бенито Браво. У него был изъят целый список наемников, в том числе из других латиноамериканских стран. У него же был обнаружен телефонный номер человека, обеспечивавшего снабжение контрреволюционеров из Гондураса. Офицер контрразведки набрал номер, но человек там в ходе разговора насторожился, быстро его закончил: «Вы не туда попали...»

За «дестабилизацию» страны «контре» щедро платят Соединенные Штаты. За те без малого 40 миллионов долларов, которые ЦРУ официально должно вложить в «Каверт экшн» — подрывные операции,— сандинисты вынуждены дорого платить. И не только кровью погибших. Страна вынуждена ввести всеобщую воинскую повинность. 22 тысяч бойцов сандинистской армии уже недостаточно, чтобы обеспечить безопасность пограничных областей. Призваны военнотруженики запаса, добровольцы с предприятий и из сельскохозяйственных кооперативов. Практически все они исключены из сферы производства. Так что падение уровня производства, трудности со снабжением, инфляция — это тоже плата за дестабилизацию. Один батальон под ружьем обходится стране в месяц в миллион кордобас, что равняется заработной плате 400 промышленных рабочих.

Разговор с военными прерывает переданная записка. Нас ждет команданте Томас Борхе, один из героев Дня Триумфа — 19 июля 1979 года, когда был изгнан Сомоса и разгромлена национальная гвардия в Манагуа. Борхе было тринадцать лет, когда он включился в борьбу против диктатуры. Вот уже 22 года стоит Борхе во главе Сандинистского фронта — фронта освобождения, который он создавал вместе с Карлосом Фонсека. Два раза сидел в сомосовских застенках. Более пяти лет. Пока патриоты не взяли штурмом Национальный дворец, захватив в качестве заложников депутатов и принудив правителя страны освободить политических заключенных, в том числе и Борхе. Когда Томас вышел из тюрьмы, он был похож на скелет: кожа и кости. Как и всех товарищей по застенкам, его подвергали пыткам. В одном из интервью американскому журналу Борхе рассказывал: «Иногда я так подолгу сидел в одиночке, что вызов на пытку воспринимал, как переход в иное человеческое состояние. Однажды, когда меня пытали, я сказал своему охраннику, что в один из дней я рассчитаюсь с ним. «Каким образом?» — спросил он. «Я прощу тебя». Я могу сейчас сказать, что я свел счеты со своим охранником».

Вопрос американского журнала: «Каким образом?» Борхе: «Я простил его».

...В переданной записке говорилось, что команданте ожидает нас в министерстве иностранных дел. Затем пришло сообщение, что он в министерстве внутренних дел — со времени Дня Триумфа он возглавляет это министерство. И, кроме всего, пишет стихи.

Мы снова ждем, вновь проверяют наши вещи. Наконец появляется человек и просит следовать за ним. Он садится в свою «Ладу» и мчится впереди нас через Манагуа. На выезде из города мы попадаем во двор авторемонтной мастерской. Напротив ряд небольших, окрашенных в коричневый цвет бунгалов. Из одного выскакивает солдат милиции и машет нам рукой. Мы переходим улицу и оказываемся в приемной министра внутренних дел. Нам известно, что он должен ежедневно менять свое рабочее место.

Это тоже плата за «Каверт экшн», организованные ЦРУ. Страна, которую Америка называет полицейским государством, должна защищать своего министра внутренних дел. Защищать не от собственного народа, а от посягательств врагов, оплачиваемых теми, кто называет Никарагуа полицейским государством. Один из служащих посольства США весной этого года послал министру иностранных дел Мигелю д'Эското бутылку бенедиктина. Подарок был подвергнут проверке. В ликере оказался талиум — крысиный яд...

Команданте в зеленой форме — один из немногих оставшихся в живых создателей Фронта национальной освободительной армии Сандино.

Мы спрашиваем мнение Борхе о возможной угрозе вторжения со стороны США. В ответ он рассказывает нам подробно историю никарагуанского сопротивления против господства диктатуры. Свои мысли он формулирует четко и точно. Анализ — и вывод: «У нас создались все условия для всенародного отпора возможной агрессии. Мы сделали бы жизнь для агрессора невозможной — все 24 часа в день. Мы им не дадим ни минуты покоя. Они не смогут спокойно дышать на нашей земле. Как долго смогут они здесь остаться, если вторгнутся? Они могут здесь продержаться самое большее шесть месяцев. Им важно создать правительство из числа бывших сомосовцев, но оно просуществует не дольше, чем мороженое, продающееся у школьных дверей...»

Из западной прессы мы знали об аресте 18 профсоюзных лидеров. Борхе уточняет: «Не профсоюзных деятелей, а контрреволюционеров. Мы никого здесь не преследуем по тому принципу, что он является профсоюзным лидером, христианином или сандинистом».

Команданте рассказывает, что несколько дней назад была арестована группа сандинистов, потому что они забросали камнями дом консервативной издательницы Виолетты Чаморры. Он говорит: «Если бы мы этого не сделали, то потеряли бы контроль над положением». Он рассказывает о попытках организовать отбытие наказаний вне тюремных стен и говорит: «Мы в Никарагуа отменили смертную казнь — и это тогда, когда наши погибшие еще не все были похоронены. Думаете, что все это правильно поняли?»

...Фабрика называлась когда-то «Текстильос хилдос дель порвенир» и была подарком старого Сомосы своему сыну. Ее разгромили жители Манагуа в феврале 1978 года — в знак ненависти к диктатуре.

Руины с парой устаревших машин 30-х годов, продававшиеся, американцы хитро провели Сомосу, лежали не используемыми по ноябрь 1979 года. Но вот 34 рабочих решили восстановить фабрику своими силами. Уже в том же месяце фабрика выпустила первый метр хлопковой ткани. Три месяца спустя на фабрике работало уже 190 человек, а сегодня здесь занято 1180 работников, половина из которых — женщины. Выпуск продукции возрос с 2,2 миллиона метров в 1981 году до 6,3 миллиона в 1982-м. А в 1983 году эта цифра составляла 8 миллионов метров. «Техника» — так сегодня называется предприятие — стала крупнейшей хлопкопрядильной фабрикой страны, принадлежащей министерству промышленности.

29-летний Рикардо Обергон до революции был рабочим-текстильщиком. Затем по 1981 год изучал экономику. На предприятие пришел как профсоюзный деятель и член революционного движения студентов. Сегодня он — коммерческий директор фабрики. Мы сидим в его маленьком бюро на краю вновь отстроенного заводского корпуса. Чтобы помочь ответить на наши вопросы, к нему пришли секретарь профсоюза Мария и руководитель отдела по рабочим отношениям Лесбия. Мы хотим знать, что принесла революция рабочим.

Вот ответ Марии: «Сравнивать с прошлым просто невозможно!»

Она рассказывает о профсоюзной организации на фабрике, о мерах по охране труда, впервые введенных после Дня Триумфа, о 50-процентной доплате за обеды и продаже по более дешевым ценам продуктов питания в рабочих киосках. Предприятие помогает в решении проблем жилья, оказывает помощь больным. В случае болезни фабрика может оплачивать до 52 недель половину заработной платы, а вторая половина идет из средств страхования. Средняя заработная плата рабочего «Техники», имеющего четырех детей, составляет 2900 кордобас. Это на 700 кордобас больше среднего заработка рабочего по стране.

На фабрике создан производственный комитет, куда избраны представители всех 27 отделов предприятия. Каждые две недели комитет собирается вместе с профсоюзами и руководством и принимает решение о виде и объеме продукции, обсуждает ближайшие перспективы. Здесь вносятся изменения в первоначальные проекты, разбираются конфликты и недоразумения. Мария подводит итог: «Мы, рабочие, больше не получатели зарплат, а хозяева на фабрике».

Но «Техника» — это не только «рай самоуправления». Работа здесь ведется в три смены, продолжительность рабочей недели 48 часов. Старые машины адски грохочут, и, чтобы уменьшить шум, ведется строительство новых перекрытий. Политически активные рабочие заняты в особых сменах, добровольцы выходят на ночные вахты, время которых засчитывается в общую продолжительность рабочей недели.

В том, что идет война на границе, без труда можно убедиться здесь — прямо на фабрике.

В настоящее время 67 человек принимают участие в боевых операциях, среди них немало лучших произ-

водственников. Да, таково влияние ЦРУ на дестабилизацию. Чем сильнее давление «контры», тем больше сил требуется, чтобы поддерживать на должном уровне оборону. Трое рабочих пали смертью храбрых...

Рамон — технический руководитель «Техники» — должен был уйти на пенсию. Он принадлежит к тем, кто последовал за призывом 34 основателей фабрики. До революции, работая техником, он тоже неплохо зарабатывал, но сейчас для него не это главное. Рамон хочет еще немного поработать, пока подрастет новая рабочая смена. Почему? «У меня есть свои причины любить нашу революцию», — отвечает он.

...На высокие деревянные колья наброшен черный пластиковый шатер, расчищено место для огня и котла, вырыты в глиняной почве и замаскированы окопы. Это временное пристанище для 43 семей в лагере у кромки тропического леса. Крестьяне из Рио Сан-Хуан, реки на границе с Коста-Рикой, мечутся туда-сюда, спасаясь от смертоносных налетов банд Эдена Пасторы. Сан-Карлос, портовый город на берегу озера Никарагуа, еще совсем недавно насчитывал 3,5 тысячи жителей. Сейчас сюда собрались почти 10 тысяч человек со всего региона, многие из них живут в лагерях для переселенцев, похожих на этот.

Но и тут далеко не полная безопасность. Всего в паре километров южнее — граница, где контрреволюционеры то и дело переходят реку. Пять дней назад с наступлением темноты здесь завязалась перестрелка. Подразделение банд Пасторы окружило лагерь и открыло огонь по палаткам. Крестьяне спрятали своих детей в ямы, вырытые под полом. По счастливой случайности никто не был убит и даже ранен.

У входа в лагерь стоит деревянная хижина, в которой соседи утешают вдову и девять детей. Ее муж — 35-летний кампесино, с первого дня революции помогавший в создании кооперативов в этом крае, две недели назад был схвачен «контрой». Бандиты выстроили всех и потребовали назвать свои имена. Затем этого крестьянина отделили от группы и на виду у всех расстреляли. Когда он лежал уже на земле, один из бандитов разрядил в его тело весь свой магазин...

В западной прессе немало писалось об Эдене Пасторе как о социал-демократе и якобы «лево-либеральной альтернативе» сандинистам. Но наши коллеги, работающие в Никарагуа, вспоминают, как весной 1983 года Пастора каждый день призывал по радио: «Убивайте иностранцев! Убивайте кубинцев, убивайте немцев!»

Пастора отражает взгляды тех, кто ему дает деньги. А это — правые христианские демократы Латинской Америки.

В Эстели мы встретили группу католических священников, к которым архиепископ Обандо относится без благосклонности. Сюда, на непроходимый север страны, они были выселены из столицы. Следствием этого стали их тесные контакты с крестьянами. Во время диктатуры Сомосы они познали голод и нужду. «Репрессии того времени сделали нас бунтарями», — говорит один из них. — После падения диктатуры мы пытаемся добиться единства веры и революции».

Они работают с полной отдачей сил и потому подвергаются нападкам церкви, которая приклеивает им ярлык коммунистов. С особой тревогой священники говорят о том, что в последнее время сеющие смерть банды контрреволюционеров носят бело-желтые знаки — цвета Ватикана. Здесь, в Эстели, были недавно найдены листовки со следующими словами: «С богом и империализмом — смерть коммунизму!»

В пяти километрах от границы с Гондурасом в плодородной северной долине лежит город Ялапа. Здесь контрреволюционеры постоянно совершают нападения, уничтожают урожаи кофе. В день нашего приезда хоронили 19-летнего юношу, убитого «контрой». Все население города соединилось в траурной процессии.

Мы посетили санитарный пункт, совсем не приспособленный для оказания помощи тяжелораненым. Два юных врача, командированных сюда на время, должны оказывать медицинскую помощь 32 тысячам жителей.

Больные женщины лежат в коридоре, здесь же находится израненный шрапнелью юноша. А ехать в ближайшую больницу далеко — пять часов на автомашине по ухабистым горным дорогам.

И здесь мы вместе с Доротеей Золле решаем обратиться с призывом о пожертвовании средств. Ялапа нуждается в новой больнице. Если мы у себя в ФРГ купим по доступным ценам медицинское оборудование, то на это для начала достаточно 100 тысяч марок. Я приобретаю себе позже новый автомобиль, а сегодня первым решаю внести половину этой суммы...

Перевод
Владимира МИЛЮТЕНКО.

ОХОТНИКИ ЗА ПРОШЛЫМ

1

Утром Нину разбудил вой ветра. Она подбежала к окну. Балтика, все эти дни такая спокойная, стала вдруг темной и злой. Повсюду, куда хватало глаз, бушевали волны. Громоздясь одна на другую, сталкиваясь, роняя белые гребни пены, неслись они к берегу. Припай во многих местах был взломан, и песчаную полосу берега устилала большая и малые обломки льда. Море подступило к подножиям дюн, ползло по склонам и изыбшим стволам деревьев, лизало их черными языками, с размаху швырялось клочьями пены, развешивая белые хлопья по веткам и сучьям.

Это был шторм.

Он возвещал о том, что зима кончилась и пришла весна.

Офицерские квартиры занимали левое крыло второго этажа. Квартир было две. В одной жил начальник заставы майор Крастынь с женой, в другой — его заместитель по политической части лейтенант Палагутин с женой и сыном.

Постояв у окна с полминуты, Нина вышла в соседнюю комнату к сыну. Маленький Санька спал, развалившись на зеленом диване. Коляска, служившая долгое время кроваткой, стала тесна.

Мир пограничников был особым миром, который и привлекал Нину и пугал. Застава нравилась ей тем, что была похожа на островок, населенный молодыми робинзонами, одетыми в красивую военную форму. Робинзоны отлично ладили друг с другом и все умели делать сами. Держали корову, трех свиней, в соседнем озере ловили рыбу. Среди них имелось несколько поваров, которые, выполнив свои кухонные обязанности, надевали, так же как их товарищи, маскировочные костюмы, брали оружие, собаку овчарку и исчезали в ночной мгле.

Но островок робинзонов был расположен у самого моря, в лесу, удален от залитых огнями, шумных больших городов. Именно эта оторванность и пугала Нину: смогу ли привыкнуть? Правда, у нее были Федор и Санька, а это очень много! Федора на два дня вызвало в Ригу начальство, и сразу напала тоска. А вчера, в первую же ночь без Федора, началась учебная тревога. Хоть и учебная, а все равно страшно.

В размышлениях и разных мелких делах незаметно летел день. К сумеркам море успокоилось: весенние штормы непродолжительны.

Пришла пора идти вниз за ужином. Нина подстраховала Саньку двумя подушками, чтобы во сне не свалился с дивана, приготовила посуду, направилась к двери.

И в эту самую минуту весь дом снизу доверху пронзил долгий прерывистый сигнал тревоги. Затопали солдатские сапоги, взволнованно подскуливая, залаяла молодая овчарка, под окном затрещал мотор «уазика».

«Опять учебная», — подумала Нина.

Но на этот раз тревога оказалась настоящей.

Самой настоящей. Боевой.

2

Аквалангист, казалось бы, предусмотрел все. И время суток — на стыке дня и ночи, и береговой рельеф, и штиль на море, и даже расположение стационарных осветительных устройств. Показав черную голову в маске возле неровной полосы припая, он затем высунул из воды плечи и понемногу начал вырисовываться весь. Море, еще серебристо-белесое у горизонта, возле берега было уже достаточно

темным, чтобы размыть очертания человеческой фигуры, выходящей из воды.

И аквалангист пошел. Но внезапно в него ударил сноп света, ослепительно белый, ровный по всей площади. Это была прожекторная установка поста технического наблюдения, о котором нарушитель государственной границы не знал, да и не мог знать. Сначала была цель на экране, а когда включили прожектор, цель обрела реальные очертания. На заставу полетело сообщение о появившемся аквалангисте, о том, что он, сбросив в воде баллоны, ориентируется, выбирает направление.

Заставу подняли по тревоге. Нарушение границы произошло на стыке двух участков. Начальник заставы позвонил своему «соседу слева» майору Крастыню. И тогда была объявлена еще одна тревога. Та самая, которую Нина приняла было за учебную.

...А что же сделал нарушитель границы, попав в луч прожектора?

Он бросился вперед под защиту крутого откоса высокой дюны, в «мертвую зону» прожектора. Достигнув ее, побежал влево. Бежал, пока хватило сил. Остановился, почти автоматическими движениями сбросил гидрокостюм. Из большого внутреннего кармана гидрокостюма извлек пакет, вынул оттуда и надел на себя синие с белыми боковыми полосами лыжные штаны, куртку с олимпийскими кольцами, ботинки и вязаную шапочку с помпоном. Поцупал застегнутый на «молнию» один из нагрудных карманов. Все в порядке! Тут же припал к песчаному откосу, — луч прожектора проскользнул совсем рядом.

Все описанное длилось не больше минуты. Человек побежал дальше. Увидел свисающие с подмытого морем крутогора длинные сухие корни. Схватился за них, подтянулся на руках и буквально вполз в береговой сосняк.

Между лесным островком, в котором он лежал, и настоящим, большим и густым лесом белел покрытый наледью снег. Пригибаясь, нарушитель преодолел открытый участок.

Лес был старый, не тронутый топором. Он встал стеной перед чужаком. Стволы сосен были как колонны, опущенные у подножий частым кустарником. Нарушитель ворвался в кустарник, тут же начал приглядываться к деревьям. Среди сосен он увидел березу. Одну, вторую. Выбрал дерево, у которого развилка начиналась так, что до нее можно было дотянуться. На миг остановился, вытащил из заднего кармана предмет, похожий на туго набитый бумажник светлой кожи, ловко укрепил его в развилке и рванулся дальше.

Стало так темно, что чужой человек двигался уже почти вслепую, только белый снег под ногами еще помогал как-то ориентироваться. Когда впереди появился просвет, он направился туда и вышел на поляну.

— Стой! — послышалось справа. И тут же вспыхнул фонарь. Нарушитель послушно взметнул руки. Он сразу понял, что пограничник не один. Чуть в стороне от первого, державшего фонарь, показался второй — с автоматом в руках, в маскостюме.

— Я свой! — хрипло проговорил нарушитель. Оказалось, он знал язык местных жителей. — Не надо стрелять.

Подшли еще два пограничника. Задержанного обыскали. Ни документов, ни оружия — ничего. Только в кармане лыжной куртки плотно завернутые в целлофан — две цветные открытки с видами городов Вильнюса и Риги.

3

— Подробно расскажите о себе! Расскажите, почему и с какой целью вы нарушили государственную границу СССР?

— Я родился здесь, в здешних краях. Двухлетним мальчонкой был вывезен в Скандинавию. Это случилось незадолго до того, как Красная Армия выбила немцев из Риги.

Задержанный давал показания не торопясь и не особенно волнуясь. В своем синем олимпийском костюме он походил на заблудившегося лыжника, только лыжная шалочка лежала у него на коленях, а темные, видимо, укладываемые на косой пробор волосы торчали в разные стороны.

Допрашивал задержанного майор Александр Степанович Савин, человек средних лет, невысокого роста, неторопливый в речах и спокойный в движениях. Кроме него, в комнате были начальник погранотряда полковник Бондаренко и молодой офицер-переводчик. Майор Савин сидел за небольшим письменным столом, прямо против него на табурете — задержанный.

— Ваша фамилия? Имя?

— Бергманис. Зигурд Бергманис.

— К кому вы шли?

— К сестре.

— Непонятно. Объясните.

— К родной сестре.

— Станный способ ездить в гости к родственникам, — ни к кому не обращаясь, сухо сказал полковник Бондаренко. Он служил давно, начал с лейтенанта, повидал всякого, наслушался от задержанных разных речей, а такое слышал впервые. И не поверил ни одному слову.

— А сестра знала, что вы собираетесь ее навестить? — спросил майор Савин. Вопрос был второстепенный, но он странным образом убил в задержанном всю уверенность, все спокойствие. Ему почудилось, что сидящий за столом человек в коричневом штатском костюме знает о нем все.

Это не было такой уж большой неправдой. Майор знал то, что было в данный момент главным. А именно: все, что предстояло услышать от задержанного, уже несколько раз прослушано, откорректировано и в конце концов утверждено теми, кто готовил операцию.

Лучше всего было бы вести допрос, оставив только переводчика, но присутствие полковника Бондаренко означало постоянную, непрерывающуюся связь с заставой Крастыня, а это сейчас было очень важно. Именно сейчас, когда каждую минуту могла поступить информация о деталях случившегося.

Задержанный заерзал на табурете.

— Разрешите, все по порядку расскажу?

— Говорите.

— Я вырос в простой рабочей эмигрантской семье, которая жила на одном из больших островов. Выучился на судового слесаря, стал работать в судоремонтных мастерских. Хозяин у меня был хороший, зарабатывал я неплохо. О Советском Союзе слышал всякое, вы сами понимаете. Но с годами, когда уже семей обзавелся, все чаще стал думать о земле отцов, захотелось побывать там, узнать, не осталось ли кого из родственников в живых.

Я обратился в советское посольство за помощью. Через месяц пришло письмо: жива сестра, и ее адрес приложен. Я, конечно, сразу написал. Она ответила. Началась между нами переписка. А в позапрошлом году ваше посольство разрешило мне съездить в СССР, навестить сестру. И я приехал.

— Так, так...— постучав по столу шариковой ручкой, сказал майор Савин.— И куда же вы приехали?

Задержанный назвал небольшой городок километрах в пятидесяти от населенного пункта, в котором они сейчас находились.

— Прожил я там целых два месяца. У сестры. Она в колхозе, живет хорошо. Вообще жизнь у вас мне понравилась, совсем не то, что рассказывают за границей. Я вернулся домой, с женой поговорил. Она тоже из эмигрантов. И мы с ней решили проситься на постоянное жительство.

— Так летел бы всей семьей на самолете, а не плыл один, под водой,— не удержался от иронического замечания полковник Бондаренко, который сидел в сторонке у тумбочки с телефоном.

Задержанный вопросительно поглядел на него, но полковник махнул переводчику: мол, не переводите... Александр Степанович Савин использовал эту маленькую паузу, чтобы собраться с мыслями. Решил— пусть говорит.

— А надо вам сказать,— переводя взгляд на майора Савина, продолжал задержанный,— что среди эмигрантской молодежи довольно много фашиствующих типов. И в нашей мастерской они были. Начали ко мне придираться, пытались ночью подкараулить, избить. А потом хозяин меня уволил. Утешил тем, что, говорит, уволенный быстрее документы оформишь, скорее уедешь.

И тут один человек — он в мастерских бухгалтером был — познакомил меня с каким-то господином. Тот сразу выложил мне свои планы. Мы, говорит, тебя переправим тайно, денег на обустройство дадим, только попросим выполнить одно небольшое поручение.

Я сразу ему резанул — тайно, говорю, не согласен. Меня поймут, посадят и потом...

А он отвечает: во-первых, пусть даже посадят, много не дадут. Отсидишь, выйдешь, а там ты вольный советский гражданин. Дадим мы тебе солидную сумму, можешь не волноваться! Что касается шпионства, то поручение наше простое. Мы помогаем некоторым людям в коммунистических странах. Придет к тебе человек, ты ему отдашь десять тысяч, всего с собой получишь двадцать. Согласен?

Я подумал и согласился.

— Хорошо,— сказал майор Савин,— к этому вопросу мы еще вернемся. А сейчас расскажите о том, как готовился и был выполнен вами переход границы... Постарайтесь не пропустить ни одной подробности. Именно эта часть рассказа может оказать большое влияние на вашу дальнейшую судьбу.

Помня большой рукой лыжную шапку, задержанный ответил:

— Ну, словом, как только я согласился, они сразу начали учить меня плавать с аквалангом.

— Кто «они»?

— Этот самый религиозный деятель, кстати, я вспомнил, он один раз в разговоре назвал себя «мы, евангелисты седьмого дня»... А второй был инструктор по аквалангу, приезжий.

— Почему вы решили, что приезжий?

— Во-первых, говорил с акцентом, потом уж больно был нахальный, на острове таких не встретишь. И, кроме того, ему почти ничего не нравилось, я имею в виду связанное с тем, чем мы занимались. Занятия начали в августе прошлого года. Там же, на острове, но с другой стороны, в каком-то частном водном клубе. И он все время бурчал: «А вот у нас, на Мексиканском заливе...» И вода-де там прозрачнее и бон удобнее. Бон — это, значит, мостки, с которых под воду уходишь,— и то и сё, и пятое и десятое.

С дыхательной трубкой я учился плавать дня два,— эта наука была для меня как игрушка. Потом начали плавание с баллонами, сперва со страховочным тросом — он прицеплялся к моему поясу карабином, и я уходил под воду, разматывая трос на всю длину. Ну, а когда и это освоил, перешли на автономное плавание. Потом сделали перерыв месяца на полтора. Дождались, пока вода похолоднее стала, и начались самые тяжелые экзамены — на срок пребывания в холодной воде. Гидрокостюм сменили, дали другой, с подогревом. А для подогрева — аккумулятор, который крепился на груди. Я испугался: с таким довеском далеко не уплывешь, потопит он меня! Инструктор смеется. Это, говорит, временно. Поплывешь без него, питание будет давать машина. Начал я на пятиметровой глубине под водой сидеть. Двадцать минут, тридцать... До сорока пяти минут дошел, а дальше не выходит — дышать нечем. Тогда дали еще баллон, запасный, научили в воде производить замену. И вот пришел день, показали мне подводный аппарат, на котором предстояло плыть... Но о нем что рассказывать, ваши солдаты, наверно, его уже выгнали.

Не отвечая, майор медленно, с наслаждением потянулся. Глянул на часы, потом на полковника Бондаренку.

— Третий час. На сегодня хватит. Вы как на это смотрите, Сергей Александрович?

— Согласен целиком и полностью,— ответил Бондаренко.

Задержанного увели. Майор Савин отпустил переводчика, предупредив, однако, чтобы он никуда не отлучался. Когда они остались вдвоем, майор, задумчиво глядя в пространство перед собой, проговорил:

— Похоже, что рассказ невыдуманный.

— Что ж, это хорошо,— поддакнул полковник.

— Плохо, Сергей Александрович, очень плохо. Распорядитесь, чтобы немедленно начали поиски аппарата. С фонарями, с прожектором, как угодно, только немедленно!

— Понял, Александр Степанович,— ответил полковник.— Приступаю к исполнению.

4

Лейтенант Палагутин вернулся в свой город вечерним поездом. Последний автобус в сторону погранзаставы уходил с базарной площади через несколько минут. Федор успел как раз — вскочил на подножку, и автобус тронулся. Он был почти пуст. Два поздних пассажира сошли на окраине. Автобус въехал в лес. Федор прошел вперед и начал всматриваться туда же, куда смотрел водитель,— в белое движущееся пространство, вырываемое фарами из глухой синеватой тьмы. Водитель, он же в ночные часы и кондуктор, был знакомым. У заледенелой скамьи, странно выглядевшей в этом ночном безлюдье, остановились. Пожелав шоферу спокойной ночи, офицер прыгнул на твердый, промерзший снег.

Можно было идти по той же дороге. Она пролегла возле заставы и тянулась дальше. Но была еще и другая дорога, вернее, тропинка, которая сокращала путь к заставе примерно вдвое. Лейтенант пошел по ней.

Шагая по знакомым местам, он думал о том, что через пятнадцать — двадцать минут будет дома, разбудит поцелуем Нину, полюбуется сляпим Санькой и, конечно же, узнает, что нового на заставе.

В лесу дышалось легко. Мороз щипал лицо, забирался за воротник, но это было не страшно. В детстве в Мордовии и не такие морозы случались. Лейтенант вспомнил родной город Мелекес, своих людей, которых он любил, малый свой народ, который уцелел в огне столетий, чтобы сегодня жить и трудиться свободно.

Народ был живучий — отец вернулся с фронта без четырех пальцев на правой руке, занялся колхозной пасекой, пчеловоды из большого республик приезжали перенимать опыт. Старший брат бросился на немецкий танк с гранатой и остался жить в родном краю в мордовских и русских песнях.

В школе Федор был начинателем своих сверстников. Несколько лет работал пионервожатым. В выпускном классе стал членом школьного комитета комсомола. Природа одарила парня нечастым талантом — говорить убедительно, так, что товарищи слушали, не перебивая. Когда подошел срок идти в армию, военком предложил Федору подать заявление в военнополитическое училище имени К. Е. Ворошилова.

И вот уже вторая застава в его жизни. Сколько их будет еще впереди!

Ночь выдалась темная. Федор жалел, что нет у него фонарика. Чем ближе к морю, тем лес становился гуще, подлесок подступал вплотную к тропинке. Палагутин пошел медленнее. Вдруг ему показалось, что где-то совсем рядом скрипнул снег. Он остановился, прислушался, напрягая зрение, посмотрел вокруг.

И в эту минуту на лейтенанта обрушился удар страшной силы.

5

Пока начальник заставы отвозил нарушителя в штаб отряда, старшина, а с ним еще четверо пограничников обшарили и осмотрели весь береговой участок, где вышел из воды нарушитель. Повторили с овчаркой весь путь его по берегу, подобрали сброшенный гидрокостюм, вытащили из воды баллоны, поднялись на откос и дошли по лесу до места, где нарушитель был схвачен. Ничего подозрительного замечено не было, однако нужно учесть, что дело происходило уже глубокой ночью.

Возвращаясь, пограничники возле самой заставы нагнали своего замполита лейтенанта Палагутина. Он шел, шатаясь, обхватив голову руками. Услышав голоса, лейтенант обернулся и упал на руки подоспевших солдат.

Майор Крастынь был уже на заставе. Только что позвонили из штаба отряда, что к майору выехали аквалангисты из морской пограничной части искать подводный аппарат. Евгений Артурович вышел на крыльцо прикинуть, какие осветительные средства он сможет дать аквалангистам, и увидел вошедших во двор заставы пограничников, которые почти волоком тащили лейтенанта Палагутина.

— Что случилось? — сбежав с крыльца, спросил майор Крастынь.

— Не могу знать, товарищ майор,— ответил старшина.— Мы нагнали лейтенанта почти у ворот.

Майор нагнулся над Палагутиным.

— Что с тобой, Федор?

Но лейтенант был без сознания.

В эту минуту к заставе подъехала машина моряков-пограничников. Часовой открыл ворота. К майору Крастыню подбежал молодой мичман.

— Прибыли в ваше распоряжение, товарищ майор.

— Да, да,— машинально ответил майор Крастынь.— Сейчас поедем... Старшина,— обернулся он к двери,— окажите лейтенанту помощь, вызовите врача, докладывайте мне... Крови нет?

— Нет, товарищ майор.

Майор заглянул в маленький «пикап» морских пограничников. Два аквалангиста сидели уже в гидрокостюмах, накрыв плечи короткими черными шинелями. Середину машины занимал жесткий надувной плот.

— Ледяной воды не боитесь?

— Нет, товарищ майор,— бойко отозвались оба.

— Мичман, отправляйтесь за мной.

Вскоре обе машины были на месте. Майор приказал подогнать грузовик с прожектором. Мичман, быстро разобравшись в обстановке, командовал:

— Приготовить плот!

Оба аквалангиста, действуя молча, но расторопно, вытащили полунатянутый, иначе он не поместился бы в машине, плот. Положив, подкачали воздуха, взяли с двух сторон за «брагу» — так называется тонкая крепкая веревка, идущая вокруг спасательного плота или шлюпки,— поднесли плот к тому месту, где нарушитель границы вышел на берег. Мичман зажег фонарь, попросил выключить уже ненужный теперь слепящий прожектор. Один аквалангист вошел в воду, таща плот на буксире.

Море было тихим. И мгла над ним не была такой плотной, как в лесу. Розоватый отблеск далеких миров ложился на водную гладь, серебрились гребешки слабого прибоя, белели глыбы ледяной каймы. Евгений Артурович Крастынь, сын латышского стрелка, воевавшего за освобождение Якутии от белых, родился в таежной глуши. Но с малых лет он носил в своем сердце Янтарное милое море, как латыши называют Балтику. Ему пришлось служить на берегах двух океанов — Ледовитого и Тихого,— но там было совсем другое. Он понял это лишь под конец своей пограничной службы, попав в родные места отцов и дедов. Он не хотел, да и не смог бы объяснить, чем отличается Балтика от остальных морей и океанов. Сейчас, повернувшись лицом к морю, он просто пил малыми глотками тихий холодный воздух, в котором уже чувствовался апрель.

Майор был уверен, что аппарат моряки найдут, а что будет дальше, это уже дело других: у каждого своя служба. Волновало только неожиданное несчастье с замполитом. Что с ним? Упал, отравился в городе чем-нибудь или на него напали? Если напали, была бы кровь...

Неподвижно стоящего в темноте начальника заставы заметил мичман. Подошел к нему.

— Товарищ майор, вы бы пока погрелись в машине. Работа у нас затянется часа на полтора...

Поглядев на мичмана, чье круглое мальчишеское лицо сияло, несмотря на старание быть серьезным, майор скорее машинально, нежели любопытствуя, спросил:

— Думаете, мичман, это будет сложно?

— Так точно! — отчеканил мичман. Вопрос, заданный майором в такой, прямо скажем, уважительной форме, давал дорогу пространному объяснению, а именно этого и хотело молодому моряку: ему впервые поручили руководство серьезной операцией.

— Если предположить, что нарушитель рассчитывал вновь воспользоваться подводным аппаратом для возвращения, тогда он не просто затопил свою «машинку», бросив где придется. Он постарался спрятать ее понадежнее. «А как же гидрокостюм?» — хотел было спросить Евгений Артурович, но передумал: уж больно увлеченно рассказывал мичман. А тот продолжал:

— Поэтому думаю, что найти аппарат будет непросто. К тому же вода холодная, придется делать перерывы.

В этот момент с дюны скатился пограничник-связист.

— Товарищ майор, вас вызывает «Нева»! — Слово «Нева» на шифрованном языке службы означало «начальник отряда».

Евгений Артурович взял наушник, сдвинув шапку, приложил к уху.

— Слушает майор Крастынь.

— Евгений Артурович, слушай меня внимательно. Срочно организуй поиски по маршруту нарушителя. Ищите во втором лесу березу с развилкой в двух метрах от земли. В развилку вложен нейлоновый пакет. В нем должно быть двадцать тысяч рублей. Пакет — в оболочке, замаскированной под бересту. Найдешь, доложи немедленно!

— Есть, товарищ полковник!

6

Отдохнув с полчаса, майор Савин вызвал переводчика, приказал привести задержанного. Тот, видимо, провел время в размышлениях. Принял строгий вид, который мог означать решение больше ничего не говорить или, наоборот, сообщить что-то важное. Майор через переводчика спросил, не хочет ли задержанный закурить. Бергманис отказался — некурящий и несмело попросил чашку крепкого кофе.

Отпивая его маленькими глотками, о чем-то думал. Майор не торопился, Бергманис начал сам.

— По-моему, вы мне не верите. Ну, что ж... Помните, я говорил о деньгах, которые обещал тот религиозный деятель? Я привез эти деньги! Я спрятал их в лесу, пока бежал. Они в нейлоновом пакете, окрашенном под цвет березовой коры. Я сделал все точно, как мне приказали там. Сразу вы не найдете, — я путал следы. Теперь можете поверить в мою полную правдивость.

— Сейчас проверим, — спокойно сказал майор Савин. Тут же по телефону передал это сообщение начальнику погранотряда. И вот тогда-то полковник Бондаренко и вызвал на связь начальника заставы.

— Сколько же времени вы плыли? — И опять, как недавно о сестре, этот второстепенный вопрос вызвал волнение

— Часов у меня не было. У меня вообще ничего не было, кроме денег.

— А... цветные открытки, две штуки?

— Какие открытки?.. Ах, те... Тоже они дали. Сказали, вроде бы на счастье. Все равно, дурак, попался.

— Ну, допустим, Рига на счастье... А Вильнюс зачем?

Бергманис молча пожал широкими плечами.

— Ну, хорошо, — терпеливо продолжал майор Савин. — Допустим, я вам поверил. Расскажите теперь, как вы ориентировались под водой? Судя по открыткам, вы предполагали возможность очень большой ошибки в курсе.

— Нет. Там так устроено, что в курсе ошибиться нельзя. У меня перед глазами все время был прибор, укрепленный на раме аппарата. На круглом темном поле — неподвижная светящаяся точка и качающаяся светящаяся стрелка. Надо было держать их все время на одной линии, и все!

— А руль глубины тоже был?

— Кто его знает, может, и был. То есть, конечно, был.

Допрос шел вяло. Оба — и следователь и допрашиваемый — думали о другом. Они ждали телефонного звонка.

И вот он раздался.

Майор Савин слушал спокойно, никак не выражая своего отношения к тому, о чем ему говорил полковник Бондаренко. В конце сообщения поблагодарил и положил трубку.

— Ну, что ж, Бергманис, — сказал майор Савин, поднимаясь из-за столика. — Ваши показания подтвердились. Деньги найдены. — И после маленькой паузы закончил: — Осталось найти аппарат.

— А вдруг вы его не найдете?

7

За окнами штаба погранотряда уже занялось робкое апрельское утро. После звонка о найденных деньгах прошло часа три. Полковник Бондаренко прилег у себя в кабинете на диван, накрывшись шинелью.

Его поднял телефонный звонок, зазвучавший особенно резко после долгой тишины. Полковник быстро вскочил. Докладывал майор Крастынь. Начальник отряда слушал, не перебивая, лишь иногда произносил: «Так... так...». Закончив разговор, попросил телефониста соединить с дежурным.

— Всех офицеров — ко мне! Позвоните майору Савину, пусть приезжает немедленно.

Через несколько минут в кабинете начальника отряда собрались офицеры. Среди них — начальник физподготовки отряда капитан Гусаров.

Стоя за столом, начальник отряда объявил: — Товарищи офицеры! Подводный аппарат найден. Это тандем. Границу перешли два человека. — Подождите, пока смысл сказанного дойдет до каждого, он продолжал: — О втором нарушителе никаких данных нет.

Отдав необходимые распоряжения по организации и проведению поиска, полковник отпустил офицеров, попросив задержаться начальника штаба и капитана Гусарова.

— Взять собаку, обыскать место, где случилось происшествие с лейтенантом Палагутиным, это организуйте вы, — сказал он начальнику штаба. — А вы, капитан Гусаров, берите машину и быстро доставьте сюда подводный аппарат.

К начальнику штаба подошел майор Савин. — Мне думается, следует обратить особое внимание на верхнюю одежду подозрительных лиц... Вряд ли на втором нарушителе может быть тяжелая верхняя одежда.

— Учту, товарищ майор, — ответил начальник штаба. У самой двери майор Савин остановил капитана Гусарова.

— У меня к вам большая просьба. Прямо сразу, по телефону опишите мне устройство аппарата, отметьте, что вам, лучше нас знающему подводный спорт, особенно бросилось в глаза.

— Есть позвонить по телефону. Вы будете здесь, у полковника?

— Пока буду здесь. Капитану Гусарову ехать на заставу не пришлось. Майор Крастынь сам доставил аппарат в штаб отряда.

Два пограничника внесли его в кабинет полковника Бондаренко.

Крестынь выглядел плохо. Под глазами черные круги, лицо осунувшееся.

— Зачем приехал, майор? — Начальник отряда, тоже порядком утомленный после бессонной ночи, посмотрел на майора с участием. — Прислал бы эту штуку с прапорщиком, а сам отдохнул бы. Столько часов на ногах...

— Спасибо, Сергей Александрович... Но мне пришел в голову похожий случай. Это было на Дальнем Востоке. Нарушитель границы прикинулся крестьянином-бедняком, ищущим защиты от притеснения своих властей. Вышел на наши посты и сразу стал спрашивать «насяльника». А второй шел за первым буквально след в след, чтобы в темноте пристроиться к нам и, прячась за нашими спинами, выйти из опасной для него зоны. Расчет оказался точным — собаки отвлечены, мы тоже заняты первым нарушителем. Тогда, правда, у них из этого ничего не вышло, а вот сейчас, боюсь, вернулось иначе.

Полковник не согласился с этим.

— Говорить о чем-то определенном рано. Пока поездов не было. Всех, кто будет садиться на поезд «Калининград — Рига», тщательно проверим. Городские машины чужого человека с собой не возьмут, да и много ли их выехало ночью? Две-три... Проверим. Явки в пограничном населенном пункте тоже не должно быть: слишком уж рискованно, да и людей здешних мы всех знаем. А если спрятался где, — полковник уже не называл того, кто мог спрятаться, имея в виду, что все поняли и так, — если спрятался — долго не просидит, выйдет.

Но майор Савин опять подошел к Крестыню:

— А это интересно. Случай на Дальнем Востоке. Вы считаете, что и вчерашний нарушитель шел след в след за первым?

— Видите ли, мы нашли аппарат метров на сто левее того места, где он предположительно должен был находиться. Я попробовал представить в уме то, что было. Вот первый аквалангист вышел на берег, вот он попал в луч прожектора. Этот луч сквозь слой воды мог увидеть и второй нарушитель. Выждав, пока прожектор передвинется, второй осторожно выставил из воды голову. И увидел, что луч идет в одну сторону, в правую, а первый нарушитель в тени высоких дюн, бежит в другую, влево. Тогда второй опустился на дно и направил аппарат тоже влево. Здесь он мог совершенно случайно увидеть — или даже наткнуться на них — сваи старого причала. Используя неожиданно счастливый момент, чтобы отделаться от аппарата, ткнув его между сваями, второй взобрался на гребень дюны по тому же бурелому, по тем же сухим корням, что и первый, только начал двигаться, скажем, пятью минутами позже. Я думаю, что первый нарушитель неспроста так долго метался по лесу. Он делал проход для второго в предполагаемой сигнальной системе.

Видя, что его слушают с интересом, майор Крестынь продолжал:

— Поведение второго нарушителя можно считать большой дерзостью. Риск был очень велик, так как минут через пятнадцать граница была снова закрыта. Я даже уверен, что ему не удалось бы проскользнуть, если бы...

— Если бы... — повторил майор Савин, вслушиваясь самым внимательным образом в каждое слово.

— Если бы он шел в штатском... Но будь на нем маскировочный белый костюм с капюшоном, а на ногах хоть что-то напоминающее валенки...

— ...тогда в темноте, держась от всех на некотором расстоянии, он мог бы сойти за пограничника, — закончил за начальника заставы майор Савин.

— Вот этого я и боюсь.

— Задача второго нарушителя, — с досадой сказал полковник Бондаренко, — облегчилась тем, что в операции участвовали пограничники двух застав. Не все они знали друг друга в лицо... Да, — продолжал он, размышляя, — это вполне могло быть белым балахоном. Тем более, что под ним легко скрыть шкуру аквалангиста. До удобного момента... Кстати, второй гидрокостюм так пока и не найден?

Никто не ответил. Лишь майор Савин продолжал шагать по кабинету, оценивая услышанное вслух.

— Валенки, пусть даже бутафорские, балахон, шапка — ведь это надо где-то разместить, а нарушители не на моторке приехали.

— И даже не на резиновой лодке, — попытался пошутить полковник Бондаренко.

Капитан Гусаров, осматривавший аппарат, повернулся и посмотрел на полковника.

— Разрешите доложить результаты осмотра?

— Докладывайте.

— У французского исследователя подводных глубин Кусто уже имеются сконструированные им акваланды. Но там аквалангисты плывут рядом, держась за одну, общую дугу. Этот же тандем — специальной конструкции, места аквалангистов расположены одно за другим. В таком варианте второй аквалангист ничего не видит, кроме находящегося перед ним партнера. Но, с другой стороны, эта конструкция более обтекаема, имеет меньшее лобовое сопротивление. При таком размещении пловцов эффективность двигателя увеличивается. На аппарате — два двигателя, их можно включать синхронно — для скоростного рывка и порознь — для обычного движения. Оба двигателя снабжены отличными глушителями остроумной конструкции... Это уж явная защита от эхолота... На заднем участке рамы, примерно под животом у второго пловца, имеется багажник, вернее, место с пружинными захватами, сам багажник отсутствует. Думаю, что при соответствующей подготовке пловцов на таком тандеме можно преодолеть под водой двадцать — двадцать пять километров, конечно, если хватит воздуха в баллонах. Вместо воздуха может быть кислородно-гелиевая смесь...

Опять зазвонил телефон. Докладывал дежурный. Понимая интерес присутствующих, полковник Бондаренко повторял слова дежурного вслух:

— Положение с поисками нарушителя... На поезд «Калининград — Рига» сели пять человек, документы у всех в порядке, внешность не вызывает сомнений... При посадке в автобус «Бергю» задержан гражданин без документов. Следовавшая с ним гражданка, имеющая документы, заявляет, что это ее муж... Идет выяснение...

— Я хочу провести следственный эксперимент, — сказал майор Савин полковнику Бондаренко. — Вы должны мне помочь.

— Все, что нужно, будет сделано, — ответил полковник.

— Аппарат пусть остается там, где стоит. Но его надо бы замаскировать чем-нибудь. Закрывать газетами, а лучше тканью...

— Можно взять со склада зеленую столовую клеенку, — предложил полковник.

— Отлично. Закутайте получше, но так, однако, чтобы маскировку можно было убрать одним рывком. Это делает солдат по моему знаку. Поставьте солдата вот здесь. Порепетируйте с ним, чтобы не начал возиться в нужный момент. А второго, — майор Савин обвел глазами кабинет, — второго, самбиста, причем опытного, поставьте к окну. Пока вы это делаете, я съезжу, доложу начальству, попрошу разрешения на эксперимент. Думаю, что разрешение будет. Да, кстати, из офицеров оставьте капитана Гусарова.

Майор вернулся через час. С переводчиком и задержанным, которого сопровождали два сотрудника.

Задержанного посадили на заранее приготовленный стул, прямо против стола, хозяйское место за которым занял на сей раз майор Савин. Полковник Бондаренко стоял рядом. Офицер-переводчик подошел к Бергманису, капитан Гусаров опустился на стул возле книжного шкафа. Кроме них, в кабинете было два сержанта-пограничника — у замаскированного аппарата и у окна. Майор Савин отпустил своих сотрудников. Бергманис с любопытством и некоторой настороженностью осматривался вокруг. В основном он чувствовал себя неплохо, — перед тем как ехать сюда, ему вернули все личные вещи, отобранные вчера — шерстяное трико, нижнее белье, — и дали побриться электрической бритвой.

— Итак, — обращаясь к задержанному, начал майор Савин, — вы продолжаете утверждать, что являетесь Зигурдом Яновичем Бергманисом, братом Гунты Яновны Бергмане, по мужу Силмане, что это имя не присвоено вами и не дано теми, кто посылал вас? По мере того, как майор говорил, особенно после того, как он назвал имя сестры и ее фамилию по мужу, лицо допрашиваемого все шире расплывалось в радостной улыбке.

— Ну, а как же!.. Конечно же... А вы, значит, уже успели проверить?

— Как видите... А теперь прошу ответить еще на один вопрос. Прежде, чем отвечать, подумайте: от этого во многом будет зависеть ваша дальнейшая судьба... Сколько человек было на подводном аппарате?

— Я... один... — с некоторой растерянностью ответил допрашиваемый, почуяв неладное. Майор постучал шариковым карандашом по столу — знак для сержанта, и клеенка, укрывавшая аппарат, была немедленно сдернута.

— Посмотрите туда, — сказал майор, указывая карандашом.

Допрашиваемый резко повернулся на стуле и замер, ошеломленный. Рот его приоткрылся, как у боксера, которому нанесли боковой удар в челюсть. Подводный аппарат, очищенный от песка, тщательно вытертый, блестел черным лаком приборной панели, анодированными крышками герметических устройств, никелем трубок и латунью, как новенький. Слово никто к нему не прикасался и злым миражем было плавание в ледяной глубине, совершенное на нем. Майор, продолжая держать в руке шариковый карандаш, подошел к аппарату. Ткнув в места для пловцов, спросил жестко:

— Здесь были вы! А тут кто?

Удар, к которому не готов, всегда очень болезнен. Допрашиваемый уперся взглядом в пол. Майор кивнул сержанту. Тот перешел к окну, загородив его. Наступил момент, вероятность которого была предусмотрена, — задержанный мог рвануться к окну.

Но ничего такого не произошло. Человек, опустив голову, сидел, подумал, потом хлопнул ладонями по коленям и решительно выдохнул:

— Да... Я обманул. Нас было двое... Те, кто организовал нашу переброску, предупредили меня: если будешь от всего отказываться, получишь срок только за себя, а проболтаешься, что вас было двое, — получишь и за себя и за второго, даже если он убежит. И точно, на что я могу рассчитывать сейчас?

— Мы можем гарантировать вам все права, всю защиту, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Латвийской ССР, — сухо сказал майор.

— А это не так мало, — добавил полковник Бондаренко. — Надо только выкладывать правду.

— Хорошо. Деваться мне некуда. Буду говорить правду. Хотя половину я уже сказал прошлой ночью... Сначала все было так, как вы знаете, и увольнение с работы, и знакомство с евангелистом, и подводные тренировки... Но в самом конце тренировок в клуб на «пикапе» привезли вот этот аппарат, двухместный. Инструктор сказал, что второе место — тренерское, то есть его: он сам пойдет со мной под воду, проверить, как я управляюсь в разные трудные моменты.

Все так и было, как он сказал. Нас на баркасе вывезли в море, так, миль на пять от острова, команда на судовой лебедке спустила аппарат к воде, мы с инструктором заняли места, я — головное, он — у меня в ногах, пошли на среднюю глубину. Сигналы были такие: два толчка в мою ногу — «заглох передний мотор», три толчка — «впереди, на поперечном курсе — неизвестный предмет», один толчок — «внимание, подходим к месту высадки». Я все выполнил правильно: когда заглох мотор, включил дублирующее зажигание, перед поперечным предметом ушел в глубину, а на подходе к месту выключил двигатель.

Думал я, что с аппаратом, на котором сдавал экзамен, больше не встречу. И, прямо скажу, очень удивился, когда недели через две увидел его на палубе рыбацкой шхуны, которая, как я знал, везла меня в море уже для броски. Помнится, вышел я на палубу в гидрокостюме, но еще без маски и, конечно, без ласт. Вижу, команда спускает вот этот самый аппарат в воду. Тут же был и евангелист. Я к нему: что эта картина означает? Он спокойно объяснил: ничего страшного, вы пойдете не один. Я глаза вытарщил — неужели с инструктором, пропади он пропадом?

«Нет, — говорит, — с вами пойдет наш человек. У вас свое задание, у него свое». Протестую, говорю, не выйдет, так мы не уговаривались. Неизвестно, что за человек, может, настоящий шпион? Попадется, еще стрелять начнет, и я через него погибну.

Евангелист успокаивает: не волнуйтесь, он даже не видел вас в лицо. Он ничего о вас не знает, так же, как и вы о нем. Просто вы — два пассажира одного поезда, и ничего больше.

И тут как раз на палубу выходит второй аквалангист. Я сразу натянул свою вязаную шапочку на самый нос; не знает, и не надо ему знать. Но он и сам поспешил отвернуться от меня и тут же шмыгнул в каюту... Вот так мы и поехали.

— Значит, вся остальная часть ваших первых показаний остается без изменений? — спросил майор Савин.

— А чего в ней менять, там все правда.

— И насчет открыток тоже?

Допрашиваемый явно растерялся.

— Я уточняю вопрос. Имеют ли найденные при вас открытки с видами городов Риги и Вильнюса какое-нибудь отношение к заданию, полученному от так называемого «евангелиста»?

— Это опознавательный знак, — пробормотал Бергманис, опустив голову.

«Смена» — 60

Указ
Президиума Верховного Совета РСФСР
О награждении журнала «Смена»
Почетной Грамотой
Президиума Верховного Совета РСФСР

За плодотворную работу по коммунистическому воспитанию молодежи, мобилизации ее на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства наградить журнал «Смена» ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР
М. ЯСНОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР
Х. НЕШКОВ

Москва, 20 января 1984 года.

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «СМЕНА»

Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи поздравляет сотрудников, членов редколлегии, авторский актив, читателей журнала «Смена» с 60-летием со дня выхода первого номера.

На протяжении всей своей истории «Смена» находится в строю боевой комсомольской печати, помогает партии, Ленинскому комсомолу в коммунистическом воспитании юношества. Неуклонно следуя принципам советской печати, журнал является активным пропагандистом ленинских идей, славных революционных, боевых и трудовых традиций Коммунистической партии и советского народа. На страницах издания поднимаются важные вопросы экономической, социальной и культурной жизни страны, проблемы воспитания у молодежи коммунистического отношения к труду, дисциплины и организованности, патриотизма и интернационализма, формируется готовность по первому зову встать на защиту Родины.

Неоднократно «Смена» выступала как организатор полезных начинаний молодежи. 15 лет журнал шефствует над освоением Западной Сибири, пишет летопись ударных дел первопроходцев, по инициативе редакции в

Новом Уренгое построены две библиотеки. Широкую поддержку получила в стране акция издания «Детский дом — теплый дом». Многие делают «Смена» для улучшения эстетического воспитания молодежи, развития литературы для юношества, становления творческой смены.

Сегодня журнал последовательно и настойчиво мобилизует комсомольцев, юношей и девушек на борьбу за претворение в жизнь исторических решений XXVI съезда КПСС, планов одиннадцатой пятилетки.

ЦК ВЛКСМ выражает уверенность в том, что на страницах журнала будут и впредь публиковаться глубокие по содержанию, свежие по мысли, яркие по форме и языку материалы, отражающие свершения нашей молодежи, смело поднимающие актуальные проблемы действительности, утверждающие советский образ жизни, наши коммунистические идеалы.

Желаем вам, товарищи, новых творческих успехов, здоровья и счастья.

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического
Союза Молодежи

13 января в Октябрьском зале Дома союзов состоялся торжественный вечер, посвященный 60-летию журнала «Смена».

Юбилей собрал передовиков производства, представителей партийных и комсомольских организаций, Советской Армии и Флота, работников редакций газет и журналов, полиграфистов, авторский актив, писателей, художников, посланцев подшефных «Смене» коллективов — Нового Уренгоя, детских домов и других.

Слово предоставляется первому секретарю Центрального Комитета ВЛКСМ тов. В. М. Мишину. После приветственной речи В. М. Мишин вручает коллективу редакции «Смены» Памятное Красное знамя ЦК ВЛКСМ.

Главный редактор журнала «Смена» А. А. Лиханов охарактеризовал деятельность молодежного издания, его важнейшие журналистские акции, остановился на некоторых проблемах. Он отметил, что «Смена», воплощая на практике принципы ленинской публицистики, являясь верным помощником партии, всегда стремилась быть в гуще жизни, вела и ведет заинтересованный диалог с молодым современником, отстаивает и утверждает активные

позиции в борьбе за коммунистическую нравственность и общественный прогресс.

С праздничной трибуны со словами приветствия и пожеланий к журналу обратились токарь автозавода имени Ленинского комсомола, депутат Верховного Совета РСФСР, член ЦК ВЛКСМ Николай Махонин, председатель Центрального штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа, маршал авиации, Герой Советского Союза С. И. Руденко, учащаяся профессионально-технического училища № 116 Москвы Оксана Кузнецова, секретарь Правления Союза писателей СССР, лауреат Государственной премии СССР, главный редактор журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» А. С. Иванов, завуч Покровского детского дома Владимирской области Т. А. Сергеева.

В торжественном вечере приняли участие ответственные работники ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, руководители издательства «Правда», Правления Союза писателей СССР, главные редакторы центральных газет и журналов.

Письма, приветственные адреса, телеграммы... В дни юбилея редакция «Смены» получила многочисленные поздравления — от рабочих коллективов и общественных организаций, от министерств и ведомств, творческих учреждений, писателей, журналистов, читателей. Поистине широк круг наших друзей.

«Если печатные издания в своей индивидуальности сравнимы с людьми, то «Смена» определенно интересный, содержательный, последовательный человек, — пишет нам из г. Перми Константин Александрович Королев. И продолжает: — Я далеко не молод. «Смену» читаю с 1924 года, то есть с самого первого номера. Давно приобрел к этому плодотворному занятию сына, инженера-механика, а теперь и внуков. Хотел вот приехать в Москву и лично вас поздравить, да нездоров».

Вот телеграфные строки, переданные из Ленинграда:

«Мне, старому коммунисту, особенно приятно отметить, что «Смена» уделяет большое внимание ленинской теме, воспитанию подрастающего поколения на примере жизни и деятельности вождя, на ярких примерах борьбы пламенных революционеров-большевиков. Пусть и в дальнейшем не слабеет эта традиция нашей печати, которую партия по праву называет действенным инструментом воспитания трудящихся. Успехов тебе, молодая, боевая «Смена»! В. П. Виноградов, член КПСС с 1915 года».

От всего сердца благодарим за добрые слова в адрес редакции ветеранов партии, и среди них Н. Е. Бабину, члена КПСС с 1917 года, делегата первых съездов комсомола, Л. П. Соколова и Г. Р. Ударова, делегатов VI съезда ВЛКСМ, состоявшегося в 1924 году и принявшего резолюцию о присвоении комсомолу имени Ленина.

«Поздравляем от имени восьмилетней комсомольской организации четырехжды орденосного производственного объединения Челябинский тракторный завод имени Ленина... Публикации «Смены» помогают нам решать важные задачи. Комитет ВЛКСМ».

«19 тысяч подписчиков вашего журнала в Свердловской области ждут новых интересных номеров, готовы вместе с вами осваивать проблемы драматической педагогики, дарить книги детским домам, ценить по рабочему достоинству рубль заработанный и потраченный. Обком ВЛКСМ, Царгородцев».

Почта, телеграф, телефон дней юбилея подтвердили деловые и, мы бы сказали, взаимообогащающие контакты «Смены» с министерствами и ведомствами.

«Сегодня наш общий праздник — 60 лет «Смене», — говорится в приветственном адресе министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. — Наша отрасль — строительство подземных магистралей для транспорта нефти и газа — сейчас одна из самых молодых. Посланцев комсомола привлекают и глобальность решаемых проблем и трудная романтика первопроходцев, осваивающих недра Сибири. Шаим и Самотлор, Медвежье и Уренгой стали славными страницами биографии Ленинского комсомола. Журнал «Смена» в этих краях пользуется особой популярностью — ведь его редакция уже много лет шефствует над освоением нефтегазовых районов Западной Сибири.

И в том, что вопреки всяким препонам из-за океана газ знаменитого Уренгоя досрочно достиг западных границ нашей страны по уникальному газопроводу Уренгой — Ужгород, — тоже заслуга «Смены».

Убежден, что «Смена» и впредь будет верна теме освоения и преобразования, верна своим героям, которые вершат грандиозные по замыслу и размаху дела».

Еще одна часть нашей юбилейной

почты — это голоса наших коллег из центральных, республиканских, областных молодежных газет и журналов, приветствия творческих союзов, учреждений, деятелей литературы и искусства.

«Дружба журнала с советскими писателями выдержала испытание временем, и мы надеемся на ее новые яркие проявления. Молодость, силы, новых больших свершений! Правление Союза писателей РСФСР».

Редакция прислала приветствия: детские и юношеские писатели Москвы, Союз писателей Монголии, первый секретарь Правления Союза композиторов СССР Тихон Хренников, коллектив издательства «Детская литература», Центральный детский театр, учащиеся библиотечного отделения Курганского культпросветучилища, совет Музея юных защитников Родины Курска.

«Популярность журнала — лучшее подтверждение той истины, что возраст не помеха: и в шестьдесят «Смена» остается молодой, горячей, ищущей. Новых успехов. Роста тиража. Очередей у киосков. Георгий Товстоногов».

«Московский государственный детский музыкальный театр сердечно поздравляет талантливый коллектив. Наталия Сац».

«Смену» поздравили:

Маршал Советского Союза, Первый заместитель Министра обороны СССР — Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами В. Куликов, Политуправление погранвойск КГБ СССР, комсомольский отдел Главного политического управления Советской Армии и Флота, командование и политотдел Воздушно-десантных войск. Многие ЦК ВЛКСМ союзных республик и обкомы комсомола, коллектив ВКШ при ЦК ВЛКСМ, Ново-Уренгойский и другие горкомы комсомола; комсомольцы Ивановского камвольного комбината, треста Сибметаллургмонтаж (Новокузнецк), новосибирского завода «Электросигнал», Магнитогорского металлургического комбината, машиностроительного завода имени Ленина (Курган); сотрудники и студенты Кировского сельхозинститута, коллектив СПТУ-180 Москвы; коллегия Госпрофобра СССР, министр пищевой промышленности СССР В. П. Ленин, Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР; режиссер С. Герасимов, писательница М. Прилежина, академик В. А. Энгельгардт, летчики-космонавты СССР — П. Попович, П. Климук, Б. Вольнов и другие, английский писатель Джеймс Олдридж, чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов, олимпийский чемпион, вратарь сборной СССР по хоккею Владислав Третьяк, капитан теплохода «Смена» В. Смыковский и многие-многие-многие другие!

Редакция «Смены» сердечно благодарит всех, кто поздравил журнал в связи с его 60-летием.

Редакция выражает искреннюю признательность участникам праздничного концерта, посвященного юбилею «Смены»: лауреату премии Ленинского комсомола, Всесоюзного и международных конкурсов вокальному ансамблю «Русская песня» (руководитель Н. Бабкина), лауреату международных конкурсов скрипачу С. Стадлеру, лауреату международных конкурсов иллюзионисту А. Аюпиану, артисту Москонцерта Ю. Григорьеву, лауреату премии Ленинского комсомола и международных конкурсов композитору Е. Мартьянову, солистам балета Москонцерта А. Зерновой и Б. Новикову, камерному ансамблю старинной музыки Большого театра, народному артисту РСФСР, лауреату премии Ленинского комсомола И. Кобзону, поэту, лауреату Государственной премии СССР Р. Рождественскому, лауреату конкурсов артистов эстрады конференсье О. Миллявскому.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1363) МАРТ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
Москва.
Красная площадь.

Фото
Николая
РАХМАНОВА

1-8 МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНУМА ЦК КПСС.

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС,
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР,
СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ,
К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ.

ТРАУРНЫЙ МИТИНГ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.

9 Владимир ЧИЧЕРОВ,
дважды Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС.
«ВЗРОСЛЕНИЕ».

11 Алексей ВОРОБЬЕВ, Альберт ЛЕХМУС.
«НА КАРТЕ НЕ ЗНАЧИТСЯ».

16 Адель АЛЕКСЕЕВА.
«ВРЕМЕНА ГОДА».

20 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.
Владимир КУЧМИЙ. «ГОРЯЧИЙ ЛЕД».

22 Рассказ Эллы ФОНЯКОВОЙ
«КАМЕЯ».

23 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ».

24 ЗАРУБЕЖНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ В «СМЕНЕ».
Гюнтер ВАЛЬРАФ.
«НИКАРАГУА: ВИНТОВКА И ПЛУГ».

27 Повесть Льва ПРОЗОРОВСКОГО
«ОХОТНИКИ ЗА ПРОШЛЫМ».

31 «СМЕНЕ» — 60.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИ-
КИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБ-
ЧИКОВ, В. А. СЯУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ,
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (замести-
тель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена», 1984 г.

26 шахматная ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Шахматная геометрия

В некоторых задачах фигуры в ходе решения вычерчивают (если их путь изобразить графически) четкие геометрические рисунки. Простейший пример — королевский треугольник, с помощью которого очередь хода передается противнику. В композиции есть ряд тем, классифицированных по геометрическому признаку: королевский крест, королевская звездочка и т. д. Многие из них удалось выразить и в жанре миниатюры. Так, например, в следующей зада-

че минимальными средствами представлен ладейный крест.

Мат в 2 хода

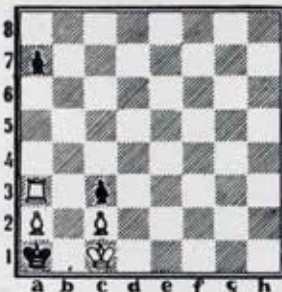
1. Се5! (цугцванг) 1... Ле7 2. fe× 1... Лf8 2. f7×, 1... Лg7 2. fg×, 1... Лf6+. 2. С:f6×. В тематических вариантах ладья ходит на четыре соседних поля, что и определяет название темы.

В решениях сегодняшних заданий участники олимпиады без труда обнаружат геометрические мотивы.

Белые: Крh2, Фg1 (2)
Черные: Крh4, Ke4, пл. h3, h5 (4)
Белые начинают и дают мат в 4 хода (2 балла)

Белые: Крс1, Ла3, пл. a2, c2 (4)
Черные: Кра1, пл. a7, c3 (3)
Белые начинают и дают мат в 5 ходов (2 балла)

Белые: Крh8, Лh7, Се5, Ke8, п. d7 (5)
Черные: Крд8, Лс6 (2)
Белые начинают и дают мат в 4 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «26-я шахматная олимпиада. 5-й тур». Последний срок присылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 мая.

2 шашечная ОЛИМПИАДА

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

Наука и шашки

Мы уже говорили, что шашки содержат элементы науки, искусства, спорта. В чем же их близость с наукой?

В шашках науку представляет теория. Она изучает стратегию и тактику игры, приемы, схемы разыгрывания начальной, средней и заключительной стадий партии. Как и в науке, в шашках важнейшим методом исследования является анализ — ведь количество возможных шашечных позиций необозримо. И механизм мышления схож — интуиция и логическое мышление в науке приводят к открытию, в шашках — к нахождению лучшего продолжения. А такие требования, как ло-

гичность, экономичность, оригинальность решений, необходимы и в науке и в шашках. Наблюдательность, стремление к совершенству, полная отдача сил, неустанный поиск — все это необходимо в шашках.

Шашки помогают воспитывать выдержку, самодисциплину, учат находить главное в многообразии фактов и явлений, приучают соблюдать плановость и избегать «лишних ходов», а это и для ученого чрезвычайно важно. Шашки помогают развивать мышление, память, интеллект, эмоциональную устойчивость. А в пожилом возрасте, тренируя мозг, препятствуют развитию атеросклероза мозговых сосудов, защищают мозг от увядания. Многие ученые любят шашки и играют на уровне кандидатов и мастеров спорта.

Пятый тур

1. Назовите имена ученых из вашего города, области, республики, которые любят и играют в шашки (1—5 баллов).

2. В. Свизинский (Минск). Публикуются впервые.

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 4 балла).

Последний срок отправления ответов на задания пятого тура — 1 мая (по почтовому штемпелю). Не забудьте сделать пометку «2-я шашечная олимпиада. 5-й тур».

Такая доплата положена только рабочим и младшему обслуживающему персоналу во всех производственных и некоторых непромышленных отраслях народного хозяйства (торговля, сбыт, заготовки, материально-техническое снабжение, общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство и др.). Оплата за совмещение производится в зависимости от объема выполняемых работ, но не более 50 процентов тарифной ставки (оклада) по основной работе.

Для отдельных категорий работников постановлением Совета Министров СССР от 4 декабря 1981 года сохранены ранее установленные более высокие размеры доплат за совмещение профессий (должностей). Например, на морском транспорте и в рыбной промышленности членам экипажа судна, выполняющим еще чьи-либо обязанности, сохраняется, помимо заработной платы, 110 процентов должностного оклада недостающих по штату работников.

Обязанности временно отсутствующего работника могут возлагаться как на одного, так и на нескольких работников. В этих случаях производится доплата, если на основную и дополнительную работу имеются межотраслевые, отраслевые и другие технические обоснованные нормы трудовых затрат.

«СМЕНЫ»

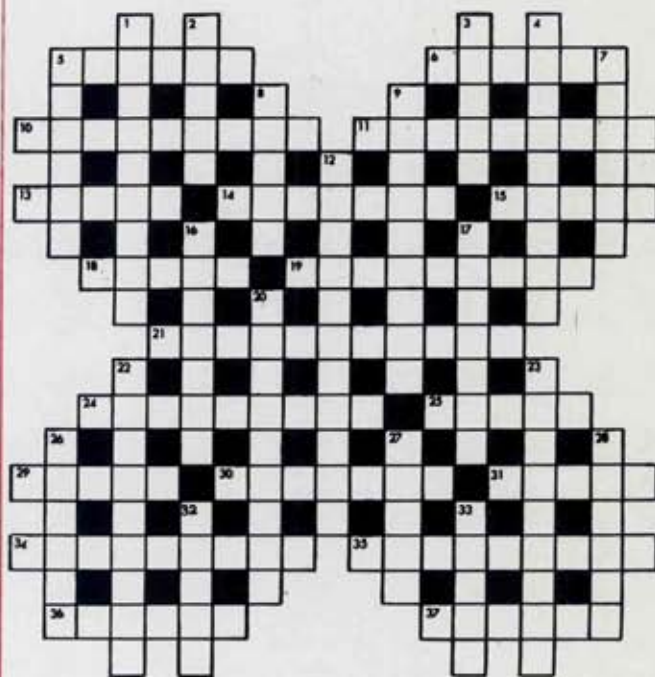
На вопрос читателя отвечает юрист Александр КИСЕЛЕВ

Юридическая консультация

В отделе, где я работаю, часто временно кто-нибудь отсутствует, и оставшимся приходится выполнять его обязанности. Положена ли какая-либо доплата за это?
Л. СКОРИК, Козельск

КРОССВОРД

Составил С. АБЕЛИН, Москва

По горизонтали:

5. Музыкант. 6. Итальянский мореплаватель, открывший Америку. 10. Часть часов. 11. Направление в медицине XVI—XVIII веков, боровшееся со схоластикой. 13. Единица силы тока. 14. Богиня плодородия и земледелия в греческой мифологии. 15. Столовый прибор. 18. Беспозвоночное животное. 19. Первое ученое звание в СССР. 21. Раздел языкознания. 24. Писатель. 25. Возглас с целью остановить, подзвать человека. 29. Крупная промышленная птица. 30. Город на северо-западе Канады. 31. Певец-тенор, народный артист СССР. 34. Холоп в Древней Руси, отпущенный на свободу. 35. Русский литературный критик. 36. Спортивное общество. 37. Герой романа Майн Рида.

По вертикали:

1. Русское название любого иностранца. 2. Крепежная деталь в механизмах. 3. Двигатель. 4. Персонаж оперы И. Дзержинского «Тихий Дон». 5. Блестящий успех. 7. Легкая повозка. 8. Вид искусства. 9. Советский хоккеист, чемпион мира и Олимпийских игр. 12. Русский композитор XIX века, автор баллады «Черная шаль». 16. Басня И. А. Крылова. 17. Пришитая к брюкам тесьма, охватывающая ступню. 20. Незаменимая аминокислота. 22. Опера М. П. Мусоргского. 23. Прибор для измерения влажности воздуха. 26. Столица европейского государства. 27. Мужская одежда без рукавов. 28. Отечество. 32. Символ чести воинского подразделения. 33. Слесарный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

1. Яранга. 5. Содома. 12. Аргентина. 13. Обзорение. 14. Мольер. 15. Фотон. 16. Чакона. 19. Титр. 20. Речитатив. 21. Цирк. 24. «Хористка». 25. Интервал. 26. Карнавал. 29. Декалитр. 33. Арно. 34. Глоксиния. 35. Ямал. 38. «Огниво». 39. Смерч. 40. Графин. 43. Текстолит. 44. Елизавета. 45. Эйткен. 46. Гранат.

По вертикали:

2. Риголетто. 3. Нанаец. 4. Азин. 5. Слог. 6. Дергач. 7. Манголина. 8. Шахматы. 9. Майолика. 10. Ботошани. 11. Чеканка. 17. Фестиваль. 18. Синтаксис. 22. Вишня. 23. Брыль. 27. Анненский. 28. Люксметр. 29. Дмитриев. 30. Тимофеева. 31. Жалость. 32. Плантаж. 36. Цветок. 37. Юрмала. 41. Клин. 42. Рынг.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.01.84. Подписано к печати 01.15.02.84. А 09919. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 613. Заказ № 2132. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820